

История
языков
народов
Европы

В. П. ГРИГОРЬЕВ

**ИСТОРИЯ
ИСПАНСКОГО
ЯЗЫКА**

В. П. Григорьев

ИСТОРИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Допущено Министерством высшего
и среднего специального образования СССР
в качестве учебного пособия для студентов
институтов и факультетов иностранных языков

Издание пятое

Григорьев Вадим Павлович

История испанского языка: Учебное пособие. Изд. 5-е. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — 176 с. (История языков народов Европы.)

В пособии излагается история испанского языка с дороманского до современного периода. Оно состоит из пяти разделов, в которых рассматриваются общие вопросы становления испанского языка, его место в ряду романских языков, литературные памятники; кроме того, дано описание отдельных уровней испанского языка: фонетического, морфологического и синтаксического в разные исторические периоды.

Книга предназначена студентам, изучающим испанский язык на факультетах иностранных языков высших учебных заведений.

Рецензенты:

кафедра испанской филологии Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (зав. кафедрой — доц. С. А. Рызванюк);
кафедра испанского языка Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (зав. кафедрой — Н. И. Попова)

ООО «ЛЕНАНД». 117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. ПА, стр. 11.
Формат 60x90/16. Печ. л. 11. Зак. № 5641.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография». Филиал «Чеховский печатный двор».
142300, Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

ISBN 978-5-9710-1622-9

© ЛЕНАНД, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Со времени первого издания прошло уже 17 лет. И хотя исторические науки, как правило, редко меняют что-либо существенное в практическом их наполнении; в теоретическом, идеологическом подходе они могут меняться довольно значительно. Так, погоня за более четким подходом к объяснению различий латинского языка и народной (вульгарной) латыни сменилась обращением к протороманским явлениям, которые заняли опустевшее место языка-матери. Однако далеко не все, чем живет сейчас история испанского языка, может стать материалом для учебника, не говоря уже об учебнике, включающем материал по истории диалектов иберо-романских языков, но это время приближается.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие по истории испанского языка написано в соответствии с Программой курса истории испанского языка, утвержденной Министерством просвещения СССР в 1983 году. Пособие рассчитано на студентов, имеющих начальную лингвистическую подготовку в объеме курсов «Введение в языковедение» и «Латинский язык».

Пособие не может заменить типовой учебник по истории испанского языка ни по своей направленности, ни по методике подхода к материалу. Задача данного пособия состоит в том, чтобы выделить различные компоненты языка и показать их развитие. При изложении курса принята методика тематического, проблемного раскрытия отдельных разделов. Изменения отдельных уровней языка от начальных этапов до современного состояния даются не в последовательности отдельных срезов всей системы испанского языка, а по разделам: «Изменения фонетического уровня», «Изменения морфологического уровня» и т. д., что позволяет наглядно представить механизм изменений языка во времени.

В связи с тем, что большинство студентов, изучающих историю испанского языка не имеет в учебной программе курса «Введение в испанскую филологию» или «Введение в романскую филологию», в пособии дан некоторый материал по этим темам. По сравнению с учебным планом отдельные разделы пособия освещены более подробно, например, раздел об историческом синтаксисе, другие — менее подробно — раздел об истории испанского глагола.

Пособие может быть использовано всеми занимающимися романской филологией.

Автор благодарит рецензентов Ю. А. Смычковскую, Е. Б. Передерий и А. А. Воинову за ценные замечания и рекомендации, которые помогли в работе над рукописью.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Изучение закономерностей развития языка входит в общую проблему языкового изменения, которая обычно решается сопоставлением различных синхронных срезов. Понятие синхронного среза возникает в связи с тем, что развитие языка обусловлено не только его структурой, но и социальными факторами. При исследовании истории языка процесс его развития представляют как последовательность отдельных состояний, снимается синхронный срез диахронического потока в целом. Установление синхронных срезов является искусственным приемом, который позволяет проследить изменения системы и вместе с тем наблюдать «движение в неподвижном»¹.

В конкретном диахроническом описании всегда нужно учитывать специфику отдельных сторон языковой системы. Современные диахронические методы проще всего применить к лексике языка, их применение в грамматике вызывает уже определенные сложности, а фонология в этом смысле остается наиболее спорной и трудной областью.

Диахронический подход особенно необходим в тех случаях, когда речь идет о языке, испытывавшем большие структурные изменения и, в то же время, сохраняющем элемент преемственности в своем развитии (например, испанском и, шире, в других романских языках). «Полностью усвоить действующий строй таких языков, без учета их истории не представляется возможным», — указывает акад. И. И. Мещанинов, здесь «внимание обращается в первую очередь на слагаемые элементов языка в их комплексе. В этот комплекс, образующий языковую структуру, включается и синтаксис в его тесной связи с действующими нормами, а также с особенностями фонетического строя и лексики... Диахронический анализ не исключает подхода к каждому языку как к выдержанной системе и опирается на нее при выяснении функционального назначения грамматической формы»².

В специфику истории конкретного языка входят также сложные вопросы взаимодействия данного языка с языка-

¹ См.: О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960; Проблема разграничения синхронии и диахронии — В сб.: Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973, с. 107—118.

² Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных

ми, соприкасавшимися с ним в результате их общего исторического развития. Вопросы взаимодействия языков и сегодня представляются еще очень сложными и спорными. Например, если говорить о взаимодействии внутри индоевропейской семьи языков, то исторические группировки их, известные по памятникам письменности или современным живым народным говорам, лишь в малой степени отражают первичное диалектное членение праязыковой области, еще совсем не установившееся, диффузное и зыбкое, в связи с общественными условиями эпохи формирования индоевропейского единства. Эти группировки являются результатом длительного и сложного процесса развития, продуктом многократного взаимодействия и скрещения с другими родственными, а также с неродственными языковыми группировками. Поэтому, как считает современная наука, членение индоевропейской лингвистической общности в разные исторические эпохи было различным.

Большую роль в курсе истории языка играют экстралингвистические факторы, т.е. факторы, относящиеся к социальной, культурной, религиозной, политической истории испанского народа. Зачастую этих данных не хватает именно для лингвистического решения того или иного вопроса.

Изучение взаимодействия факторов языкового и неязыкового ряда входит в задачу истории языка, ибо «языковед, рассматривающий свой объект как систему, которая функционирует во времени, пространстве и обществе, будет стремиться учесть это взаимодействие»¹. К сожалению, история испанского народа — носителя языка, в особенности ее начальные страницы, известны далеко не в полном объеме.

Курс истории языка специфичен кроме того и по материалу, так как мы имеем дело прежде всего (а на ранних этапах эволюции языка — исключительно) с его отдельными памятниками — политическими, юридическими, литературными и др., причем одни эпохи представлены в памятниках более полно, чем другие. При недостатке памятников некоторых этапов развития испанского языка и при наличии ряда диалектов на территории Испании ис-

типов. М., 1967, с. 8; см. также: *Реферовская Е. А.* Развитие предположных конструкций в латинском языке позднего периода. М. — Л., 1964.

¹ *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 6.

следователь может невольно перенести черты памятника лишь одного диалекта на всю картину развития языка в целом. С другой стороны, памятники языка, «поскольку они предназначались для понимания более или менее широких групп населения соответствующей страны и эпохи, не дают возможности выявить достаточно полную языковую систему, ибо несут на себе печать различного рода ограничений: стилистических, жанровых, социальных, по объекту описания, по форме речи (письменная) и т.д.»¹.

Изучая историческую эволюцию испанского языка, исследователь сталкивается с тем, что для понимания многих деталей этого процесса ему недостаточно знать один испанский язык, требуется знание и других близких к нему языков, которые мы называем романскими, а дисциплину, изучающую все романские языки — романистикой. История испанского языка поэтому входит составной частью в общую историю романских языков. В свою очередь, романские языки являются лишь одним из ответвлений семьи индоевропейских языков, так как генетически связаны с одним из языков этой семьи — латинским.

Долгое время изучение романских языков основывалось на методике, общей для изучения всех индоевропейских языков — на сравнительно-историческом подходе, возможности которого полностью еще не использованы и сегодня. Однако у романистов имеется и своя частная методика. Дело в том, что в основе всех романских языков лежит народный латинский язык, составляющий нераздельное единство с классическим латинским языком. И тот и другой достаточно хорошо, хотя и не во всем объеме, известны специалистам, в отличие, например, от прагерманских или праславянских языков. Поэтому романские языки могут изучаться не только как памятники прошлого, но и, пользуясь словами известного романиста Й. Йордана, как «живые организмы».

Создателем романистики² принято считать Фридриха Дица, который разделил все известные к этому времени романские языки на две группы: а) восточные романские языки: итальянский и румынский, б) западные романские языки: французский, испанский и португальский, наряду со старофранцузским и старопровансальским. Третий том

¹ Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи, с. 26.

² Сам термин «романская филология» был употреблен в первый раз в 1863 г. немецким филологом К. Маном.

его книги «Грамматика романских языков», посвященный исследованию синтаксиса, во многом сохранил свое значение и сегодня.

Один из основоположников романской диалектологии, Грациадио Асколи ввел в лингвистический обиход еще один романский язык — ретороманский. Благодаря трудам Г. Асколи романское языкознание обратило внимание на живые народные говоры, изучение которых становится отныне одной из важнейших задач романистики. Кроме того он является и первым теоретиком проблемы субстрата.

Новые тенденции в романистике выявились в трудах видного романиста младограмматического направления¹ Вильгельма Мейер-Любке. Его перу принадлежат многочисленные грамматики и словари и среди них книга о каталанском языке.

Мейер-Любке рассматривал проблему сравнения романских языков как средство воссоздания народной латыни, которая, собственно, и послужила основой формирования романских языков. Он уделял преобладающее внимание фонетическим факторам.

С именем Гуго Шухардта связано дальнейшее изучение внутренней истории народной латыни, которую он делит на пять периодов. Он первый устанавливает относительную хронологию фонетических изменений народной латыни. Шухардт доказал, что народная латынь — продукт долгого исторического развития. Ее тенденции можно проследить, например, в разговорной речи римлян, как периода архаической латыни, так и имперского периода. Он показал генетическую преемственность между народной латынью и романскими языками.

Необходимо отметить также работы М. Бартоли по языковым контактам. Он же ввел в романистический обиход еще один, правда, мертвый романский язык — далматинский. Другой романский язык — молдавский — ввел в романистику М. В. Сергиевский. Отметим также очень важную работу В. фон Вартбурга по классификации романских языков², работы по романским языковым контактам и другим проблемам У. Вайнрайха, К. Тоггебу, Э. Бурсье, Е. Косериу, Г. Рольфса и др.³

¹ Лингвистическая школа конца прошлого века (Бругман, Пауль и др.), уделявшая много внимания поискам строгих фонетических закономерностей перехода от одного языка к другому.

² См.: *Wartburg W.* Die Ausgliederung des romanischen Sprachraumes. Bern, 1950 (имеется ее испанский перевод: *La fragmentación lingüística de la Romania.* Madrid, 1952).

³ См.: *Rohlf G.* Romanische Philologie. Heidelberg, 1950 — 1952,

Много ценных работ по романистике написано советскими учеными В. Ф. Шишмаревым, Р. А. Будаговым, Г. В. Степановым, Е. А. Реферовской, Р. Г. Пиотровским, М. С. Гурьчевой, М. А. Бородиной, Ю. С. Степановым, О. К. Васильевой-Шведе, Н. А. Катагощиной и др.

Академией Наук СССР ведется большая коллективная работа по созданию сравнительно-сопоставительной грамматики романских языков. Уже вышли грамматики галло-романской подгруппы, итало-романской, иберо-романской, румынского и ретороманского языков.

Этот краткий обзор положения в романистике был бы не полон, если не упомянуть о том, что современные лингвисты, используя разработанные новейшей лингвистикой методы (сравнительно-сопоставительный, статистический, метод комбинированного и дистрибутивного анализов, метод построения моделей, глоттохронологии и др.) пытаются найти более объективные критерии для решения проблемы классификации романских языков. Работы Р. А. Будагова, Д. Духачека, Г. Рольфса и др. открывают новые возможности перед романистикой. Широко используется сегодня структурный анализ грамматики романских языков, ее отдельных черт и закономерностей. На основе описания фонологических, морфологических и синтаксических выражений отдельных категорий языка (числа, рода, времени, вида и т.д.), строится типологическая классификация романских языков¹. Сопоставление данных такого анализа пока еще не позволяет создать общую типологическую классификацию, так как еще не решены проблемы фронтального описания всех грамматических черт романских языков в сопоставительном плане между собою и с латинским языком и так как классификации по отдельным чертам никак не накладываются на генеральную классификацию.

Создание научной испанистики в нашей стране² связано с именем Д. К. Петрова, глубоко интересовавшегося также

Bd. 1—2; *его же*: Die lexikalische Differenzierung der romanischen Sprachen. Versuch einer romanischen Wortgeographie. München, 1954.

¹ См. сб.: Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности. М., 1972.

² О развитии испанистики см.: *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX веков. Л., 1964; *Степанов Г. В.* История изучения романских языков в России и в СССР. — Уч. зап. ЛГУ, 1958, с. 165—184; *Васильева-Шведе О. К.* Пятьдесят лет советской испанистики. — Вестник ЛГУ, 1967, № 20, вып. 4; *её же*: Испанистика в СССР и актуальные проблемы испанской филологии. — В кн.: Вопросы испанской филологии. Л., 1974, с. 25—50.

вопросами истории испанского языка. В его статье «Несколько слов о происхождении испанского языка» подчеркивается роль новых советских исследований по этнографии и языкознанию для изучения иберийского субстрата. Много сделал для развития испанистики ученик Д. К. Петрова Б. А. Кржевский, известный советский кельтолог и романист А. А. Смирнов, К. Н. Державин. Большой вклад в испанистику внес М. П. Алексеев, активно содействовавший появлению целого ряда научных испанистических сборников.

Начальный период испанистики был связан прежде всего с изучением истории испанской литературы и филологии в целом, а также введением планомерной вузовской подготовки испанистов (с 1935 года при Ленинградском университете)¹. В 1937 г. О. К. Васильева-Шведе выпустила первый советский Учебник испанского языка (под ред. В. Ф. Шишмарева). В 1938—39 гг. О. К. Васильева-Шведе и В. С. Узин создали антологию испанской литературы XII—XIX вв. и серию комментированных текстов и книг для чтения на испанском языке.

Интересы испанистов на новом, продвинутом этапе характеризуются прежде всего изучением живых романских языков, диалектов и наречий, изучением теории² и истории испанского языка и литературного процесса в Испании.

Здесь прежде всего следует назвать фундаментальный труд В. Ф. Шишмарева «Очерки по истории языков Испании»³, описывающий историю испанского, каталанского, галисийско-португальского и баскского языков, с привлечением широкого культурно-исторического материала. В нем указывалось на важную роль пиренейских языков при решении теоретических проблем романского и общего языкознания.

Сведения об истории испанского языка, дополняющие материалы Шишмарева, содержались в книге М. В. Сергиевского «Введение в романское языкознание», у Э. Бурсье «Основы романского языкознания» и в кратком очерке истории испанского языка Э. И. Левинтовой. Ей же принадлежит статья о становлении литературной нормы ис-

¹ Первый советский испанско-русский словарь вышел в 1930 г. Его создателями были С. Игнатов и Ф. Кельин.

² Первый в СССР теоретический курс испанского языка вышел в 1972 г.: *Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В.* Теоретическая грамматика. Морфология и синтаксис частей речи. М., 1972.

³ См.: *Шишмарев В. Ф.* Очерки по истории языков Испании. М.—Л., 1941. 4-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2010.

панского языка «Лебриха и Вальдес (из истории литературной нормы испанского языка)».

Истории литературного языка посвящены статьи Г. В. Степанова «К вопросу о формировании испанского национального языка» и «Об общенародном характере литературного языка». В книге Г. В. Степанова «Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи» ставится вопрос о типологии состояний языка (диалект, общенародный язык, национальный язык, их устные и письменные формы реализации, функциональные стили), имеющей непосредственное отношение к его истории.

Исследования в сопоставительно-историческом плане, проводимые советскими испанистами, помогают более глубоко осветить проблему своеобразия испанского языка среди других романских языков, разрушить миф об его «архаичности». Р. А. Будагов полагает в этой связи, что «понятие архаичности одного из родственных языков сравнительно с другими должно быть результатом взаимодействия синхронных и диахронных аспектов изучения каждого языка, тогда само понятие архаичности получит иное истолкование»¹.

Среди таких исследований можно назвать работы Ю. С. Степанова по сравнительно-историческому синтаксису, О. К. Васильевой-Шведе по неличным формам глагола, И. А. Короленко по этимологическим дублетам и ряд других.

Под руководством М. А. Бородиной ведутся лингвогеографические исследования. В частности, исследования уже изданных лингвистических атласов являются неотъемлемой частью исторической грамматики и лексикологии испанского языка. Лингвогеографическое исследование помогает более четко определить границы испанских языков и диалектов, осветить спорные вопросы о принадлежности отдельных языков (например, каталанского) к той или иной языковой группе и другие проблемы. Связь ибероамериканистики (изучение языков Латинской Америки) и лингвогеографии с проблемами истории испанского языка несомненна, можно надеяться, что именно здесь будет получен ответ на целый ряд малоизученных явлений в истории языка.

¹ Будагов Р. А. Изучение испанского языка в наше время. — В кн.: Вопросы испанской филологии. Л., 1974, с. 89.

ГЛАВА I

ЯЗЫКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПЛЕМЕН ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ОСОБЕННОСТИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В ИСПАНИИ

Испанский язык и романские языки

Испанский язык является государственным и литературным языком Испании, всех стран Южной и Центральной Америки (кроме Бразилии, Гаити, Гайаны, Суринама, Малых Антильских островов) и Мексики. На Балканах встречается староиспанский язык, на котором говорят сефарды — потомки евреев, изгнанных из Испании в 1492 г. Всего на испанском языке говорит свыше 170 млн. человек (по данным 1970 г.)¹.

В испанском языке существует две основные группы диалектов: северная, содержащая леоно-астурийский и арагонские диалекты, и южная, включающая андалусийский, мурсийский диалекты и диалект Эстремадуры.

Испанский язык не является единственным средством языковой коммуникации в пределах самой Испании. Наряду с ним сосуществуют различные языки и диалекты. Среди них — кастильский², астурийский, леонский, арагонский, наваррский, андалусийский и так называемые «переходные диалекты» — мурсийский и эстремадурский. В плане истории языка выделяется мосарабский диалект. В свою очередь, диалекты могут включать различные говоры. Так, в кастильском различают говоры Бургоса, Алавы, Сории и Риохи.

Испанский язык входит в группу романских языков, число которых и классификация еще вызывает споры среди исследователей. Наиболее распространена точка зрения, что существует 14 романских языков³.

¹ См.: БСЭ, т. 10, с. 543.

² Кастильский как диалект различными авторами определяется по-разному: региональный, территориальный, внутренний географический и пр.

³ См.: Корлэтяну Н. Г. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. М., 1964, с. 97.

Еще совсем недавно наиболее принятой считалась генетическая классификация, которая устанавливает сам факт близости того или иного языка к латинскому языку-основе, а затем выявляет степень близости языка или его отдельных уровней (фонетического, морфологического, синтаксического, лексического) к тому же латинскому языку. Позднее эта классификация была дополнена сравнительной структурно-типологической, основанной на анализе общих структурных черт у близкородственных языков.

Однако оказалось, что строго лингвистический анализ не дает основания для полной классификации. Так, в упомянутом сборнике «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков» выявлено, что, по существу, фонологические системы девяти сравниваемых языков весьма различны и не сводятся к единой модели. Морфемная структура форм также свидетельствует о глубоких расхождениях между романскими языками. Значительное сходство получено только при сопоставлении их синтаксических уровней, ибо этот уровень свидетельствует об общности логических категорий, действительно близких у родственных языков.

Сравнительно-типологический анализ двух иберо-романских языков — испанского и португальского — также выявил глубокие расхождения на фонологическом уровне, различия же в морфологии, а особенно в синтаксисе оказываются более частными.

Более продуктивными оказались классификации, учитывающие не только интралингвистические, но и экстралингвистические — социально-политические, историко-культурные, территориальные и иные факторы¹. Романские языки принято подразделять на две группы: западнороманские и восточнороманские.

Западнороманские языки делятся на подгруппы — иберо-романскую (испано-романскую), галло-романскую и итало-романскую (итало- и ретороманскую), некоторые исследователи выделяют еще окситано-романскую подгруппу.

Восточнороманские языки насчитывают две подгруппы: северодунайскую и южнодунайскую (чаще их объединяют в общую балкано-романскую подгруппу).

К иберо-романской подгруппе относят три языка: испанский, португальский и каталанский.

В португальском языке имеются диалекты: северо-

¹ См.: Корлэтяну Н. Г. Указ. соч. с. 96.

португальский, южнопортугальский, мирандский, Азорских островов и мадерский. Обычно к нему относят и галисийский диалект населения испанской провинции Галисии¹.

В каталанском языке выделяют основные диалекты: каталанский, валенсийский и балеарский. Сложность изучения каталанского для целей классификации заключается прежде всего в том, что исторически Каталония была связана с Францией, с Провансом. Каталанский язык, по замечанию исследователей, один из самых «литературных». Научная и художественная литература на каталанском появилась уже с XIII в. под сильным влиянием провансальской литературы. Р. Менендес Пидаль подчеркивает иберо-романский характер каталанского языка, другие (например, Г. Рольфс) считают его диалектом провансальского; часто каталанский называют *lengua-puente*, чтобы подчеркнуть его особый «переходный» характер, как бы связывающий подгруппы иберо- и галло-романскую.

Галло-романская подгруппа включает два языка: французский и провансальский.

К итало-романской подгруппе относятся итальянский, сардский и ретороманский.

К восточнороманским языкам относятся северодунайские языки: молдавский и румынский.

Приведенная классификация исходит только из современного состояния языков и диалектов². В различные исторические эпохи роль и место отдельных ее компонентов существенно менялась, о чем, в частности, свидетельствует и история испанского языка.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЯЗЫКИ И ПЛЕМЕНА ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Название «иберы» впервые встречается в греческих документах в VI в. до н. э. По современным воззрениям,

¹ Ряд исследователей (О. К. Васильева-Шведе, Г. В. Степанов) считают галисийский самостоятельным (отдельным) языком. «В лингвистическом аспекте, т. е. с точки зрения индивидуальности его внутренней структуры, он отличается от всех романских языков, вовлеченных в испанскую ситуацию, и уже поэтому не может быть причислен к испанским диалектам ... В структурном отношении галисийский в современном его виде отличается от португальского. Различия между ними не столь велики, как между галисийским и испанским, но все же достаточно четко обозначены» (Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций ..., с. 150).

² Классификацию на иных основаниях см., например: Широкова А. В. Сравнительно-историческая фонетика романских языков (ареалы Галлии и Балкан). М., 1981, с. 84.

разделяемым большинством ученых, иберы пришли из северной Африки, распространились по всей Испании, южной Франции, северной части Италии, Корсике, Сицилии и Сардинии, создали свою империю, которая вела войны с Египтом.

Иберизация не затронула севера полуострова, где постепенно возникает баскская культура, скорее всего как синтез предшествующих культур неизвестных нам племен.

Баски (васконы) принадлежали к племенам, родственным древним аквитанам. Связи между ними, правда, еще до конца не установлены, впрочем как и связи между басками и иберами¹. И те и другие являются древнейшими племенами на Иберийском полуострове. Их этнические и языковые контакты стали историей уже ко времени проникновения сюда финикийцев и греков. Греческие источники сообщают, что ко времени финикийского завоевания Кадиса на юго-западе Испании существовало Тартессийское государство. Тартессу, как полагают археологи и историки, предшествовала так называемая культура Эль Аргара, главный очаг которой находился на юго-востоке страны. Тартессийская держава объединяла множество различных племен. Племена турдетанов и турдулов, о которых пишет Страбон и Птоломей, считаются потомками тартессиев.

Историк Юстин рассказывает о легендарных тартессийских царях Гаргорисе и Габисе. Установлено местное, турдетанское происхождение легенд об этих царях². Гаргорис и Габис были царями кунетов, одного из тартессийских племен, название которого осталось не только в надписях, но и в исторических документах. Судя по раскопкам, их последнее прибежище под натиском кельтов было на территории современной Португалии (район Альгарве), где они смешивались с греческими и пуническими колонизаторами.

Племена, населявшие юг Испании, многое восприняли и от культуры тех народов, с которыми вступали в многочисленные контакты: от финикийцев, греков-фокейцев, этрусков, египтян и других.

На рубеже VI—V вв. до н.э. финикийцев на юге сменяют карфагеняне, владения которых охватывают значительную часть земель Испании. Во второй половине III в.

1 См.: *Tovar A. Cantabria prerromana o lo que lingüística nos enseña sobre los antiguos Cantabros.* Madrid, 1955.

² См.: *Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании.* М., 1976, с. 14.

до н.э. здесь вырастает могущественная держава Баркидов, долгое время ведущая войны с Римом.

История северо-западных и центральных областей Испании связана с историей кельтов.

Если в письменных источниках Средиземноморья имеется довольно много сведений о тартессийцах, иберах, финикийцах и т. д., то о присутствии в Испании кельтов не известно почти ничего. О них свидетельствуют скорее данные археологии. Хамитские и семитские племена попадали в Испанию с юго-востока, кельты двигались на полуостров через Пиренеи с территории Центральной Европы. Известно, что на Испанию было несколько нашествий кельтских племен¹. Это нашествия так называемого периода «захоронений в урнах» (по-испански — *campos de urnas*) — 1000—800 гг. до н.э. Ряд исследователей считает, что это были иллирийцы, источники же называют их *berigraeces*.

Другая мощная волна кельтского нашествия пересекла Пиренеи в 600—500 гг. до н.э.: археологи связывают ее с культурой «битых черепков» (*cerámica excisa*), гальштатской культурой. Колонизация была довольно продолжительной. Последние по времени поселения находились на берегах Дуэро. Есть основания соотносить название Дуэро с валлийским *dûr* и ирландским *dobog* — вода и считать его кельтским топонимом. Источники выделяют здесь племена белгов (*belgas*), давших основу будущим исторически известным племенам: антригоны, каристионы, белоны (*antrigones, caristios, belos*). А. Товар считает, что к этому же времени относится и этногенез кельтиберов. Известно также, что первая волна кельтов оставила топоним — *briga*, а вторая — *dunum*.

Кельты довольно рано оторвались от других индоевропейских племен, их язык развивался самостоятельно и в нем сохранилось относительно больше архаических форм.

Существуют свидетельства о кельтских племенах, которые населяли Галлию, южную часть Британии и средне-европейские области. Памятники этого языка относятся к IV—I вв. до н.э. Кельтские слова в них, как правило, личные, племенные имена и топонимические названия передаются греческими, этрусскими, латинскими, а также иберскими алфавитами.

¹ См.: *Tovar A. Lo que sabemos de la lucha de las lenguas en la península Ibérica. Madrid, 1968.*

Кроме того, из греческих и римских источников известно, что кельты, смешавшись с местными племенами, образовали кельтиберскую общность, где говорили, видимо, на каком-то смешанном языке.

Кельтиберские памятники охватывают всю территорию распространения кельтиберских племен. Основным источником может послужить недавно найденная в деревне Боторрита (Сарагоса) бронзовая табличка, являющаяся на сегодня самым большим памятником иберского письма. Остальные представляют собой только отдельные изолированные слова. Связных текстов только два («Пеньялба де Вильястар» — 24 слова и «Лусага» — 18 слов)¹.

Наибольший интерес представляют памятники, найденные в Галисии: топоним Crougintoudadigoe, составленный из кельтских слов *crug* — *груда, холм*; *teuta* — *колени, племя*; эпитет божества *toudopolandaigae* (*teuto+palantaka*), совпадающий с этим топонимом и им подобные.

К настоящему времени в науке немало сделано, чтобы внести определенность в «иберский вопрос». В последнее время ведутся новые исследования в области так называемого «иберского алфавита», который, будучи известным еще с эпохи Возрождения, до сих пор не расшифрован.

Памятники иберской культуры, содержащие надписи на нерасшифрованном языке древних иберов, были собраны и опубликованы еще в прошлом веке².

К началу 20-х годов XX в. ряд букв алфавита этого языка был расшифрован. Дальнейшие попытки расшифровки алфавита связаны с именем Мануэля Гомеса Морено, предположившего, что нерасшифрованные буквы легко впишутся в слоговую систему такого языка, где отсутствовали бы различия между глухими и звонкими взрывными согласными.

М. Гомес Морено выделил, таким образом, алфавит, который принят за основу большинством современных иберологов.

Он же определил две разновидности алфавита: северную (непосредственно иберского), дешифрованного им, и южную (тартессийского), расшифровать который фактически еще не удалось. Последующие исследования дополнили

¹ См.: *Tovar A.* The ancient languages of Spain and Portugal. N. Y., 1961, p. 96. Многие известные испанисты поддерживают мнение В. Энтвисла (*Entwistle W. J.* The Spanish language. L., 1935, p. 39 — 40), что единственным точно доказанным словом кельтского происхождения является галло-португальское *tona*.

² См.: *Hübner E.* Monumenta linguae Ibericae. Berlin, 1893.

алфавит М. Гомеса Морено. В результате стало ясно, что возможно выделение большего количества разновидностей алфавита на территории Пиренейского полуострова.

Что касается вопроса о происхождении иберийского письма, то общепринятой точкой зрения считается сегодня предположение о том, что письмо было занесено на полуостров чужеземцами.

В дальнейшем это консонанто-звуковое письмо было вокализовано что может свидетельствовать о его индоевропеизации. Некоторые исследователи полагают, что иберийское письмо можно отнести ко второму типу слогового письма¹. Оригинальность его состоит в том, что оно не является чистым слоговым письмом, но представляет собой смешение слоговой и алфавитной систем. С одной стороны, это можно объяснить как разрушение силлабической системы, с другой, как частичную вокализацию консонантно-звукового письма². Тартессийская разновидность письма Пиренейского полуострова, от прочтений которого, по мнению исследователей, зависит «определение этнической принадлежности иберов и тартессиев»³ имеет, по всей вероятности, буквенный характер.

В дальнейшем народы полуострова, трансформировали алфавит (сильнее на севере, в центре и на западе, слабее на юге). «Иберское» письмо использовалось лузитанами, кельтиберами и, возможно, кельтами. Племенам северо-западной части Пиренейского полуострова древнейшее письмо, по-видимому, не было знакомо. Во всяком случае, пока не найдено ни одного свидетельства, подтверждающего это в районах предполагаемого обитания веттонов, кантабров, астуриков, галлаиков и других племен. В проблеме соотносимости той или иной формы письма с языком племен, заселявших территорию полуострова еще очень много неясного. В связи с этим можно подчеркнуть перспективность точки зрения советских ученых на процесс «иберизации» полуострова, как на сглаживание этнических различий между племенами на полуострове к IV веку до н.э.⁴ Если принять ее за основу, то все различия в алфавитах южной, юго-восточной и других областей Испании, приводимые А. Товаром, можно рассматривать как процесс

¹ См.: *Истрин В. А.* Развитие письма. М., 1961, с. 137.

² См.: *Циркин Ю. Б.* Указ. соч., с. 135—177.

³ *Козловская В. И.* Древнейшая письменность иберов. — Вопросы древней истории, 1971, № 3, с. 145.

⁴ См.: *Мишулин А. В.* Античная Испания. М., 1959, с. 161. Примечательно, что Р. Менендес Пидаль предложил считать название «ибер» лишь признаком географического единства.

выработки единой системы письма для полуострова, а не как процесс отделения от некой «подлинной» иберской системы письма, начало которой датируется VII в. до н.э. и связывается с Тартессийским царством. Известно, что кельтиберы и кельты также использовали «иберское» письмо.

Дальнейшая работа по дешифровке иберского алфавита позволит ответить также на «вечные» проблемы испанистики, в частности об отношениях баскского и иберских языков. Эпиграфический словарь иберского языка насчитывает сейчас около тысячи слов.

Римское завоевание принесло на Пиренейский полуостров римскую культуру, цивилизацию и язык. Предполагают, что влияние местных языков сказалось в дальнейшем на своеобразии некоторых черт фонологического и морфологического строя испанского языка, а также его лексики. Такого рода влияния называются влиянием субстрата¹. Субстрат — это «следы побежденного языка в составе языка победителя при их скрещивании»². Вопрос о субстрате очень сложен и решается исследователями по-разному. В испанском языке имеется целый ряд различного рода явлений (особый характер по сравнению с другими романскими испанского s, своеобразии словообразовательных суффиксов и др.), природу которых нельзя объяснить, исходя только из характерных особенностей латинского языка хотя такие попытки и делались. Отдельные черты испанского языка, возникшие под влиянием субстрата, могли обнаружиться через довольно продолжительное время (так называемый «латентный», скрытый период)³. Ряд очень важных языковых характеристик начинается обычно с почти незаметных, часто случайных, сдвигов (например, эволюция от нефонематического призвука к новому дифференциальному признаку фонемы).

Вопрос о баскско-иберском субстрате особенно труден, так как само определение прероманского субстрата бази-

¹ О понятии субстрата применительно к языкам Пиренейского полуострова имеется большая литература. Две наиболее интересные работы, в которых имеются и ссылки на существующие исследования: *Malmberg B.* Linguistique ibérique et ibéro-romane. Problèmes et méthodes. — *Studia linguistica*, 1961, t. V, n° 2, p. 57—113; *Jungemann F. H.* La teoría del substrato y los dialectos hispano-romances y gascones. Madrid, 1960.

² *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960. 6-е изд. М.: URSS, 2014.

³ Об этом пишет Р. Менендес Пидаль в статье “*Modo de obrar el substrato lingüístico*”.—*Revista de filología española*, 1950, n° 34, p. 1—8. Ему же принадлежит и сам термин «латентный» период.

руется на сходстве испанских слов с баскскими, с одной стороны, и на отсутствии их в окружающих языках, с другой. Не менее сложны и проблемы разграничений афроиберийских слов, связанных с баскскими (В. Бертольди), как представляющих «пиренеокавказский» древний слой, от западносредиземноморских или еурафриканских как представляющих еще более древний слой (И. Хубшмид) в истории языков — предков испанского языка¹.

К классической иберской лексике традиционно относят слова: *rágamo* — *голая равнина*; *pava* [(баск.) *paba* — отсюда *Navarra*]—*равнина среди гор*; *vega* (в X—XI вв. известны его формы *vaica*, *vaiga* схожие с (баск.) *ibaiko* — *берег*) «заросший деревьями луг у реки»; *ura* [(баск.) *ur* — *вода, ручей*], употребительное в Испании еще в X в.

Несомненно иберийским полагает Э. Бурсье, Г. Рольфс и др. сообщаемое еще Плинием слово *balucem* (исп.) *baluz* — *песчинка золота*, а также *cuscolium* — *плод остролиста* (исп.) *coscojo*, *agugia* — *подземный ход* (исп.) *agoyo*. В своих «Этимологиях» Исидор Севильский описывает слова *sagna* — *чесотка*, *sarralia* — вид дикого салата *латук*. Иберскими признаются *balsa* — *топь* (исп.) *balsa* — *лужа, бассейн*, (порт.) *balsu* — *чан*; *muga* — *граница* (ст. исп.) *muga*; *artica* — *невозделанная равнина*; *lausia* — *каменная плита, надгробье* (исп.) *losa*, (порт.) *lousa*; *lama* — *болото, грязь* и *légamo* (*legano*) — *ил*, *izquierdo* (порт.) *esquedo* — *левый* сходное с (баск.) *ezker*; *bruja* (порт.) *bruxa* — *ведьма*; *pestaña* (порт.) *pestaíha* — *ресница, бахрома*.

Приведенные примеры практически исчерпывают весь иберский лексический субстрат в испанском языке. Остаются лишь немногие слова, происхождение которых сомнительно: сообщаемое еще Варроном местное слово *lansea* (исп.) *lanza* — *копье*, *mozo* — *слуга*, *calambre* — *судорога*, *gebaño* — *стадо*, *loco* — *сумасшедший* и некоторые другие².

Ниже приводятся только те заимствования из баскского языка, в отношении которых современные исследователи относительно единодушны. Большинство из них взято из «Этимологического словаря» Х. Короминаса.

Ряд заимствований отражает иберский, дороманский материал: *abarca* — *обувь из грубой кожи*, (беарнск.) — *abarque*, (бск.) *abarka* > дороманское * *abarca*; *helecho* —

¹ См. библиографию в книге: К. Бальдингера: *Baldinger K. La formación de los dominios lingüísticos de la península Ibérica*. Madrid, 1964.

² См.: *Carnoy A. Le latin d'Espagne d'après les inscriptions*. Bruxelles, 1906.

папоротник [(лат.) *filictum*], но возможно и самостоятельное пиренейское развитие из баскского *hiratz*; *gusa* — *червь*, (баск.) *usan, uzan* — *червь*, (берберск.) *akuz, takuzt, takust* (отмечено еще Шухардтом); *pata* — *сливки*, (фр.) *patte* — *цыновка, коса* (волос), (катал.) *mato* — *сливки* [(вульг. лат.) *matta*], возможно местное образование: (сулет.) *ezenutzuli* — *сливки, ezne* (молоко) + *utzi* (оставлять) *eznautzuli*; *sabandija* — *пиявка, червяк*, (бск.) *sugandilla, suangilla, sanguandilla* — *ящерица*, возможно из **sege-andere*-а (досл. «*девушка змея*»), что подтверждается материалом лабурдийского диалекта *sugekanderra* > *suge-kandela* — *ящерица*; *esquin* — *детеныш лосося*, (бск.) *izoki* — *лосось*, (лат.) *esox*, кельтское заимствование, (ирл.) *eō, вал. iach* — *лосось*.

Проблема кельтского субстрата стоит несколько особняком в связи с тем, что кельтский не был языком древнейшего населения полуострова. Более того, его распространенность на Пиренейском полуострове и взаимоотношения с испанской латынью мало известны.

Однако имеется такая сфера языковых заимствований, которая позволяет лучше понять круг проблем, связанных с кельтами. Это заимствованные слова кельтского происхождения в баскском языке. Вопрос о кельтско-баскских отношениях интересен в связи с проблемой субстрата романских языков Пиренейского полуострова. Общими для баскского и кельтских обычно называют (бск.) *artz*, (ирл.) *art*, (вал.) *arth* — *медведь*, (бск.) *tegi*, (ирл.) *teg* — *вал*, *tŷ* — *дом*; (бск.) *hiratz*, (ирл.) *raith* — *папоротник*, (бск.) *izoki*, + (вал.) *iach* — *лосось*; (бск.) *andere*, (ирл.) *ainder* — *молодая женщина*; (бск.) *orkatz*, (вал.) *iŵrch*, (ст.-ирл.)* *iorgos* — *косуля*; (бск.) *e-kaí-i* — *приносить*, (галл.) *carrus* — *тележка*; (бск.) *tuga*, (кельт.) *tuga* — *граница* и некоторые другие.

Интересны также такие параллели как (бск.) *soka*, (кельт.) *soka*, (вал.) *syg*, (исп.) *soga* — *веревка*. Полагают, что здесь сказалось в основном наличие общей для латинского и кельтских языков лексики по линиям: а) общеиндоевропейских лексических слоев, б) итало-кельтских лексических слоев, в) латинских заимствований в кельтских лексических слоях, г) кельтских заимствований в латинском. Полный список последних приведен в книге Г. Доттена¹. Сюда вошли названия растений: *albolon, amellus*, и цветов — *arinca, bassar, berula, betilolen, caliomarcus, cecer, coccum, corna, ducone* и другие.

¹ См.: Dotten G. La langue gauloise. P., 1918.

Названия деревьев: aballo, betulla, hys, larix, marcus, padi, retine и др., названия домашних животных: agas saios (agaso — конюх), caballus, cattus, seva, marca, mannus; названия диких животных: abranas, alce, beber, rudius, alauda, lugos; названия частей тела: becco, drungos, gamba, gulbia, treide; прилагательные, обозначающие физические качества: galba, varron; термины, обозначающие особенности жилища: caio, saranna, lautro; термины продуктов потребления: bracos, cervesia, corma, omasum, taxea, tuceta; термины туалета: bardocucullus, braca, bulga, caracalla, cucullus, gunna, laena, linna, maniaces, sagus, sapo, viriolae и многие другие. Не все перечисленные Доттенем слова являются кельтскими в латыни, но вероятность кельтских заимствований достаточно велика, если учесть частоту и продолжительность латинско-кельтских контактов.

Однако в языках Пиренейского полуострова, как и в других западных романских языках, встречается много слов, которые можно классифицировать как кельтизмы, не имеющие латинских параллелей.

В дополнениях к «Этимологическому словарю испанского языка» Х. Короминаса¹ автор приписывает более чем трем сотням слов кельтское происхождение.

Как считает Х. Короминас, большинство кельтизмов содержатся в португальском языке, а также в диалектах Галисии, Леона, Эстремадуры и Астурии, т.е. в тех местах, которые, как считается, были более всего кельтизированы. Так, интересно сопоставление (порт.) cantiga — песня не с латинским canticum, а непосредственно с кельтским вариантом [инд. can, (вал.) can — песня, *-tico кельтский суффикс]: богатая португальско-галлисийская лирическая поэзия могла иметь некоторую связь с поэзией кельтских бардов.

По мнению Х. Короминаса, в кастильском языке насчитывается около сорока слов, имеющих кельтское происхождение.

Он делит их на три семантические группы: 1) названия растений, сельскохозяйственные термины, орудия труда; 2) названия животных и термины их использования в хозяйственных целях; 3) топографические термины.

Рассмотрим некоторые из них:

brena — скалистая местность, заросшая кустарником, (вал.) bre, bryn — холм, кельтская основа brigna; silo —

¹ См.: Corominas J. New information on Hispano-Celtic from the Spanish Etymological Dictionary. — In: Le philologue, XXV, 1955.

подземное зернохранилище, подвал, силос, (вал.) *hil* — *силос*, *sepa* — *участок земли для посева* — кельтская основа **se-pa-ra* [(вал.) *han* — *другой*, *âr* — *луг*]; *tollo* — *отверстие*, (вал.) *tŵll*; *tranzar* — *резать, разрушать, убивать*, (вал.) *trwch* — *разбитый*, *torri* — *разбивать*; *colmena* — *улей* [(порт.) *colmeia*] от **kolmos* + суффикс **-ena**, (брет.) *kolonnenngwenau* — *пчелиная солома*; *gancho* — *сучок, крюк*, кельтская основа **ganskio*, (вал.) *cainc*, *cangen* — *сучок, сук*; *rodaballo* — *палтус*, кельт. **rotoballos* — *имеющий круглое тело*, (вал.) *rhod* — *колесо*, (ирл.) *ball* — *член, конечность* (русск. *палец*); *garza* — *цапля* (кельтск.) **kar-ki-a*, (вал.) *crychudd* — *журавль*; *befo* — *с отвисшей нижней губой, губы животных*, (кельтск.) **baikion*, (вал.) *beichio*; *trocha* — *тропа, тропинка через кустарник*, (кельт.) **trog*, **trocta*, (вал.) *troed*; *combleza* — *любовница женатого человека*, (кельт.) **combortia*.

Остальные кельтизмы являются общими не только для пиренейских, но и для большинства романских языков. По-видимому, преобладающая часть их прошла через латынь. Однако латинизированное кельтское слово имело часто и свой синоним в разговорном латинском языке, так что были возможны разные варианты: а) кельтское слово распространялось по различным ареалам, б) существовало в качестве синонимов или слов с различным значением, в) одно из слов исчезало в процессе эволюции в одном или нескольких ареалах. Так, например, в староиспанском мы находим *arapende*, но *arpent* < (гальск.) *arepennis* — *мера земли* сохранилось и сейчас.

Два примера: (лат.) *fuligine* — *сажа* дало в романских языках формы: (исп.) *hollin*, (порт.) *fuligem*, но во французском осталось гальское *suie*, восходящее, однако, не непосредственно к кельтскому языку, но к галло-романскому **sudia*. Так же (лат.) *cuna* — *колыбель* дало (исп.) *cuna* [(ст. исп.) *brizo*], (ит.) *cuna*, *culla* (от формы с уменьшительным суффиксом **-cunula**), но (ст. франц.) *berz* также, видимо, через галло-романское *bertium* откуда в (порт.) *berço* и данная выше староиспанская форма. Однако на Пиренейском полуострове у этой формы был еще один соперник — слово неизвестного происхождения *jumra*.

Как правило, все кельтизмы в испанском и, шире, в романских языках, относятся к бытовым понятиям, к названиям растений и животных; абстрактным понятием является одно (исп.) *brío*, (порт, ит.) *brío* > (кельт.) **brigus* — *сила, мужество*, (ирл.) *brig* — *сила, доблесть*, (вал.) *bri* — *доброе имя*.

К числу общероманских слов кельтского происхождения принято относить *alauda* — *жаворонок* > (ст. исп.) *aloa*, (кат.) *alova*, (фр.) *alouette*; *betula* — *береза* > (исп.) [из кат. или мосараб.] *abedul*, (кат.) *bedoll*, (галис.) *bedolo*; *cassinus* — *дуб* > (араг.) *saxico*, (исп.) *quejedo* — разновидность вечнозеленого дуба, (ст. фр.) *chasne*; *landa* — *пустошь* > (ит., ст. исп., порт.) *landa*; *grava* > (кат.) *grava* — *камень*, (англ.) *gravel* — *гравий*.

Два слова кельтского происхождения — (лат.) *vassalus*, (исп.) *vassallo*, заимствованные из кельтского языка и (кельт.) *trugant* — *нищий, бродяга*, сохранились во французском *truand* и испанском *truhán*.

К влиянию кельтского относятся также **pettia* — *кусок* [кимр. *peth*] > (исп.) *pieza*, (порт.) *peça*, (кат.) *pesa*. Правда, последнее слово вызывает много возражений¹.

Многие кельтизмы Пиренейского полуострова являются общими, но не для всей Романии, а лишь для некоторых ее ареалов. Так, мы встречаем в итальянском и французском общие с испанскими: *cambiar* [(ст. исп.) *carnear*] — (ит.) *cambiare*; (фр.) *changer*; *camino* — (фр.) *chemin*, (пров., кат.) *camí*, (порт.) *caminho*; *garga* — (пров.) *garga*, (ит.) *garon*, (фр.) *jarre*. Общим для французского и испанского являются *alausa* — *ало́за, вид сельди* [(юж. фр.) *alauzo*, (исп.) *alosa*], *grennos* — *волосы, борода* [(пров.) *gren*, (исп.) *greña*]; *taratrum* — *буравчик* [(ст. фр.) *tarere*, (исп.) *taladro*, (порт.) *trado*]; *leuca* — *миля, лье* [(фр.) *lieue*, (исп.) *legua*, (порт.) *legoa*].

Решение проблемы кельтского влияния может многое прояснить в специфике испанского языка. Напомним, что Пидаль, ограничил себя на первых порах только попыткой найти происхождение слова *Madrid*². Он установил не только его кельтский этимон *Magetoritu* < *mago*, *magete* “grande”, *ritu* “vado, puente”, но и показал, какие возможности содержат новые методы исследования.

РИМСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И РОМАНИЗАЦИЯ

Завоевание римлянами Испании началось во время карфагено-римских войн и продолжалось почти три века. В 218 г. до н.э. римляне взяли Эмпурион, затем римские

¹ Скандинавский исследователь G. Tilander считает это слово латинским, родственным *pedem*, полагая, что наряду с *peditare* существовало* *peditiare* > *pettia* — *кусок земли, вымеренный шагами*. Отсюда (исп.) *pedazo* с этим же значением в средневековых документах, т. е. **pedatium* > *pedazo*; **pettia* > *pieza*.

² *Menéndez Pidal R.* — *La etimología de Madrid y la antigua Carpetania.* — In: *Toponimia prerrománica hispana.* Madrid, 1952.

полководцы братья Сципионы захватили Тарракон и Сагунт.

В 206 г. до н.э. третий Сципион — Публий Корнелий взял Кадис. К 146 г. до н.э. после разрушения Карфагена римское господство распространилось почти на все области Испании, где постоянно вспыхивали восстания.

Первый этап римского завоевания практически кончается к 19 г. до н.э. Его главные этапы: взятие Хаки Катонем в 197 г. до н.э., падение Нумансии в 131 г. В 29 г. до н.э. во время правления Августа римляне начинают завоевание северных провинций Испании — Астурии и Леона — и занимают Сантандер. С 24 по 19 г. до н.э. римские войска подавляют последнее сопротивление кантабров и астуров.

Затем происходили восстания астуров и лузитан, в Испанию вторгались африканские племена и франки из Галлии, но римское господство сохранялось. Римляне дали Испании свою организацию и свои законы, но романизация страны, особенно в первое время, проходила очень медленными темпами.

Наиболее быстро романизовалась южная Испания (Андалусия). На юге острова, где были большие культурные традиции, обширные связи с внеиспанским миром, крупные торговые центры, римский образ жизни быстро распространился. Там насаждались и процветали римские школы, из которых наиболее известная — Кордовская школа — дала римской литературе целую плеяду блестящих поэтов и ораторов.

Римская цивилизация и культура довольно быстро распространилась в южной Португалии, но на востоке процесс романизации за исключением городов с римскими гарнизонами (Картахена, Сагунт) уже не был активным.

Романизация северо-востока носила военно-земледельческий характер. Римские колонисты оседали в сельской местности, вытесняя местное население. Тарраконская область (современная Каталония) служила связующим звеном в военно-административной и экономической системе западной части Римской империи. Однако культурно-литературная традиция в противоположность югу была сравнительно слабой. Имевшиеся школы были немногочисленны, они не могли поддерживать норму классической латыни, поэтому в латинских и латино-романских памятниках Каталонии мы находим черты канцелярско-делового стиля народной латыни.

Племена центральной и северной Испании особенно

долго сохраняли свои традиции, законы, обычаи и политическую организацию.

Еще в V—VI вв., как следует из исторических документов, самобытные черты местного населения находят отражение в законодательных актах того времени.

Для распространения своей культуры в Испании, как и в других побежденных провинциях, римляне создали систему народного образования. Школа должна была учить детей местного населения латинскому языку. В Оске, Севилье, Кордове школы возникли уже в I в. до н.э.

В истории испанской литературы Х. Амадора де лос Риоса рассказывается о творчестве представителей кордовской школы Марке Порции Латроне, Юнии Галлионе, Марке А. Сенеке, Турине Клодии, Викторe Статории и др.

Можно упомянуть также Квинтилиана — виднейшего ритора и автора известного трактата о риторике, В. Марциала из Калатаюда — сатирика, Марка А. Лукана из Кордовы — эпического поэта.

Подобный расцвет римской культуры в Испании доказывает, что культура латинского языка прочно вошла в жизнь и быт населения и, во всяком случае в крупных городах, латинский язык становится родным языком испанцев. Официальные документы (законы, декреты, акты судопроизводства), надписи на памятниках, общественных зданиях, эпитафии, гравированные на металле или высеченные на камне, исполняются только на латинском языке.

Известно, что иберийские надписи прекращаются с начала новой эры, и сообщение Тацита об одном жителе страны, обратившемся к римлянам на своем родном языке (*sermone patrio*) после убийства им претора, является последним официальным упоминанием об использовании местным населением своего языка.

Император Веспасиан с 69 года ввел латынь как деловой и как административный язык в городах.

Понятно, что «... латинский язык не нашел у аборигенов того, что называется *tabula rasa*... . Они не усваивали латынь, как ребенок усваивает язык окружающих. Поэтому латынь приспособлялась в произношении, морфологии, словообразовании, синтаксисе и, что тоже важно, значении и словоупотреблении к языку аборигенов...

И гальская латынь постольку отличается от латыни иберской или балканской, поскольку на нее повлияли языки населения соответствующих стран»¹.

¹ *Křepinsky M.* La naissance des langues romanes et l'existence

О влиянии на образование романских языков — языков автохтонов, которые стимулировали дробление народной (вульгарной) латыни и тем самым обусловили специфические особенности отдельных романских языков, говорил также Шухардт.

Во всех случаях угасанию местных племенных языков и, позднее, латинского как живого разговорного языка сопутствовало становление нового, общего для всего полуострова языка, являющегося своеобразным «койне», центр распространения которого находился на юге. Вторжение вестготов лишь ускорило развитие лингвистической ситуации, отмечая преграды в виде классической латинской образованности, с одной стороны, и племенного партикуляризма, с другой.

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК — ОСНОВА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Происхождение романских языков обычно выводят из разновидности классического латинского языка народной (в западной традиции чаще пишут «вульгарной») латыни. Проблема соотношения того и другого языка также имеет свою историю и достаточно сложна¹.

Дело в том, что само понятие «латинский язык» достаточно неоднородно. Римские писатели и грамматики противопоставляли письменному литературному латинскому языку (*sermo urbanus*) разговорный язык населения империи (*sermo rusticus, plebeius, vulgaris, cotidianus, usualis*). Вероятно, каждое из названий по происхождению характеризовало какие-то стилистические слои разговорного языка, но это различие было практически полностью потеряно в дальнейшем. Поэтому традиция выбрала только противопоставление письменного варианта (*sermo urbanus*) — устному, разговорному (*sermo vulgaris*), памятники которого довольно широко представлены в надписях, высказываниях грамматиков и трудах писателей как классического, так и послеклассического периода.

С другой стороны, римские писатели и ораторы противопоставляли латинский язык завоеванных провинций (*sermo*

d'une période de leur évolution commune (latin vulgaire période romaine). *Romanica* II. Rozprawy ĆSAV, 1950, t. 68, s. 13, p. 70.

¹ Об этом на русском языке см.: *Гурычева М. С.* Народная латынь. М.: URSS, 2014, а также книги И. М. Тронского, Е. А. Реферовской, Н. Г. Корлэтану, А. В. Широковой и др.

peregrinus) латинскому языку империи, даже в его разговорном варианте (*sermo rusticus*). Сказать точно, какие группы населения говорили на *sermo peregrinus* сейчас затруднительно, хотя, несомненно, что, в первую очередь, это были местные жители, для которых латинский язык не был родным, и римляне-переселенцы во втором поколении и т.д.

Латинский язык развивался, преобразовывался и изменялся в течение по меньшей мере четырех столетий в самой Италии, перерабатывая местные, близкие ему диалекты: фалисков, умбров, марсов и др., испытывая также влияние языка этрусков. Колонизация и романизация Европы началась со II в. до н.э. Латинский язык проникал на территории других народов в различные эпохи своего развития. Кроме того, надо учитывать и возможность диалектальных различий в самой латыни.

Все это дало основание известному романисту Г. Греберу выдвинуть так называемую «хронологическую теорию» образования романских языков и попытаться классифицировать их, основываясь на хронологии римских завоеваний. Однако Г. Гребер исходил из возможности полной изоляции колоний и метрополии, и в частности языковой, что противоречит исторической реальности.

Чешский лингвист Ж. Моль предположил, что начало образования романских языков следует искать в диалектальном дроблении латыни еще в тот период, когда она распространялась на Аппенинском полуострове и претерпевала наиболее глубокие изменения. Своеобразие романских языков может, считал он, объясняться тем диалектом латинского языка, который принесли завоеватели в среду его будущего распространения. Язык же обитателей завоеванных провинций, как полагал Ж. Моль, почти не повлиял на латинский язык, так как влияние продуктивно только в близкородственных языках.

Ж. Моль рассматривал также проблему народной латыни и ее связи с классической латынью в плане соотношения диалектов. Он показал, что взаимоотношения литературного языка и народной речи были далеко не одинаковы в различные периоды истории латинского языка.

В. Мейер-Любке выдвинул теорию «сношений», согласно которой постоянная связь между провинциями Империи нивелировала диалектальные черты самой народной латыни. Все говорили на одном языке, латинском «койне», который стал общим источником всех романских языков. Различия в «койне» стали проявляться в языке провинций

только с IV—V вв., что обусловило появление целой семьи языков¹.

Если эти теории отмечали преимущественно влияние латинского языка, в особенности народного, на романские языки, т.е. подчеркивали сходство признаков, то гипотеза Шухардта, позднее развитая Асколи, обращает внимание на отличие признаков. Диалектальные элементы в латыни провинций они выводят из усвоения ею местных языковых форм, т.е. местного субстрата.

В новом виде эту идею поднял А. Мейе, допустив, что воздействие субстрата проявляется не сразу, а после длительного промежутка времени, так как ряд языковых черт, свойственных целым языковым группам, может сохраняться в виде тенденций к определенным изменениям³.

В народной латыни завоеванных провинций было два типа изменений: а) изменения в латинском языке, возникшие сразу же или некоторое время спустя после завоевания и разнящиеся от провинции к провинции, б) изменения, общие для всех или большинства романских языков.

Общие изменения во всех романских языках можно разбить на три группы: 1) изменения в Западной Романии, 2) изменения в Восточной Романии, 3) изменения в Сардинии.

Здесь сказывается качественное различие диалектов в зависимости от исторического периода. Как известно, «языки более позднего происхождения, распространившиеся на всей территории в позднейший период, обычно при большей площади распространения обладают меньшей диалектной дробностью, чем язык, развившийся сравнительно на небольшой территории первоначальной прародины»³. Вероятно, это объясняется сопротивлением относительно нормированного языка, возникающим в его среде новым, так сказать, вторичным диалектам.

В общем переходном периоде от латинского языка к романским в начальном периоде становления романских языков можно выделить два подпериода. Первый характеризуется значительными внутриареальными (междиалектальными) различиями, более существенными, чем различия межареальные (межязыковые). В это время в местных

¹ Многие современные исследователи развивают эти идеи. См.: *Weitreich U. Languages in contact*. N. Y., 1957; *Rohlf's G. An den Quellen der romanischen Sprachen*. Halle, 1952.

² Попытка решения вопроса на основании иной методики содержится у Н. А. Нильсена: *Nielsen N. A. La théorie des substrates et la linguistique structurale*. — *Acta linguistica*, 1952, VII, n° 1 — 2.

³ *Широкова А. В.* Указ. соч., с. 12.

разновидностях устной народной латыни, вероятно, еще действует влияние субстрата.

Второй подпериод, возникающий в недрах первого, характеризуется таким состоянием языка, когда внутри-ареальные различия постепенно сглаживаются развивающейся письменной традицией и на первый план выступают межнациональные различия.

Различия между разновидностями складывающихся романских языков, а позднее и диалектами, можно рассматривать и в стилистическом плане. Близость понятий диалекта и функционального стиля особенно существенна для рассмотрения специфики литературных языков в период их становления.

Начальный период фонетических изменений в латинском языке на территориях завоеванных провинций можно характеризовать как изменение латинской системы звуков с одной стороны, из-за особенностей произношения этих звуков местными обитателями, а с другой, в связи с выработкой некоей общей нормы произношения в разнородной среде самих римских переселенцев. При возрастании роли и удельного веса новой провинции Рима, особенности новой системы становятся с каждым веком все более отличными от системы произношения метрополии.

Как считает Е. А. Реферовская, романская письменность какое-то время сосуществовала с латинской и находилась под ее влиянием. Причем латинский язык не дает начала романской письменности (она возникает из разговорного языка) и постепенно переходит в средневековую латынь, которая вплоть до нового времени отчасти остается в некоторых сферах письменным языком романских стран¹.

Поскольку в распоряжении исследователей нет памятников, написанных на народной латыни², можно говорить только о различных элементах народного латинского языка, которые появляются у тех или иных писателей или ораторов, у грамматиков и в сохранившейся переписке частных лиц, но вряд ли можно ставить вопрос о познанной системе и структуре народной латыни в противоположность системе и структуре известного нам классического латинского языка.

Если сравнить тексты памятников III—V вв., то станет заметно, что число упомянутых выше элементов народного

¹ См.: Реферовская Е. А. Истоки аналитизма романских языков. (Очерки по синтаксису средневековой латыни). М.—Л., 1966, с. 147. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2007.

² См.: Корлэтяну Н. Г. Исследование народной латыни ... с. 104.

языка нарастает от эпохи к эпохе. Значит речь идет не только о том, что раньше они недостаточно часто фиксировались письменным языком, но и, объективно, о возрастающей роли и значении этих элементов в общей системе латинского языка.

Вместе с тем в народной латыни широко использовалась диалектная лексика. Это отражено в комедиях Тита Макция Плавта¹, у писателей классического периода Марка Туллия Цицерона и Марка Фабиуса Квинтилиана, у поэта Гая Валерия Катулла, в «Сатириконе» Гая Петрония. «Это единственное произведение латинской литературы, написанное сознательно, преднамеренно и последовательно при использовании языковых средств народной латыни»², — пишет Н. Г. Корлэтяну, отмечая при этом, что использование «вулгаризмов» здесь служит скорее литературным приемом.

Здесь мы сталкиваемся и с синкопированными формами *calefacit* = *calfecit*; *calida* = *calda*; которые характерны для народно-разговорного языка. Отметим также монофтонгизацию *ai* > *o*, предпочтение диминутивных форм, замену среднего рода мужским, повышенную частотность просторечных форм (*bellus* вместо *pulcher*), упрощенные синтаксические конструкции.

Народные разговорные формы встречаются в трудах об архитектуре Марка Витрувия, в философских трактатах Лукреция Кара и в работах по медицине типа «Муло-медицина Хирона», в сохранившихся медицинских рецептах, в кулинарных книгах.

Сведения о народной латыни, содержатся в трудах грамматиков Варрона, Гонората, Августина, Консенция, Проба и других.

Изучение памятников народной латыни позволяет вскрыть некоторые общие тенденции, прослеживающиеся во внутреннем и внешнем развитии романских языков.

Лексика испанского языка, как и других романских языков, базируется на лексике латинского языка, в его классической³, народной и диалектальной разновидностях. В процессе исторического развития испанского языка его словарный состав испытал многочисленные превращения.

¹ Корлэтяну Н. Г. Указ. соч., с. 105 — 107.

² Там же, с. 108.

³ Лексика классической латыни на Иберийском полуострове подробно проанализирована в работе *Mariner-Bigora S. El latín de la Península Ibérica. Léxico. Enciclopedia lingüística hispánica, t. 1, p. 199 — 236.*

Менялась фонетическая (и графическая) характеристика слова. Ряд слов дошел до нас, испытав довольно сложную трансформацию, изменения других слов более просты, третьи вообще не изменились, во всяком случае в написании. Это зависело от различных причин; от времени появления того или иного слова в испанском языке, от тех общественных слоев, которые его использовали, от жанра документов, в которых слово или грамматическая форма использовалась, от различных стилистических причин, закономерностей регулярной или нерегулярной фонетической эволюции. Латинские слова, претерпевшие трансформацию ко времени (или во время) появления романских языков, как правило, в результате регулярных фонетических изменений в испанистике принято называть «народными» (*palabras o voces populares*). Так, например¹, *filius* > *hijo*, *focus* > *fuego*, *alterus* > *otro*; *articulum* < *artejo*, *ringere* > *reñir*.

Слова, претерпевшие определенную трансформацию в результате так называемых нерегулярных (или индивидуальных, случайных фонетических изменений, принято называть полуучеными (*palabras o voces semicultas*). Латинские слова *saeculum*, *regula*, *miraculum*, *periculum* в результате регулярных изменений должны трансформироваться в **sejo*, **reja*, **mirajo*, **perijo*, но в действительности мы имеем формы *siglo*, *regla*, *milagro*, *peligro*. *Virgen* < *virgine*, а не **verzen* и *angel* < *angelus*, а не **año* или **anlo* связывают с церковной практикой (подражание латинским образцам), (ст. исп.) *títol* и *tilde* < *titulus*, а не **tejo* — с практикой работников юридических учреждений, также довольно долго ориентировавшихся на латинские образцы и т.д. Культурные влияния не были настолько сильными, чтобы сохранить первоначальную, латинскую форму слова, но вполне достаточными для того, чтобы задержать или изменить начавшийся процесс историко-фонетической эволюции, что, в частности, позволяет ученым уточнить хронологические границы, в пределах которых действовали те или иные фонетические закономерности.

В связи с тем, что письменный латинский язык долгое время был образцом для не имеющего письменной традиции испанского, а также поставщиком слов, которых не было в разговорном испанском языке, ряд латинских слов или через практику переводов (например, в трудах перевод-

¹ Ряд примеров заимствован из соответствующей статьи книги Р. Лапесы. *Lapesa R. Historia de la lengua española*. Madrid, 1942, p. 59 — 62.

ческой школы Альфонса Мудрого), или путем литературных заимствований на протяжении многих эпох сохранился без изменений. Например, patria < patria, clamar, códice, ceder, decano, famélico, operar, nave и целый ряд других. Такие слова называют учеными (palabras o voces cultas).

Заимствования из латинского обусловили появление этимологических дублетов, один из которых мог быть ученым, а другой народным или полуученым¹. В испанском языке число их достаточно велико alma/anima; copula/copla/copia; graso/craso; mancha/mácula. Есть слова-дублеты, разошедшиеся как по своей форме, так и по значению: cuelmo/colmo, hacina/fagino, так и только по форме fonte/fuente; corvo/cuervo, faba/haba.

Слова-дублеты обычно связаны между собой какой-то общностью значения, но, вероятно, что в определенную эпоху они были связаны не одним, а несколькими различными значениями². Ср. испанское copla/cópula — бечевка, веревка, канат, соединение развивает новое значение: 'куплет, строфа, песенка'. Книжный дублет cópula сохранил из латинского значение 'соединение', и развил специфическое грамматическое 'связка'. Обычно народные формы слов-дублетов имеют более конкретное, более материальное значение, а ученые формы — более отвлеченное, абстрактное.

Лексика испанского языка характеризуется, в частности, преобладанием именно народных форм. Можно привести данные Г. Девиит Вильберна³. Он исследовал 12 испанских текстов XIII в., собранных Пидалем, с целью определить частотность и процентное соотношение слов различной структуры: ученых, полуученых, народных и заимствованных. Частотность народной лексики наиболее высока. Она покрывает 95% объема выборки текстов, хотя сами народные словоформы составляют только 80% от всего числа словоформ. Соотношение слов, этимоны которых принадлежат к классической и народной латыни, с иными типами слов составляет 10:1.

В свою очередь, на каждые сто слов, принадлежащих народной латыни, приходится 12 слов арабского происхождения, 10 — германских и 40 — из других романсе.

¹ Проблема дублетных образований подробно проанализирована И. А. Короленко в приложениях к словарю дублетов: *Короленко И. А. Словарь этимологических дублетов испанского языка*. Л., 1969.

² Там же, с. 103.

³ *De Witt Willbern G. Vocabulary elements in thirteenth century Castilian*. Chicago, Illinois, 1944.

Наиболее существен вклад провансальского и французского языков.

Различие между классической и народной формами проявлялось прежде всего в выборе лексики. Так, преимущественно употребляли¹:

<i>в литературном языке</i>	<i>в устной речи</i>
tellus — земля	terra
aequor — море, морской простор	mare
sidus — звезда	stella
letum — смерть	mors
vulnus — рана	plaga
sanguo — кровь	sanguis
tergum — спина	dorsum
olvus — живот	venter
ager — поле	campus
tuba — труба	bucina
lorum — ремень	corrigia
formido — страх	pavor
equus — конь	caballus
domus — дом	casa
edere — есть	comedere, manducare
potare — пить	bibere
ludere — шутить	jocare
ferre — носить	portare
vincire — связывать	ligare
oportet — необходимо	convenit

Довольно часто слово, используемое в устной речи имело по сравнению с литературным сниженное значение: venter — *брюхо*, jocare (jocus) — *насмехаться*, casa — *хижина*, caballus — *кляча* и т.д. В литературном языке понятие 'большой' могло быть выражено двумя словами grandis, magnus. Но magnus чаще использовалось для передачи оттенка морального плана, а grandis для выражения размера, величины. Слово magnus вышло из употребления. Таким же образом alter — *другой, второй из двух* заменило alius — *другой, иной*.

Происходила синонимическая замена: lacrimare, plorare — *плакать, рыдать* заменило flere; plandere — *горевать, оплакивать* — lugere; videre — *видеть* глаголы aspicerе —

¹ Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952, с. 50 — 51. В «Appendix Probi», дано 227 примеров отклонений от литературных норм: vetulus non veclus, auris non oicla, auctor non autor и т. д. 5-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.

заметить, *intueri* — пристально глядеть, *cernere* — узнавать.

Иногда метафорическую замену слова объясняет эмфаза: *perna* — ляжка, *окорок* вместо *crus*, *testa* — черепок [(ст. исп.) *tiesta*] вместо *caput*. В иных случаях причиной замены служило более модное иностранное слово: греческое *spatha* [(исп.) *espada*] заменило *gladius*, *ficatum* [(исп.) *hígado*] — *jesur*, германское *riks* [(исп.) *rico*] — латинское *dives*.

Значительное место в образовании новых слов в устной народной речи сыграли словообразовательные суффиксы; особо среди них можно выделить различные уменьшительные и ласкательные суффиксы¹:

<i>литературный язык</i>	<i>устная речь</i>	<i>романские языки</i>
<i>apis</i> — пчела	<i>apicula</i>	(исп.) <i>abeja</i>
<i>auris</i> — ухо	<i>auricula</i>	(исп.) <i>oreja</i>
<i>avis</i> — птица	<i>aviceceum</i>	(ит.) <i>ucella</i>
<i>acus</i> — игла	<i>acucula</i>	(исп.) <i>aguja</i>
<i>genu</i> — колено	<i>genuculura</i>	(исп.) <i>hinojo</i>
<i>frater</i> — брат	<i>fratellum</i>	(ит.) <i>fratello</i>
<i>sol</i> — солнце	<i>soliculum</i>	(фр.) <i>soleil</i>
<i>taurus</i> — бык	<i>taurellum</i>	(фр.) <i>taureau</i>
<i>agnus</i> — ягненок	<i>agnellus</i>	(ит.) <i>agnello</i>
<i>caulem</i> — капуста	<i>cauliculum</i>	(рум.) <i>curechiu</i>
<i>culter</i> — нож	<i>cultellum</i>	(исп.) <i>cuchillo</i>
<i>cuna</i> — колыбель	<i>cunula</i>	(ит.) <i>culla</i>

По-видимому, стремлением к аналогии можно объяснить закрепление слов с ударным суффиксом:

<i>rotula</i> — колено	<i>rotella</i> — (исп.)	<i>rodilla</i>
<i>fibula</i> — пряжка	<i>fibella</i> — (исп.)	<i>hebilla</i>

Уменьшительные суффиксы имели широкое применение: *piscem* — *piscionem* > (ит.) *piscione*; *talonera* — *пятка*, *acionem* — *лук*. Суффикс **-one** прослеживается в ряде романских языков и как увеличительный: (фр.) *baile* — *bailon* или испанский и итальянский суффикс **-on**, но также и как уменьшительный (чаще во французском языке) *val* — *vallon*.

¹ Конечно, уменьшительный суффикс не всегда несет с собой значение уменьшения предмета. Чаще — это народное «терапевтическое средство» (термин В. Элькока) для сохранения слова, просто эмпатический суффикс. См. также: *Alonso A. Estudios lingüísticos. Temas españoles. Madrid, 1961.*

Распространенным средством словообразования были префиксы **ab-**, **ad-**, **cum-**, **de-**, **ex-**, **in-**, **per-**, **pro-**, **sub-**, **trans-** и префикс повтора **re-**. Например, от глагола portare образованы deportare, exportare, importare, transportare etc. Или глаголы flare [(ит.) fiatare] subflare (исп.) soplar; inflare (исп.) hinchar; conflare (фр.) gonfler — *надуваться*; adfiare (afflare) (исп.) hallar первоначально *обнюхать* (об охотничьих собаках) и др.

Н. Г. Корлэтяну подчеркивал, что народная латынь — это не обеднение классической, но, в определенной мере, приспособление латинского языка к новым историко-социальным и культурным условиям развития римского общества.

В народной латыни, полагает он, был устранен ряд архаических, устаревших лексических единиц, которые уже перестали употребляться в живом, разговорном языке¹.

Кроме того, в народную латынь вливалась новая лексика, соотносимая с новыми реалиями, возникшими в обществе в результате его эволюции (строительство, техника, военное дело, управление) и проникали слова из других языков. В отличие от литературного языка в лексике народной латыни больше было слов с конкретным значением, а не с абстрактным. Так, ingenium — *ум, гений* стало в народной латыни и во французском engin — *орудие, оружие*, formosus (исп.) hermoso предпочитался, ибо обозначал не красоту вообще (pulcher — *красивый*), но красоту конкретной формы formosus < forma.

Непосредственно или через языки других народов, например, этрусков и карфагенян, греческий язык постоянно влиял на латинский классический и народный, и на романские языки. Сотни слов, обозначающих различные строительные материалы, обстановку, названия блюд, развлечений, наряду с философскими, правовыми и религиозными терминами были заимствованы латинским языком и перешли в романские.

Закрепление многих из них в латинском языке иногда удивляет исследователей². Почему закрепилось греческое petra [(исп.) piedra], а не латинское lapis [(исп.) laude — *могильный камень*]? Почему оно стало общим наименованием камня, а латинское слово только узкоспециализированным термином? Почему colaphus [(исп.) colpe, golpe —

¹ См.: Корлэтяну Н. Г. Указ. соч., с. 222 — 225.

² См.: Elcock W. D. Romance languages. Z. 1960 p. 198 — 199.

удар] было предпочтено латинскому *ictus* или *chorda* [(исп.) *cuerdas*] при латинском *funis* [(ит.) *fune*, (ст. фр.) *fun*]?

По некоторым греческим словам можно частично восстановить и хронологию их перехода в латинский язык. Так, в самом древнем периоде греческие ипсилон, фита, тэта и хи υ , ϕ , θ , χ передавались соответственно через **u**, **p**, **t**, **c**: *purpura*, *mintas*, *tumum*. В этот период каппа часто передавалась через **g**, а не **c**: *gubernare*, *gammaus* [отсюда (исп.) *gámbaro* наряду с *sámago* — *кроватька*].

В более поздний период указанные выше греческие звуки уже передаются через *y* (*i*), *ph*, *th*, *ch*. Например, *síma* (*сума*), *gípsum* (*gypsum*), *sophínus*, *orphánus* и др.

Еще позднее греческая η — ‘эта’ передается звуком **i**: *acidia* вместо *acedia*, *apotheca* дает (исп.) *bodega*, но и *botica*, и после носовых соноризируются глухие ‘пи, тэта, каппа’: не только *camra*, но и *samba*, *gamba*; *sandalon*.

Ряд греческих слов появился в испанском через арабский язык: *ogyza* > *arroz*; *zifyphon* > *azufaina*; *drachme* > *adarme*, *ambix* > *alambique*, *chymeia* > *alquimia*, *sikelos* > *acelga* греческое *thermos* дало в арабском *altarmuz*, и арабское *altarmuz*, в свою очередь, дало в испанском *altramuz*¹.

Греческие заимствования, начиная с XV-XVI вв., уже не оформляются, за очень редкими исключениями, по законам испанского языка. Так, слово *amnistia* ввел А. де Сарате вместо (исп.) *ley de olvido*, так как его значение “*na de memoria ni perpetuidad*”².

¹ См.: *Lapesa*, R. Op. cit., p. 83.

² *Ibid*, p. 161.

ГЛАВА 2

ОТ ПЕРВЫХ ИСПАНСКИХ РОМАНСЕ ДО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

СТАНОВЛЕНИЕ ИСПАНСКОГО РОМАНСЕ

Народно-разговорной латыни в завоеванных провинциях обычно противопоставлялась *lingua latina (romana)* в метрополии. Выражение *latine (romane) loqui* — *говорить по-латыни* существовало наряду с оборотом *fabulare (parabolare) romanice*, где наречие *romanice* образовано от прилагательного *romanicus*, т.е. связано с *Romania*¹. Наречие *romanice* переосмыслилось позднее как существительное со значением 'местный, разговорный язык' в противоположность письменному ученому латинскому языку. Отсюда и его производные в «местных» языках: *romanz*, *rumantsch*, *romance* и др. Термином *romance* принято называть исторические диалекты романских языков *romance castellano*, *romance leonés*, *romance ovetense* и т.д.

Относительно вопроса о возникновении испанского языка В. Эльшлегер писал: «Я часто останавливаюсь перед проблемой, до какой степени латинизированным можно оставаться языку, чтобы его все же считали началом испанского языка, или, наоборот, какая степень лингвистического развития классической латыни может быть принята за нормальную вульгарную латынь и насколько последняя должна быть отлична от первой, чтобы ее рассматривали как достаточно изменившуюся и достойную быть названной *romance*»².

Во всех случаях необходим некий «переходный период», который «начинался бы спорадическим появлением первых романизмов и кончался бы датой, когда испанизация стала

¹ Прилагательное 'римский' в отношении всех граждан империи дало существительное *romanus*, хотя собирательное 'государство римлян' *Romania* — зафиксировано только в IV в. В архаической (и, вероятно, в диалектах) латыни существовало и прилагательное *romanicus*.

² *Oelschläger V. A mediaeval Spanish word list: a preliminary dated vocabulary of first appearances up to Berceo. The Univ. of Wisconsin Press, 1948, t. VII.*

очевидной, одержав победу над соседними диалектами»¹. Народная латынь, на которую, воздействовали различные факторы, в том числе и своеобразие произношения местных жителей в провинциях, постепенно дифференцируется в различные романсе. Эта эволюция ускоряется в результате социального и политического разобщения Империи.

Взаимодействие всего комплекса факторов языкового и неязыкового порядка в каждой отдельной стране, где говорили на латинском языке, и создает собственно новолатинские языки. «Языковед, рассматривающий свой объект как систему, которая функционирует во времени, пространстве и обществе, будет стремиться учесть это взаимодействие»².

Мнение некоторых исследователей о «единстве» латинского языка до VIII — IX вв. основано на том, что в языке письменных памятников, действительно много общих языковых особенностей, но разговорная практика, как известно, осталась незафиксированной. С конца V в. термин «романсе» начинают противопоставлять официальному письменному языку. Иногда так называли язык низших слоев общества³. После исчезновения римской администрации, прекращения притока новых колонистов из метрополии, жители бывших провинций Римской империи из-за местных фонетических изменений, а также лексико-семантических сдвигов, даже при сохранении многих общих грамматических и синтаксических характеристик разговорного языка, перестают постепенно понимать друг друга. Начиная с IX — XI вв. устанавливается и письменная практика местных языков и, в частности, испанского романсе. IX в. может служить одной из возможных границ периода, которым начинается «испанизация» письменного, но не устного языка.

«Единство языковой системы определяет единство реакций на это содержание, единство содержания обеспечивает единство языка, но всякое изменение содержания отражается на речевой деятельности коллектива»⁴. Если руко-

¹ Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958, с. 276.

² Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций..., с. 6.

³ Иногда использовался и термин *romane*. Ср.: “*Monachus qui non intelligit literas idem illi romane exponat sacerdos*”.

⁴ Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций..., с. 25.

водствоваться указанными соображениями Г. В. Степанова, то установление «единства языковых реакций» можно отнести к началу борьбы с арабами, т.е. к VIII в., а подготовка этого единства и займет исторический период, который характеризуется историками языка как «вестготский». За это время относительно общие изменения в народной латыни бывших римских провинций постепенно дифференцируются в территориальные диалекты будущих романских диалектов и языков.

К более позднему времени можно отнести выделение одного из многих диалектов Пиренейского полуострова — кастильского (толедского), который становится языком нормы, образцом для всех провинций.

Вопросы периодизации в истории языка всегда сложны, а границы любых выделенных периодов довольно условны.

Принято последовательно выделять пять этапов — дописьменный — до IX в., староиспанский — до середины XIII в., среднеиспанский — до конца XV в., новоиспанский — до XVIII в. и, наконец, современный испанский. Внутри каждого этапа исследователи часто вводят дополнительные более мелкие хронологические градации, в особенности это относится к дописьменному и староиспанскому периодам. Например, название «дописьменный» период говорит о том, что в этот период еще не было традиции в использовании испанского романсе как языка письменности: мы имеем дело преимущественно с надписями, глоссами, отдельными краткими записями и документами на романсе, спорадически появляющимися в отдельных районах страны. Это один из самых сложных периодов, так как в нем впервые проявляются тенденции развития языка, которые станут ведущими несколько веков спустя.

Об этом периоде написан капитальный труд Рамона Менендеса Пидалья «Начала испанского языка»¹, охватывающий языковой процесс до XI в. включительно.

ВЕСТГОТСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ВЛИЯНИЕ ГЕРМАНСКОГО АДСТРАТА

Контакты испанцев с германскими племенами начались еще в имперский период, в эпоху упадка, во время войн со свевами и вандалами. В начале же V в. эти племена вместе с аланами перешли Рейн и, опустошив Галлию, вторглись

¹ См.: *Menéndez Pidal R. Orígenes del español. Estado lingüístico de la península Ibérica hasta el siglo XI. Madrid, 1964.*

на Пиренейский полуостров, где, по словам испанского автора Идация, «уничтожили все огнем и мечом» и «разделили между собой территорию провинций по жребью. Вандалы и свевы заняли Галисию, расположенную близ океана, аланы — Лузитанию и Картагенскую провинцию, а вандалы, называемые силингами, — Бетику»¹.

В 414 г. в Испанию, как союзники Рима, пришли вестготы, чтобы воевать со свевами, вандалами и аланами. С переменным успехом войны продолжались до свержения в 476 г. последнего римского императора Ромула — Августула; после чего вестготы начали завоевание полуострова. Оно продолжалось более двух столетий, последними под власть вестготов попали западная провинция (от Гибралтара до Алгарве), земли васконов и арагонские Пиренеи.

Вторжение германских племен, в особенности вестготов, положило начало коренным изменениям в общественном строе Испании, так как эти племена, сохранившие пережитки родового строя и общинного уклада пользования землей, оказали сильное влияние на испано-римское население, расшатав весь строй римского крупнопоместного землевладения.

Вначале готы делили власть над Испанией со свевами, все еще правившими на северо-западе. В полной независимости от вестготов жили баски, римская знать сохраняла значительные владения в центре страны и на юге; на южном побережье с 554 г. восстановили свою власть после ухода вандалов византийцы. Однако в первой четверти VII в. господство вестготов на полуострове стало практически единоличным².

Римская культура того времени достигла достаточно высокого уровня. С этим периодом связаны такие имена, как П. Орозий, ученик Августина; Хуан из Биклары, знаток и проповедник классической литературы; Мартин, переводчик с греческого на латынь; архиепископ севильский Леандр, его брат, знаменитый Исидор Севильский, толкователь религиозных текстов, грамматик, историк, ученый, литературный критик; архиепископ из Сарагосы Браулио;

¹ *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. М., 1951, т. 1, с. 54.

² См. также: *Кудрявцев А. Е.* Испания в средние века. Л., 1937; *Корсунский А. Р.* Готская Испания. М., 1969; *Alegre Peyrón I. M.* La España Visigoda. — Rev. romane. 1966, t. 1, fax. 1 — 2; *Courcelle P.* Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. P., 1948; *Wallace—Hadriil I. M.* The Barbarian West. L., 1952, p. 400 — 1000.

Ильдефонсо из Толедо; последователь Исидора Севильского Хулиан, историк и энциклопедист. Все они внесли большой вклад в становление национальной культуры Испании через латинскую и греческую культуру.

Влияние германских языков на пиренейскую латынь было довольно незначительным. Это было влияние адстрата. Адстратом принято называть язык пришлых племен (нередко национальных меньшинств), повлиявший на язык местных жителей — аборигенов и сохранившийся в качестве соседнего языка. Адстратное влияние германских языков шло через латинский язык и через языковые контакты германских племен с испанским и романсе.

Связи германских и латинского языков¹ восходят еще к общиндоевропейской эпохе. Например, название бронзы aiz (лат.) aes — пережиток гетероклических форм в названии губы [германский leran- / leryga-, (лат.) labidum / labrum] и др.

Первоначально контакт между этими языками начался на прародине италиков — на территории к северу от Альп. Он прекратился после ухода италийских племен на Аппенинский полуостров и возобновился к концу первого тысячелетия до н.э., когда уже сложившиеся германские племена столкнулись с римским государством.

К более позднему слою относится лексика, связанная с юридической и религиозной тематикой, сельскохозяйственная и военная лексика, абстрактные понятия.

Можно отметить следующие лексические соответствия:

Юридические и религиозные термины: (др. исл.) sannr — *истинный, виновный*, (лат.) sons, tis — *виноватый*; (др. (и сл.) sáttir — *примирившийся*, (лат.) sanctus — *священный*; (готск.) weihs — *святой*, (др. сакс.) wîh — *храм*, (лат.) víctima — *жертвенное животное*; (др. исл.) tja (из *tihan — *указывать, сообщать*), (лат.) dicere — *говорить*; (готск.) blotan — *почитать* [(др. исл.) blotgöoi — *языческий жрец*], (лат.) flamen — *жрец определенного божества*.

Военная лексика: (готск.) arhazna — *стрела*, (лат.) arcus — *лук*; (др. исл.) spjor, (лат.) sparus — *копье, дротик*; (др. англ.) þrymm — *толпа, сила*, (лат.) turma — *толпа, множество*; (готск.) hatis — *ненависть*; (оскск.) cadeis — *вражда*.

¹ См. сб.: Сравнительная грамматика германских языков. Германские языки и вопросы индоевропейской ареальной лингвистики. М., 1962, т. 1, с. 85 — 93.

Производственная лексика: (др. исл.) *not* — *большая сеть*; (лат.) *nodus* — *узел*; (др. датск.) *blaa(r)* — *пакля*, (лат.) *floccus* — *пук шерсти*; (др. англ.) *ast* — *печь*, (лат.) *aestus* — жара, *aestas* — лето.

Земледельческая лексика: здесь можно выделить общие названия злаков: [(др. верх, нем.) *gersta* — *ячмень*; (лат.) *hordeum*], *сита* [(др. англ.) *hridder*, (лат.) *criblum*]; *косы* [(др. сакс.) *segisna*, (лат.) *sacena* — *секира*], *травы* [(др. исл.) *gras*, (лат.) *grāmen* < *gras-men*], *козы* [(др. исл.) *hafir*, (лат.) *caper*], *бука* [(др. исл.) *bok*, (лат.) *fagus*, (инд. евр.) **bhagos*] и т. д.

Названия частей тела: язык [(др. исл.) *tunga*, (др. лат.) *lingua*]; шея [(готск.) *hals*, (лат.) *collus* < *kolos*], *палец* [(др. англ.) *fahe*, (лат.) *digitus*]; *рука* [(др. исл.) *mund*, (лат.) *manus*], плечо [(др. сакс.) *ahsla*, (лат.) *ala* — *крыло*, *плечо*].

Единичные германо-италийские лексические параллели:

а) существительные: (др. верх. нем.) *hleo* — *могила*, *могильный холм*; (лат.) *clivus* — *холм*; (готск.) *arn* — *год*, (лат.) *annus* < *at-nos*; (готск.) *raþjō* — *число*, *расчет*, (лат.) *ratio* — *счет*; (готск.) *junda*, (лат.) *juventa* — *молодость*.

б) прилагательные: (др. исл.) *grar* — *серый*; (лат.) *ravus* — *серый*, *желто-серый*; (готск.) **swarts* — *черный*; (лат.) *sordes* — *грязь*; (др. исл.) *magr* — *худой*, (лат.) *macer* — *худой*.

в) глаголы: (готск.) *tiuhan*; (лат.) *ducere* — *тянуть*, *тащить*; (др. англ.) *wadan* — *переходить вброд*, (лат.) *vadum* — *мелкое место*, *vado* — *шагаю*; (готск.) *þahan*, (лат.) *tacere* — *молчать*; (др. англ.) *rencan* — *знать*, *думать*, (др. лат.) *tongere* — *знать*; (др. исл.) *hlamma* — *звучать*, (лат.) *clamare* — *зывать*.

Наряду с ними существовали слова, заимствованные в более поздний период.

Так, уже I в. н. э. можно датировать слова *ganta* — *гага*, *гусь*; III в. *haringus* — *селедка*; IV в. *burgus* [синоним (лат.) *campus* — *укрепленное место*, *замок*], *spelta* — *полба*.

С началом новой эры в результате частых контактов германских племен с Римом в латинский язык проникли и распространились по всей территории Романии (за исключением восточной ее части) большое количество терминов, в основном связанных с военным делом, обстановкой и пр. Многие германские термины вытеснили исконные латинские.

Таковы, например, слово *война* *werra* [(исп.) *guerra*, (фр.) *guerre*], сменившее латинское *bellum*; *wardon*, *wahta* [(исп.) *guardar*, (фр.) *garder*] — *нести караул, охранять*; *sporo* [(ит.) *sperone*, (фр.) *éperon*] — *шпора*; *helm* [(исп.) *yelmo*] — *шлем*; *hosa* — *род генр* [(ит.) *hosa*, (ст. исп.) *huesa*]; *brand* — *меч* [(ит.) *brando*, (фр.) *brant*]; *gauba* — *добыча* [(исп.) *robar* — *грабить, воровать*]; *wadjo* — *залог* [(фр.) *gage*]; *treuwa* — *перемирие* [(ит. исп.) *tregua*, (ст. фр.) *trêve*]; *marka* — *граница* [(исп.) *marca*].

Германские слова, относящиеся к повседневной жизни, как правило, сохранили в латинском языке свою форму, реже латинизировались. Так сохранили германскую форму *brasa* — *огонь*, **laubja* — *прикрытие из листьев* [(фр.) *loge*]; *bank* — *скамья*, *want* — *перчатка* [(исп.) *guante*], *thwahlja* — *платок* [(ит.) *tovaglia*, (порт.) *toalha*]; *skina* — *хребет*, *hanka* — *бедро*, *sunja* [(нар. лат.) *sonium*] — *уход, забота* [(фр.) *soin*]; **urgoli* — *гордость* латинизировалось в *orgulium* [(ит.) *orgoglio*, (исп.) *orgullo*]. Некоторые германские слова употребляются в латинизированной форме *harpa* — *арфа*, *flaudonem* — *пирожное* (литературная латынь).

Из германских языков в латынь вошло много прилагательных: *rikī* — *богатый* [(исп.) *rico*, (фр.) *riche*]; *drud* — *возлюбленный* [(ст. фр.) *dru*, (ит.) *drudo*, (пров.) *drutz*]; *frisk* — *свежий*, *snel* — *быстрый*, *bald* — *смелый*. Прилагательные, обозначающие цвет, заменив латинские, остались во всех романских языках: *blank* — *белый*, *brun* — *коричневый*, *gris* — *серый* и др. Многие германские глаголы, оканчивающиеся на *-jan*, будучи заимствованы римлянами, получили окончания I и IV спряжения: *warjan* — *защищать* [(ит.) *guarire*, (ст. исп.) *guarir*]; *bastjan* — *починять* [(ит.) *bastire*]; *furbjan* — *чистить* [(ит.) *forbire*, (фр.) *fourbir*]; *skiuhan* — *избегать* [(исп.) *esquivar*]; *kratton* — *чесать, царапать* [(ит.) *grattare*] и т. д.

Германизмы достаточно широко проникли в латинский язык, но литературная традиция их избегала. Иногда германизмы использовались для создания местного колорита, при описании жизни германцев. Так, в «Германии» Тацита встречается слово германского происхождения: *framea* (*копье*), у Плиния старшего находим *sapo* (*мазь*, совр. *мыло*), *ganta* (*дикий гусь*), у Палладиуса — *vanga* (*мотыга*) и т. д. Памятников народной латыни этого времени почти нет. Основные сведения о германизмах можно найти уже в романских языках. Германские слова, проникшие в разговорный язык в эту эпоху, встречаются во всех романских языках.

В вопросе о языковых контактах германских племен с новолатинскими можно выделить несколько аспектов:

а) степень влияния германских языков на вульгарную латынь всей Романии до ее раздела на отдельные романские языки; б) возможность отделения результатов позднейших влияний уже в местных ареалах от общих начального периода; в) дифференциация различных напластований отдельных германских племенных языков в пиренейских романсе. Известно, например, что португальское и староиспанское *elmo* являлось романской интерпретацией вестготского *hilms*, а позднейшее испанское *yelmo* пришло уже от франков. Староиспанское *luya* < вестготское *lofa* — *перчатка* почему-то уступило позднее место *guante* из северных немецких диалектов. Другие слова, которые по традиции считались вестготскими: *aspa* — *мотовило*, *guesa* — *прялка*, *aspete* — *вертел*, *ataviar* — *украшать* встречаются в итальянских диалектах, что предполагает остготское влияние¹.

Можно констатировать, что только очень немногие слова германского происхождения действительно вошли в испанский романсе³. Среди них *brotar* < *bruton* — *прорастать*, *estaco* < *stakka* — *кол*, *agasajar* < *gasalja* — *оказывать гостеприимство*. Слова с суффиксом **-engo** < **-ing**: *abolengo* — *родословная*, *realengo* — *королевский* (о землях)³ и др. Однако у авторов известных работ по исторической лексикологии, существуют разногласия по этому вопросу.

Из различных германских языков заимствовано большое количество имен собственных, среди них *Alvaro* (*all* + *wars* — *известный всем*); *Fridenandus* > *Fernando* (*frithu* + *nanth* — *готовый к миру*); *Rodericus* > *Rodrigo* (*hroths* + *riks* — *богатый славой*); *Argimiro* (*harjis* + *meris* — *известный войску*); *Gonzalo* — *Gonzalvo* (от *gunthis* — *борьба*); *Aldefonsus*, *Ildefonsus*, *Alfonsus* (*hathus*, *hilds* + *all* + *funs* — *готовый к сражению*).

¹ Восточногерманские племена в V в. после победы над римлянами образовались в государства: Остготское в Италии, Вестготское в Испании, Бургундское на среднем Рейне и Вандальское в северной Африке.

² Е. Гамильшег (*Gamillescheg E. Romania Germanica. B., Lpz, t. I — II*) насчитывает, например, только около 130 слов, пришедших в испанский романсе из языков франков. Из более специальных работ по теме назовем статью в *Enciclopedia lingüística hispánica, II, "Germanismos"*, p. 79 — 93.

³ См.: Бурсье Э. Указ. соч., с. 162 — 165.

АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И АРАБСКИЙ СУПЕРСТРАТ

В 713 г. отряды арабов (мавров) разбили войско последнего короля вестготов Родриго, и началась эпоха арабского владычества. Согласно испанским летописям, вестготы оказывали сопротивление только в одной области — Астурии; с остальными вождями вестготов мавры заключили договоры, предоставив им политическую независимость.

В 718 г. арабский правитель полководец Аль-Хурр перешел Пиренеи и вторгся в Галлию. В 732 г. при Пуатье франкский вождь Карл Мартелл нанес крупное поражение арабам и приостановил их продвижение на запад. К этому времени и в самой Испании вспыхнула война. Астурия, Сантандер, часть провинции Бургоса, Леона и Паленсии, составившие территорию нового королевства, не подвергались арабскому вторжению, они и возглавили Реконкиту, которая продолжалась затем до 1492 г., когда последний оплот арабов — Гранада пала под ударами войск «католических королей» Изабеллы и Фердинанда.

Реконкиста во многом определила своеобразие в развитии отдельных областей и, соответственно, их языковое развитие. К. Маркс подчеркнул, что «местная жизнь Испании, независимость ее провинций и коммун, отсутствие единообразия в развитии общества, — первоначально обусловленное географическим обликом страны, а затем развившееся исторически благодаря тому, что различные провинции самостоятельно освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства, — все эти явления теперь окончательно закрепились и утвердились...»¹.

Проблемам арабского суперстрата и арабских заимствований в испанском и романских языках посвящено много работ как общих, так и специальных².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 432.

² См.: Dozy R., Engelmann W. H. Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe, 2e ed. Leiden, (Reprint, 1965); Neuvonen E. K. Los arabismos del español en el siglo XIII, Helsinki, 1941; Machado I. P. Influencia arabica no vocabulario português, 2 vols, Lsb., 1958-1961; Steiger A. Arabismos. — In: Enciclopedia lingüística hispánica, II, p. 93 — 126; Sanchus Guarner M. El mozarabe peninsular. — In: Enciclopedia lingüística hispánica, I, p. 293 — 342; Wagner M. L. Etimologías españolas y árabeto-hispanicas. — In: Revista de filología española, n° 21, 1934, p. 225 — 247.

По хронологической классификации арабизмы испанского языка делятся на следующие группы:

1) слова, вошедшие в язык в годы самого арабского завоевания или же в течение всего периода завоевания и начала периода обратного завоевания Реконкисты с 711 г. до половины XI в.;

2) слова, вошедшие в язык в эпоху разложения калифата, господства альморавидов и первых альмохадов, или же в эпоху так называемой «великой» Реконкисты (*las grandes Reconquistas*) с середины XI до начала XIII вв.;

3) слова, вошедшие в язык в эпоху окончательной победы Кастилии и выдвижения будущего кастильского языка, т.е. начало расцвета испанской литературы, с начала XIII в. до его конца.

Одни арабизмы, например, судебные, сельскохозяйственные, военные термины, распространялись по всей территории страны, другие — только локально.

Арабизмы также делятся на вошедшие в испанский (или в романсе) через устную традицию (*voces populares*) и через язык науки и литературы (*voces cultas*).

АРАБИЗМЫ ПЕРВОГО ПЕРИОДА

Эти арабизмы были распространены от Галисии до Каталонии, их можно считать общими для всей страны. Для них характерно следующее: 1) они зафиксированы в документах до 1050 г.; 2) появляются по крайней мере в трех языках: испанском, португальском и каталанском; 3) имеют различные фонетические особенности, свидетельствующие об их независимом переходе в тот или иной романсе.

Многие арабизмы этого времени не дошли даже до XIII в. Э. К. Неувонен¹ приводит список слов, навсегда ушедших из романсе. Среди них: *avende* “bandera”, *albaz* “pano”, *suruz* “sillas”, *zarama* “capa”, *alisare* “borde” и др., в основном это названия тканей, одежды, монет, военные звания и т.д. Сохранившиеся слова тесно связаны с арабским образом жизни: *mozleto*; с арабскими административными и общественными учреждениями: *alfoz*, *acogue*, *annubda*, *aldea*, *aluaroc*; военным делом: *atalaya*, *alferez*; с различными областями сельского хозяйства: *acenna*, *maquila*, *xafariz*; текстильной промышленностью: *algodón*, *almexía*, *açitara*; с домашним бытом: *redoma*, *taza*, *almud*, *cafiz*.

¹ См.: *Neuvonen E. K. Los arabismos del español ...* p. 79 — 80.

Многие арабизмы этого периода исчезли к XIII в., они были зафиксированы в документах, авторами или переводчиками которых могли быть арабы, ими пользовались из-за плохого знания романсе.

Сохранившаяся в испанском языке арабская лексика связана с передачей необходимых понятий для контакта народов.

Характерно фонетическое оформление арабских слов, исчезнувших к XIII в. В большинстве случаев, они не имеют арабского артикля *al-*, который характерен для позднейших арабизмов. Кроме того, арабская флексия *-a* трактуется в этот период как *-e* (*alvende, marauze*).

Большинство арабизмов этой эпохи носит явно выраженный народный характер, причем их частотность очень высока.

АРАБИЗМЫ ВТОРОГО ПЕРИОДА

Большая часть арабизмов этого периода сохранилась, что говорит уже о более устойчивом влиянии.

Список арабизмов, исчезнувших позднее гораздо меньше, хотя количество документов, в которых они встречаются, значительно возросло. Здесь мы находим: *alaulés*, “*perlas*”, *mancale* “*mesa*”, *alcailo* “*caballo*”, *yucefi*, *merini* “*nombres de monedas*”. Слова, заимствованные в этот период, связаны с административными и общественными учреждениями и их представителями: *açofra*, *alcalde*, *alguacil*, *çauamedina*, *forro*; с военным делом: *adarga*, *alcácar*, *alcayde*, *almofar*, *belmez*, *rebante*. Менее значительна бытовая лексика: *alcantara*, *alfaja*; техническая: *alfamar*, *aljofar*, *guadamecí*, *talega*, *adoue*, и терминологическая: *argoua*, *fanega*, *marauedí*.

Появление испанских арабизмов свидетельствует о том, что усилилось прямое влияние арабского языка, возрастает число переводов, социальных контактов и т.п. Число арабизмов без артикля *al* сократилось, что, возможно, говорит об особенностях билингвистической ситуации в эту эпоху, заставляющей говорящего подчеркивать иноязычную словоформу. Возможно, что это фактор становящегося арабско-романского койне.

АРАБИЗМЫ ТРЕТЬЕГО ПЕРИОДА

Сюда относят в основном только те арабизмы, которые появились в документах после 1200 г. Это позволяет сравнивать различные периоды появления арабизмов и учитывать их экстралингвистическую характеристику. Ко-

нечно, фиксация какого-то арабизма в памятниках и использование его в языковой практике могут относиться к исторически различным языковым срезам.

Одной из характерных черт этого периода — появление арабизмов в романских языках не непосредственно, но через испанский язык, хотя известны и обратные случаи. Например, арабизм *adalil* этого периода зафиксирован вначале в португальском варианте *adail*.

В эту эпоху продолжают встречаться и «случайные» арабизмы. Они напоминают технические термины, которые в трудах школы Альфонса X обычно характеризуются как *a que llaman en arauigo, llamanle en su arauigo*. Многие арабизмы относятся к различным диалектам: леонскому (*budefa*), андалусийскому (*alcaría, alenzel, arracife*), каталанскому (*matafalúa*), арагонскому (*cauasequia, atamar*) и т.д.

Для этого периода характерно преобладание *voces cultas*, что подчеркивает роль книжной культуры в усвоении лексики чужого языка (практика переводческой школы Альфонса X в этом отношении — классический пример).

Распространение арабских слов во всех областях культуры, техники и быта, идет более равномерно. Появляются новые термины по технологии, искусствам, названия животных и растений. Число военных терминов уменьшилось.

Лексика, заимствованная в этот период, в основном относится к следующим группам: названия социальных институтов: *alfaqú, algarauía, aljamá, alquicé*; административные и общественные учреждения: *albardán, alcaría, alfitrán, almacén, arracife, ataud, robba*; военные термины: *adarbe, alarde, algarrada, almajaneque*; морские термины: *arroque, zabra*; названия мер и монет: *alfaba, açumbre, celemín, quintal*; сельскохозяйственная и торговая лексика: *acemite, açucar, alazán, alforí, azimel, rabadán, harre, azeyte*; техническая лексика: *adobe, albanne, albot, alcaduz, algorfa*; бытовая лексика: *alcuza, almenara, jarra, madrazo*, а также лексика, связанная с названиями одежды и украшений: *alcalía, alfolla, almadraque, alcorcol, arredé, queça*; названия животных и растений: *alcotán, algazel, zarafa, alforge, açafra, açandal, açelga, arroz, azeytuna, adelfa*; медицинские термины: *albeitar, haquesa, xarabe*; топографические названия: *alcor, almigar, annir, xar*; музыкальные термины: *acedrex, albogue, alfil, atabal, mate*.

В этот период в испанском языке появились глаголы *achacar, atamar, falagar*; наречия *balde, marrás*; прилагательные *rafez (rahez), a(l)jumado*; местоимение *fulano* и др.

Целая серия терминов, относящихся к средневековой арабской культуре (астрономии, математике, медицине, философии и др.) вошла в общий фонд европейской и мировой науки и культуры: *álgebra*, который ввел в 1202 г. итальянский математик Л. Фибоначчи, *algoritmo*, *cifra*, *sego*, *azimut*, *nadir*, *almanaque*, *elixir*, *alcohol* и многие другие.

Многие арабизмы вошли в испанский романсе через другие языки. К ним относятся такие слова, как *aduaná*, поскольку прямой фонетический переход от арабского *ad-diwan* невозможен. Слово *almirante* скорее всего вошло в испанский язык через французский или провансальский, хотя его появление датируется серединой X в. То же происхождение имеют и слова *soldán* и *sultán*. Слово *azul* пришло через средневековое латинское *azzurum*, *califa* после крестовых походов. Через каталанский, вероятно, пришло в испанский язык арабское *res* “*cabeza, unidad de ganado*”. Трудно найти фонетические закономерности для прямого перехода в испанский романсе слов *gincón* “*angula*” и некоторых других.

После XIII в., как показывает анализ книг “*Libro de buen amor*”, “*Libro de montería*” или “*Ordenamiento de Sevilla*” (все XIX в.), поток арабизмов, используемых испанским языком, еще далеко не иссякает. Вот несколько примеров из «Книги о благой любви» архипресвитора Итского: *adefina*, *adivas*, *acandora*, *alfiler*, *almajar*, *laud*, *gabel*, *valadí* и многие другие. Среди новых арабизмов есть и такие как: *aseche*, *alambique*, *albahaca*, *alcorque*, *almanaque*, *almohada*, *alpargata*, *azotea*, *jaez*, *azucena*, *matraca*, *mulato*, *zagal* и т.д.

Все арабизмы, обогатившие испанский язык, составляют в нем 0,3 — 0,4 % общей лексики. Большинство из них встречается редко, но есть и такие, частотность которых достаточно велика, как в современном, так и старом испанском языке¹. Многие арабизмы образуют производные слова в испанском языке, причем наибольшее количество производных дают слова без артикля *al-*. Некоторые арабизмы вошли в испанский с двумя значениями: *alguazil*: “*visir*” — *cierto oficial*; *balde*: “*en vano*” — *graciosamente*; *mezquino*: “*pobre*” — *miserable*; *rafez*: “*vil*” — *barato* и

¹ Среди свыше 4 млн. словоформ, входящих в состав старых испанских текстов, Е. К. Неувонен нашел слово *marauedí* — 3600 раз, *fasta* — 5500, *alcalde* — 1038 раз, *aldea* — 350, *fulano* — 344. От 100 до 300 раз встречались: *acote*, *adalil*, *a(fe)*, *alcayde*, *alférez*, *alguazil*, *almoixerife*, *falagar*, *forro*, *mezquino*, *rebate*.

т.д. Обычно значение арабского слова меняется с течением времени, хотя есть и исключения: *acitara* “lo que cubre” > *ala de ejército* — *cortina*; *alfamar* “lo que cubre” > *cubierta de cama, de pared*; *fanega* “saco” — *medida de capacidad*; *tafulla* “campo” — *medida de superficie*. Многие военные термины эволюционировали с изменением значения, например, *alférez* — *командующий, знаменосец*, *alcayde* — *начальник крепости, тюремщик*, также и название гражданских официальных должностей, что объясняется историко-социальными изменениями в функциях этих лиц, новыми общественными условиями.

Ряд арабских слов свидетельствует о языковом единстве полуострова, они являются общими для двух или трех пиренейских языков — испанского, португальского и каталанского¹. К ним относятся *agroz* — *рис*, который другие романские языки знают в греческой форме (фр.) *gis*, (ит.) *giso*; *jabalí* — *кабан*, (фр.) *sanglier*; *aldea* — *деревня* и многие другие.

К проблемам арабского влияния относится и вопрос о мосарабском романсе — языке мосарабов.

Само слово *мосараб* означает «арабизированный» — (араб.) *must'arab*. Так называли испанцев, живших на завоеванных арабами территориях, они сохранили христианскую веру, но восприняли многие обычаи и образ жизни арабов. Полагают, что большая их часть сохранила и использовала романсе, хотя и в значительной степени арабизированный. Чаше всего романсе был разговорным языком, а арабский — языком культуры. Мосарабы будучи билингвами содействовали проникновению арабской лексики в другие романские языки. В течение нескольких веков Реконкисты испанцы воспринимали все новые элементы языка и культуры мосарабов. С ростом числа мосарабов на отвоеванных землях росло и их влияние, особенно сказавшееся на развитии языка в северных областях Испании.

Количество арабских лексических элементов в языке мосарабов было значительно выше, чем в других романсе, причем их влияние сказывалось и на всех уровнях, в фонетике, морфологии, синтаксисе². Кроме того в изоли-

¹ См.: Pötters W. Unterschiede im Wortschatz der iberoromanischen Sprachen. Beitrag zu einer vergleichenden spanischportugiesischen Semantik. Köln, 1970, S. 71 und folg.

² См.: Steiger A. Contribución a la fonética del hispano-arabe y de los arabismos en el ibero-románico y el siciliano. Madrid, 1932; Stern S. M. Les chansons mozarabes. Palermo, 1953.

рованных группах носителей языка должны были сохраниться какие-то характерные черты начального периода испанского романсе.

Хотя текстов на мосарабском романсе ранее XII в. не сохранилось, ученые имеют о нем довольно полное представление, благодаря свидетельствам арабских авторов. Находки последнего времени, открытие и анализ андалусийских харджа — древнейших памятников устной народной лирической поэзии на романсе, дали новые сведения о языке мосарабов.

Харджа — это конечные строки небольшой поэмы (мувашшаха), которые определяют тональность, размер и рифму всей, поэмы. Некоторые из них были написаны на мосарабском романсе со включением отдельных слов арабского или еврейского языка. Харджа на романсе датируются от XI до XIV вв., «превращая испанскую литературу в древнейшую из всех романских литератур, так как одна из харджа датируется примерно 1042 г., т.е. она на несколько десятилетий старше первых лирических песен на провансальском языке¹. Арабские слова в текстах на романсе были либо общими для двух языков, либо чисто арабскими или понятиями, не имевшими своего эквивалента на романсе. Зачастую арабские слова заменяли и мало употребительные слова и выражения на романсе.

По данным Пидалья, в мосарабском языке происходила общая для Испании дифтонгизация открытых гласных в ударном слоге типа *xierra* “*sierra*”.

Характерной чертой мосарабского языка, общей с леонским и арагонским диалектом была дифтонгизация перед *uod*, как в слове *uello* “*ojo*” или в топониме *Saraguseu*.

Вместо кастильской *j* в мосарабском языке было *ll*: *sonelyo* “*sonejo*”; *harralya* “*serraja*”, что сближает его со староарагонским: *sonello*, *sonill*, с каталанским *cunill*, *segralla*, с галисийско-португальским: *coenllo*, *serralha*, *coelho* и с большинством романсе за пределами полуострова.

ñ вместо кастильского *ch*: *nohte* “*noche*”, так же как в Сарагосе и Кордове, сближало мосарабский язык с галисийско-португальским, западным леонским и арагонским, где говорили: *leite* “*leche*”, *noite* или *nueite* “*noche*”, *feito* “*hecho*”; каталанским: *llet*, *nit*, *fet*.

Общей с другими романскими языками, кроме кастильского, было сохранение начального латинского *j*- или *g*-

¹ *Menéndez Pidal R.* Los orígenes de las literaturas románicas ala luz de un descubrimiento reciente. Santander, 1951.

португальское *janeiro*, *giesta*; леонское и староарагонское *jenero*, *giniesta*, (кат.) *janer*, *ginesta*; (мосараб.) *jenair*, *yenesta* при кастильском *enero*, *hiniesta*, *hinojo*, *helar* и т.д.

Ряд слов в мосарабском языке сохраняет начальные латинские *pl*, *cl*. Например, *plantain* < (лат.) *plantagine*. В кастильском же находим *llantén*; *llorar* < *plorare* и т.д.

В мосарабском языке, по крайней мере в X в. произносилось *yengua*, вместо кастильского *lengua*, что можно сравнить с фактом палатализации начального *l*- в леонском, каталанском и в части арагонского: *llengua*, *llabrar* или *llaurar*, *lluna* "labrar, luna". В текстах харджа зафиксированы все указанные явления: дифтонгизация *cidiello*, *mieu uelyos*, палатализация: *yermaniellas*, *corayon*; использование *ll* (*ly*) вместо *j*: *alieno* "ajeno" и многие другие.

Обращает на себя внимание факт общности многих принципиальных языковых характеристик романских языков и мосарабского, с одной стороны, и мосарабского и кастильского, с другой. С некоторыми оговорками можно считать мосарабский романсе характерным представителем первого этапа развития диалектов, когда внутрдиалектальные различия были более существенны, чем различия между самими диалектами.

ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ В ИСТОРИИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Вестготский период характеризует начальную стадию уже романских языковых изменений (по классификации Пидалья, он продолжался с 414 по 711 гг.) Язык этого периода характеризуют черты, сближающие его с диалектами запада Испании и Левантийского побережья. В нем сохранялась непалатализованная группа *ll*, вместо кастильского *j* (в слове *filio* или ему подобных); часто дифтонгизация гласных перед *yod* (*uello*, а не *ojo*); *f* еще не сменилось кастильским *h*, отсюда *facer*, *famne* вместо *hacer*, *hambre*; в словах типа *muito* и *feito* звучало *it*, а не *ch*. Начальное *g* в *genairo* (*енег*) еще произносилось. Сохранилась группа *mb* в словах типа *palomba* (*paloma*).

В языках полуострова были и свои специфические (преддиалектальные) отличия. Это прежде всего, палатализация начального *l* (*llengua*, *lluna*), и дифтонги, которые еще не определились окончательно и звучали недифференцированно, а на письме обозначались по-разному: *pueblo*, *puoblo*, *puablo*, *amariallo*, *amariello* и т.д. Специ-

фичным было также появление звука **o** в третьем лице множественного числа прошедшего времени вместо современного **a**: *compararon* (*compraron*); дифтонгизация форм глагола *ser*: *yes* (*eres*) *ye* (*es*). Сохранение латинских дифтонгов *ai* (*carraira*); *au* (*lausa*), регистрируется в леонском диалекте еще в X в., а в мосарабском даже позднее, хотя на севере уже возникали неологизмы *carraera*, *losa*, которые так и не привились в Бетике, Лузитании и Галисии.

В эту эпоху началось также проникновение некоторого количества вестготской лексики. В начальный период готы и местные жители могли употреблять различные наименования одних и тех же вещей (например, название *grunum* *сливы* — местное и *setuleum* — готское).

В топонимике есть названия готского и романского происхождения: многочисленные *Godos* в Португалии, Овьедо, Понтеведре и др., *Revillagodos* в Бургосе; *La Goda* в Барселоне, а также *Gudillos Godinhos*, *Godinhella Godones*, *Godinhaços* наряду с *Romanos*, *Romas*, *Romão*, *Romanillos*, *Romainho*, *Romanones*, *Romancos*.

От периода предшествующего готскому вторжению сохранились названия *Villalán* в Вальядолиде (*Villa Alán*), *Puerto del Alano* в Уэске и там же *Bandalies*, несколько *Suebos* в Лакорунье, *Suegos* в Луго, *Sueve* в Овьедо и некоторые другие. Этот же период характеризуется сильным греческим влиянием, особенно в языке образованных слоев населения. Тогда же, видимо, возникли *goldre* < *goruthum* вместо *corutum*; *abdega* и *bodega* < *apotheca* и др.

«Астурийско-мосарабский» период, продолжался с 711 по 920 гг.

После арабского нашествия королевский двор был перенесен из Толедо в Овьедо, которое стало столицей астурийской монархии. Овьедо одновременно был центром притяжения мосарабских южных традиций; сюда переносятся кодексы, книги и многие реликвии мосарабов; сюда же эмигрируют монахи из Андалусии (хотя чаще на север Леона), в Астурии постепенно образуются колонии бывших жителей Толедо и других городов.

В современных диалектах Астурии и севера Леона сохранились многие черты, свойственные языку этой эпохи: начальное **f**, вместо **h**, дифтонгизация перед *yod*, группа **mb**, начальное палатализованное **l**, формы глагола *ser* (*yes* и *ye*). В ходе естественной эволюции произошло оглушение начального **g** (*señero*, *sinero* > *enero*), переход **ll** в **y** (*muyel*, *paaya*), переход **mn** в **m** (*fame*). Некоторые совре-

менные диалекты сохранили ряд языковых черт, указывающих на язык отдаленной эпохи: дифтонги *ei* и *ou*, колебания в реализации дифтонга: *ue*, *uo*; *o* в третьем лице множественного числа перфекта: *comprogon* и *comprogen*.

В этот период безударное **a** со следующим за ним согласным перешло в **e**: *les cases*, *cantaben*, современная география которого, ограничивающаяся только центральным районом Астурии, указывает на его происхождение — Овьедо. В средние века это явление спорадически регистрируется по всей Астурии и в Леоне.

Подобное явление встречается и в современном каталанском языке, где неударное **a** произносится как **e**, а флексия множественного числа с неударным **a** и графически переходит в **e**: *el poeta* — *els poetes*; *la fulla* — *les fulles*.

В эту же эпоху начали появляться и многочисленные, особенно в начале периода, арабизмы. Наиболее древние из них, зафиксированные документами: *acitara*, *alfoz*, *almafalla*, *almexia*, *carmez*, *metcale*, *xafarice*.

Период гегемонии Леона (с 920 по 1067 гг.) начался с учреждением королевского двора в Леоне, достиг своего расцвета при Рамиро II и закончился вместе с разгромом Леона басками во главе с Санчо II Великим из наваррской династии, давшей начало также и династии властителей Кастилии. Этот период достаточно хорошо представлен документами, свидетельствующими о языковой эволюции. Известно, что в Леоне в X в. соперничали архаизирующие формы дифтонгов *caira*, *caieira* с более новой *caiera*, из которых в XI в. *-aigo*, *-aiga* уже не встречается, а форма *-eigo*, *-eiga* встречается крайне редко. Аналогична судьба формы *aigo*, *ougo* > *ogo*. Кастилия отличалась от Леона тем, что там использовались только новые формы. Если же дифтонг произошел из *l > u*, встречались обе формы: *sal-tum* > *sauto*, *saoto*, *soto*. Хотя многие данные свидетельствуют о более быстрой эволюции в Кастилии, но одни из первых дошедших до нас текстов — манускрипты из монастырей Сан Мильян де Коголья (Логроньо) и Сан Доминго де Силос (Кастилия) еще полностью сохраняют традицию письма более северных областей¹.

Влияние мосарабского языка в этот период становится особенно сильным; часть лексики перешла в современный

¹ См.: *Menéndez Pidal R.* El idioma español en sus primeros tiempos. Buenos Aires, 1945, p. 23.

испанский язык (правда, многие из них: *albaros*, *alfetua*, *anubda*, *eirake*, *falita*, *tiraz* и др. довольно скоро исчезли из испанского романсе). От мосарабского языка произошло и указание родства на арабский манер: *Fortunium iben Garseani* вместо *Fortunio Garseani*; *Vani Gomez* (графы Каррионские); *Benavides* и т.д.¹

Языковые различия национальных групп населения полуострова фиксировались документами. Так, одна из глосс X в. свидетельствует о различной манере говорить *goti*, *uvandali*, *suevi et celtiberi*, с одной стороны, и *romani* с другой².

Период борьбы Кастилии за свою гегемонию (1067-1140 гг.)

Санчо II Великий, принявший титул короля Испании, незадолго до смерти разделил свои земли. Кастилия досталась его второму сыну Фернандо, который в результате начавшихся междоусобных войн овладевает Леоном, объединив его с Кастилией. Его сын Альфонс VI объединяет три королевства и продолжает борьбу с маврами. В 1085 г. он захватил древнюю вестготскую столицу Толедо, которая стала центром Реконкисты и выдающимся культурным центром. Здесь смешивались два течения: одно из северных христианских королевств, и другое из стран восточной, арабской культуры.

Во время войн Альфонса выдвинулся кастильский рыцарь, будущий герой испанского эпоса «Песнь о моем Сиде» — Родриго Диас де Вивар, более известный под именем Сид Воителя (*Cid el Campeador*), (*cid* < *seid* — *господин*)³, испанцы называли его «*Mío Cid*».

Сид воевал с Наваррой и Гранадой, с Арагоном, Барселоной и эмирами Тортосы, Альпуэнте и других городов, опустошил кастильские земли Нахеры и Калаорры и завоевал для Кастилии Валенсию, где жил независимым сеньором до своей смерти в 1099 г. После его смерти, кастильские средневековые поэты и хуглары, авторы народных

¹ *Iben* (арабское *ibn*, еврейское *ben*) значит 'сын'. В памятниках эпохи встречаются и преобразованные испанцами *vani* (мн. ч.) и *vena* (ед. ч.), а также латинская и арабская форма вместе, но только появилась местная на *-ez*, *-oz*, *-iz*.

² *Romani* — незавоеванные арабами жители испанских провинций (в отличие от мосарабов); *celtiberi* — *эд.*: жители северных провинций; *астуры*; *suevi* — вероятно, португальцы.

³ См.: «Песнь о моем Сиде». Староиспанский героический эпос. Сер. Литературные памятники. М. — Л., 1959. (В приложении — статьи об эпосе А. А. Смирнова). На исп. яз. «*Cantar de Mío Cid*» *Texto, gramática y vocabulario por R. Menéndez Pidal*. Madrid, 1908 — 1911, t. 1 — 3.

романсов, арабские историки и испанский фольклор придали ему черты подлинно национального героя, символа мудрости и силы народа.

В 1095 г. Альфонс пожаловал Генриху Лотарингскому земли к северу от Лузитании с городами Брага, Порто, Коимбра и др., а также область в междуречьи Тахо и Миньо, названные графством Португальским, давшим начало новому национальному государству Пиренейского полуострова — Португалии.

Наследники Альфонса VI продолжали политику объединения земель под эгидой кастильского короля. Так Альфонс VII добился вассального подчинения Наварры и Арагона и в 1135 г. в Леоне короновался императором Испании, закрепив этим политическим актом главенствующую роль Кастилии.

Для языковой ситуации этого периода характерно то, что восточное и мосарабское влияние сменилось европейским. Оно проявилось в возврате к «чистоте» классической латыни, в попытке возродить латинский язык. К середине XI в. из документов исчезают формы вульгарной латыни вплоть до последней трети XII в. Это было результатом «клюдийской реформы», направленной на реставрацию латинской образованности. Клюдийцы (от названия знаменитого в Европе бенедиктинского аббатства во Франции — Клюдни) обосновались на севере и северо-западе Испании уже к X в. К этому же времени расцветает культ испанского святого покровителя страны — св. Якова, гробница которого находилась в Сантьяго де Компостела. Особенно усилился приток паломников, главным образом французов — франков, после проведения дороги, которая называлась *camino francés*.

Сантьяго становится центром колоссальных церковных владений. Епископ города мог вершить правосудие в своих владениях, имел свое войско или ополчение. Клюдийцы проводили и свою политику церковной унификации. Санчо Великий поддерживал их реформу, так же как и позже Альфонс VI.

Клюдийская реформа отменила также «вестготское» письмо и заменило его французским «каролингским». Это привело к тому, что латинские документы до XI в. не сохранились, их уничтожали, потому что они стали непонятны. Правда, чаще всего в целях сохранения дорогого писчего материала надписи смывались или соскребались, а на их месте писали новые (так называемые палимпсесты), что позволяет иногда и сейчас прочитать более древний

текст. Таким образом, клюнийская реформа как попытка создания своего рода наднационального языка, имела огромное значение как для последующего развития испанского языка, так и для его историков.

В «Песни о моем Сиде» отражены самые старые галлицизмы в Испании: *mensaje*, *omenaje*, *usaje*, *bernaх*, *palafré*, *vergel*, *vianda*, *cosiment*, *ardiment* и др. Галлицизмы отмечены в языке мосарабов, в Арагоне, в Галисии и в Кастилии, через которую французское влияние продвигалось на юг.

Кастильское влияние выражается в Леонском королевстве в том, что дифтонги *ei* и *au* (*ob*, *oc*) уступили место монофтонгам. Пришло в Леон и кастильское *ch*. Сам кастильский диалект еще сохранял пост- и протонические гласные: *pobolato* (*poblado*), *Sotilongo* (*Solduengo*); были в ходу сочетания типа *flamia* или *kintla*, еще были живы формы *comde*, *semdero*. Окончания слов довольно часто принимали согласный вместо гласного: *zumac* (*zumaque*), *Montil* (*Montiello*), что частично объясняется влиянием арабского языка. Французское влияние сказывалось в заимствованиях типа *Anric* (*Enrique*).

При выделении начальных этапов складывающегося языка, возникает проблема выбора между несколькими формами.

Например, известно, что в Леоне во вторую половину X в. наряду с латинскими формами *armentatiu*, *carraria*, *caseu* употребляли, по крайней мере, еще три романских варианта: 1) *armentero*, *karrera*, *keso*; 2) *armentairo*, *kaiso* и 3) наименее частотный — *armenteiro*, *carreira*. Можно построить на этом материале по крайней мере три теории: $a (r, s) i = air > ai > ei > e$, но ни одна из них не может быть чисто лингвистической теорией, и тем более, не может ограничить себя только фонетическим материалом, хотя нельзя отрицать, что современное испанское *e* появилось в результате эволюции *ai*, *ei*. Некоторые исследователи заключают, что «фундаментом, основой языкознания как науки являются социальные и культурные факторы»¹. При сопоставлении форм испанского романсе *territorio* (VIII — XI вв.): *territorio*, *terridorio*, *territurio*, *terreturio*, *terre-*

¹ Впервые это положение было высказано в начале века основателем лингвистической географии Ж. Жильероном. Составляя первый в истории лингвистический атлас (1902 — 1910), он столкнулся с тем фактом, что нельзя оперировать одними фонетическими критериями в истории слов и диалектов, надо учитывать также семантические факторы и роль сознания.

durio и форм того же слова во франкском романсе тех же веков: territorio, terratorio, territuriu, terraturio, заметно, что отличия между романсе были менее значительными, чем отличия междудиалектальные.

В «Исторической грамматике испанского языка» В. Гарсия де Диего приводится пример с многочисленными формами слова *ventilare*, вбирающими в себя фонологические закономерности всех романских языков. Таким образом, явления фонетического и лексического порядка в каждом отдельном диалекте могут включать в себя все особенности различных романсе. Отсюда и легкость перехода из одного вида романсе в другой, которая позволяет, в частности, считать памятником испанской литературы «Cántigas» Альфонса Мудрого на португальско-галисийском, а памятником каталанской — провансальские стихи Гиллема де Серверы.

Недифференцированное состояние языка, когда не было ни четких правил, ни четкого различия между фонемами, морфемами, ни каких-то указаний по нормативному синтаксису и т.п., отвечало социальным и интеллектуальным факторам эпохи. В частности, в литературе того времени «безразличие» к графическому изображению того или иного звука стало даже фактором стилистики и поэтики. Средневековый автор пользовался различными написаниями для рифмы в поэзии (например, *tot, totz, tuit, tuich, tuih, tug, todo.*)

КАСТИЛЬСКИЙ ДИАЛЕКТ СРЕДИ ДРУГИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Г. В. Степанов пишет: «История смены состояний одного и того же языка позволяет построить историческую модель развития его функциональной системы и определить сущность (в функциональном смысле) движения от диалектной формы к форме национального языка в его литературном проявлении (литературный национальный язык)»¹.

В силу исторических причин кастильский романсе оттеснил каталанский, леонский, арагонский, галисийский романсе и стал общим, государственным языком Испании, принимая вначале наименование *lengua toledana* (по названию столицы страны — Толедо), а затем — *lengua es-
pañola*².

¹ Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций..., с. 84 — 85.

² Подробнее см.: *Alonso A. Castellano, español, idioma nacional, Historia espiritual de tres nombres. Buenos Aires, 1949.*

Романизированная латынь, возникшая на основе латинских диалектов, создавала общий фонд разговорной народной латыни, который противопоставлялся ее литературному письменному варианту. Следы этого многообразия сохраняют диалекты новолатинских языков. В Испании¹ можно назвать формы *espigo* и *spelego* (*espliego*) из латинских диалектальных *spica*, *spesa*; *todo* и *tudo* (последняя существует в Галисии и Леоне) из *toutos*, *tōtus* и *tūtos*; *bello* > *vitulu* в Астурии и Галисии и *bedell* > *vitellu* в Арагоне и т.д. Существование таких дублетных форм можно соотнести еще с особенностями римского завоевания, но они, вероятно, не проявлялись до какого-то времени, как факторы, определяющие специфику племенной, территориальной или социальной разновидности латинского языка на территории Испании. Поэтому вероятная сохранность местных языков в районах Астурии и Галисии до V в., а также племенных различий до вестготского завоевания не являлась также существенным фактором появления новых, пиренейских диалектов. В надписях и документах встречаются общие явления, например, дифтонгизация в *eiga*, *rauso* наряду с отсутствием ее в *celo*, *sova*, палатализацией групповых согласных в *ovella*, *tella*, колебаниями в фонетической реализации интервокальных согласных: *capeza*, *espata*, *espica* наряду с *cabeza*, *espada*, *espiga* и ряд других.

К периоду, предшествующему арабскому завоеванию, относительная общность пиренейской латыни начинает распадаться. Первые языковые изменения произошли на небольшой территории, граничащей с басками — Кастилии. Они классифицируются как фонетические изменения, обусловленные воздействием иберского субстрата на кастильский романсе (К. Бальдингер). К ним относятся:

1. Особый характер испанского *s*, отличающий его от общероманского (полупалатальное *s*);
2. Отсутствие губно-зубного звука *v*;
3. Потеря начального латинского *f* (*fumo* > *humo*);
4. Щелевой, а не взрывной характер интервокальных рефлексов латинских *b*, *d*, *g*;
5. Трактовка латинской группы *ct* как *ch* (*nocte* > *noite* > *noche*);
6. Палатализация латинских геминат *ll*, *nn* в испанские *ll*, *ñ* (*año* < *annu*; *cuello* < *collu*);

¹ См.: *García de Diego V. Manual de dialectología española*. 2-nda ed. Madrid, 1959, p. 25 — 30.

7. Потеря начального *r*- в начальной же латинской группе *pl*:- *pl* > *ll* (*planu* > *llano*);

8. Суффиксы: **-arro**, **-orro**, **-urro** (*machorro*, *baturre*);

9. Иберо-романский переход в суффиксах: *ecsu* > *ieso*: *muñesa*; *ocsu* > *ieso*: *mogueso*, *aesu* > *iego*: *labriego*.

10. Появление вставки-наращения типа: *lampo* > *relámprago*; *casca* < *cáscara*; *agalla* > *agallara*¹.

Некоторые из этих особенностей перешли в другие романсы, но в целом кастильский к XI в. уже противопоставлялся другим романсам по многим признакам:

а) в отличие от всей Испании здесь произносили в начале слова *f* как *h* *aspirada*: *harina* или *jarina*, но не *farina* или вообще опускали *f*: *formaceu* > *ormaza*; *fornellu* > *ornilla*;

б) группы *sc* + *yod*, *st* + *y* > *ç* (*z*): *haça*, *açada*, а не *š* или *iš*, как в остальных романсах: *aışada*.

в) Дифтонгизация *ué*, *ié*: *suelo*, *puerta*, *tierra*, *piedra* отделяла его от галисийско-португальского, каталанского и мосарабского романса в различных районах;

г) Отсутствие дифтонгизации перед *yod*: *noche*, *ojo*, *royo*, *hojo*, *tengo*, *sea* отделяло его от леоно-арагонского и мосарабского романса центральных районов;

д) Палатализация начальных групп *pl*, *cl*, *fl* > *ll*: *llamar*, *llouer*, *llama*, *llantén* выделяла его среди сохранивших нетронутыми эти группы арагонского, каталанского и мосарабского *clamar*, *ploure*, *flama*, *plantain*, а также реализовавших эти группы как *s*, *ch* галисийско-португальского и леонского романса: *chamar*, *chouvir*, *chama*, *chama*, *chantar*, *xantar*;

е) Редукция *ie* < *i* перед палатальными и отдельными альвеолярными отличала кастильские: *castillo*, *silla*, *avispa*, *arista* от надолго сохранивших историческое *ie* леонских и арагонских форм: *castiello*, *siella*, *aviéspora*, *ariesta*;

ж) Группа *it* < *kt*, *ult* в кастильском романсе трансформировалась в *ch*: *hecho*, *leche*, *mucho*, в то время как в остальных испанских романсах было: *feito*, *fet*, *leite*, *llet*, *muíto*.

По мнению В. Гарсия де Диего, Р. Лапесы, Пидаль в кастильском романсе указанные выше особенности были постоянными, тогда как остальные районы еще отличались многообразием и нестабильностью. Например, кас-

¹ Р. Менендес, Пидаль, Р. Лапеса и др. отмечают, что многочисленные топонимы Кастилии также говорят о баскском влиянии: *Bascañana*, *Báscones*, *Basconcillos* etc.

тильским *puerta*, *silla* соответствовали в арагонском и леонском *puorta*, *puerta*, *puarta*, *siella*, *sialla* и др.¹

Вместе с тем, общность синтаксического строя и лексики с другими диалектами обеспечивали кастильскому романсе возможность стать общим средством коммуникации.

Однако это были особенности устной речи, в письменных документах Кастилии еще долго сохранялись разнообразные переходные и междиалектальные формы. Это объясняется также и тем, что письменный язык, особенно когда фиксируются юридические нормы и устные поэтические (например, эпические) жанры, имеет наддиалектальный характер. В «Песни о моем Сиде» отражены кастильский и отдельные черты арагонского диалекта. В поэмах Гонсало де Берсео (XIII в.), отражена внутрдиалектальная дробность кастильского, особенности фонетического, морфологического и синтаксического узуса его в отдельных районах.

Диалектизмы являются одним из существенных ресурсов пополнения словарного состава языка вообще, в частности в становлении испанского языка важную роль играют андалусизмы и, в средние века, мосарабизмы. Однако чаще всего, особенно в начальный период становления языка, диалектизмы представляют собой лишь фонетические варианты известных уже слов: *brando* вместо *blando*, *mejor* вместо *mecor* — леонизмы; *silven* вместо *sirven*, *leartad* вместо *lealtad* — андалусизмы и т.д. Гонсало де Берсео и другие поэты и писатели средневековья могли их использовать совместно, часто на протяжении одного и того же предложения: *clamar* — *llamar*, *fruito* — *frucho*, *plus* — *más* и т.п. В литературный язык вошли не только фонетические, но и лексические диалектизмы: *bato* *глупый* — арагонизм; *perinchar* *наполнять* — леонизм; *cauchil* < *calice* *бассейн с водой* — мосарабизм и др.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ РОМАНСЕ

Нормой классического латинского языка считается язык произведений римских авторов, в число которых принято включать и произведения «отцов церкви», хотя последние

¹ См.: *Lapesa R.* Op. cit., p. 104 — 105. Предполагается, что при отсутствии литературной нормы различия в морфологии и фонетике менее существенны для понимания.

уже не обладают авторитетом законодателей языковой нормы.

В этих произведениях встречаются ошибки, которые отражают прежде всего практику разговорной нелитературной речи, так как авторы старались сделать свои проповеди возможно более доходчивыми, прибегая к обыденному, бытовому стилю речи, упрощая конструкции¹. Ранние образцы этой деятельности можно увидеть в комментариях к христианским текстам IV и V вв. и, прежде всего, к «Вульгате» (перевод Библии на латинский язык). Эти комментарии, начиная с VII в., приняли вид глосс, т.е. различного рода толкований, исправлений и замечаний в тексте рукописи. Глоссы называют маргинальными, если они делаются на полях, или интерлинеальными, если стоят между строк рукописи. Глоссы объясняют устаревшие слова, обороты или целые фразы. Глоссы, собранные в одном месте и расположенные в определенном порядке, чаще всего алфавитном, образуют глоссарий. Если латинское слово заменяется другим латинским, это значит, что заменяемое слово ушло из речевого обихода определенного ареала, а заменяющее слово еще живет или появилось в речи.

Самое известное собрание латинских глосс находится в «Глоссарии из Рейхенау», глоссирующем Библию и жития святых. Он составлен около 800 г. скорее всего в Северной Франции. Наибольший интерес с точки зрения романиста представляют глоссы, источник которых неизвестен. Глоссарии показывают, какие латинские слова были уже неупотребительны в живой речи во время его составления, и то что, по крайней мере, в VIII в. имелась зависящая от ареала лексика. Например, если французские глоссарии объясняют латинские *agenam* как *sabulo*, а *caseum* как *formaticum*, то в испанском языке эти слова не нуждаются в объяснении: *agenam* > *agena*; *caseum* > *queso*. Как правило, глоссирующиеся слова относятся к понятиям из повседневной жизни: домашний обиход, полевые работы, скотоводство, а также новые термины из военного дела и др.:

¹ Можно привести высказывания: Иеронима, автора «Вульгаты» и Августина, труды которого пользовались наибольшей известностью на протяжении всего средневековья. Оба жили в IV—V вв. Иероним: «Я хочу для облегчения читающего использовать народный язык в проповедях»; Августин: «Для человека, молящего бога о прощении грехов, неважно, долго или кратко звучит третий слог в *ignoscere*. Лучше пусть нас упрекнут грамматики, чем не поймет народ».

ager, campus, terra, in ore, in bucca, mares, masculi, milites, servientes etc.

В Испании самыми ранними и наиболее известными глоссами считаются латинские документы с романскими включениями из монастырей Сан-Милана на западе провинции Логроньо (в то время в королевстве Наварра) и из монастыря Силос на землях Кастилии. Их обычно называют *Glosas Emilianenses* и *Glosas Silenses*. В Эмилианских глоссах есть две глоссы на баскском языке, так как земли монастыря находятся рядом с баскоязычной территорией.

Документ из Сан-Милана относится, по-видимому, к середине X в. В его состав входят различные религиозные произведения. Глоссы даны как на полях, так и в промежутках между строчками. Здесь же имеется и небольшой текст, написанный на испанском романсе. Полагают, что это первый известный образец испанского языка. Приводим его полностью: “*Cono ajutorio de nuestro dueno, dueno Christo, dueno salbatore, qual dueno get ena honore, e qual duenno tienet ela mandatione cono Patre, cono Spiritus Sancto, enos sieculos delos sieculos. Facanos Deus omnipotes tal serbitio fere ke denante ela sua face gaudioso segamus. Amen*”.

Ее латинский оригинал намного лаконичнее: ... *adjuvante domino nostro Ihesu Christo cui est honor et imperium cum patre et Spiritu Sancto in secula seculorum*.

Рукопись из Силоса, датируемая второй половиной X в., также составлена из религиозных текстов и юридических документов. Обе рукописи имеют особенности, свидетельствующие о наварро-арагонском происхождении: латинские слова глоссируются одними и теми же испанскими, в них одни и те же ошибки и орфография их едина, что говорит о компилятивном характере глосс.

Тот факт, что объяснение здесь дается через испанский романсе, ставит обе рукописи в особое положение среди подобных глоссариев в Европе, потому что обычным было как раз латинское объяснение латинского слова.

Р. Менендес Пидаль открыл еще несколько документов, относящихся к раннему периоду испанского языка, но уже не носящих характера глосс. Среди них известная рукопись из Леона, написанная около 980 г., «О расходе сыра в монастыре». Однако большая часть найденных рукописей относится к XI в.

Испанские писцы, вводя слова на романсе, столкнулись с новой проблемой передачи латинскими буквами фонем, которых не было в латыни. Никакой унификации написания

еще не было, каждая рукопись предлагает свое решение проблемы. Характерным для орфографии этих памятников является смешение глухих и соответствующих им звонких звуков. Буквы *g*, *i*, *gg*, *ih* использовались для передачи звонкой фонемы *ġ* и глухой *ċ*: *Sango* наряду с *Sancho*, *Conia* наряду с *Concha*, *Oggobez* наряду с *Ochoiz*, *Saniho* наряду с *Sancho*. Еще в XII в. буква *ch* используется для передачи фонемы *z* (*conechos* наряду с *coneios*), а также *š* (*Chemena* вместо *Scemena* или *Jimena*).

Буквы *z*, *ç*, *s* использовались для передачи глухой и звонкой фрикативной фонемы: *zibita* (*civitas*), *Gomic* (*Gomez*), *poço* (*pozo*), но и *pozo*, и т. д. Буква *s* в одном и том же тексте, встречалась и как звонкая фонема *z*, и как глухая *s*: *Fossatera* наряду с *defesa* и *abiesas* (< *aversus*) наряду с *traviesso*.

Буквы *b*, *u* также смешивались, хотя есть указания, что произношение их было различным. Разночтений было очень много. Пидаль в своих «Началах» приводит до 7 — 8 разночтений одного и того же слова в одном тексте.

Однако наряду со смешениями можно отметить и определенное единообразие для целого ряда территорий. Так, буквы *nn* и *ll* используются в испанских романсе для передачи фонем *ŋ* и *ʎ* на севере Испании, от Леона до Каталонии, наряду с ними используются *ng* и *lg*, но только на востоке и частично мосарабами. Одинаково почти на всей территории от Португалии до Каталонии использовали *x* или *sc* для передачи фонемы *s*. Это единообразие написания фонем, далеких от латинских, свидетельствует уже о традиции местного письма. В Кастилии букву *g* использовали для передачи фонемы *z* (лат. *cl*, *gl*, *ly*) и геминату *gg* для передачи *ġ* (лат. *ct*, *lt*), чего не было в Леоне и Арагоне, т. е. речь идет именно о кастильской традиции.

Модификация орфографии в XII и XIII вв. во многом продолжила кастильскую тенденцию так, что реформа Альфонса Мудрого только поддержала и нормализовала становление письма. Это, в свою очередь, подтверждает мнение исследователей о параллельном развитии латинского и местного письма. Однако латинский язык и его графика еще долго служили образцом для местных романсе.

В грамматическом трактате XIV в. (*Leys d'Amors*, III, 108) сказано: «И так как часто нашему языку недостает слов, подобает нам обращаться к латыни за такими словами как 'отцовство', 'низость', 'этика'... и также в отношении предметов, для которых у нас нет собственных романских обозначений. Поэтому подобает следовать латыни, которая более

богата в отношении слов, чем романский язык». Известны аналогичные высказывания в пользу латинской орфографии.

Можно отметить появление новых элементов, которые довольно быстро выходят из употребления, вытесненные другими формами. Для памятников X—XII вв. характерны явления, которые практически исчезли уже в XIII в. Дифтонги *ai* и *au* (*autairo*, *sauto*); различие между конечными **o** и **u** (*sing*, *nafregatu*, pl. *nafregatos*); появление гласных внутри групповых согласных: *cueme(e)tet*; *otor(i)gare*; начальные формы личного местоимения *tive*, *mive*; *qued*, *quid* в функции местоимения или союза; наречия *obi*, *ubi*; формы перфекта *levantaot*, *levantatod*. Большое количество слов позднее вышло из употребления: *cuencoba*, *nafregar*, указательные местоимения *elexo*, неопределенные *qualbis*, *quiscataqui*, *niquenti*, предлоги типа *yestra*, наречия *alquieras*, *allondre*.

Но наряду с ними существовали уже в X в. слова, почти без изменений (за исключением произношения) сохранившиеся в современном языке: *mesa*, *mortaja*, *señor*, *padre* и т.д. Иногда это слова, которые и в X и в XII вв. употребляются только в определенном районе типа *paniqueso*, *cueto*. Фонетические явления *f > h*, *ue > o*. Так сохранились до нашего времени почти все основные черты леонского диалекта; одинаковые фонематические изменения связывают Овьедо и Сантандер, что говорит об их исторической общности.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Первыми памятниками испанской лирической поэзии считаются харджа. Они свидетельствуют о том, что в VIII—X вв. на территории Пиренейского полуострова существовала развитая лирика на местных языках.

Памятником испанской эпической поэзии считается «Песнь о моем Сиде», возникновение которой Пидаль относит к середине XII в. Единственная рукопись ее, скопированная в 1307 г. неким Педро Аббатом (*Pero Abad*), стала известна только в 1779 г.

Несомненно, что ей предшествовали и другие поэмы. Так, в *Chronica Gothorum* (XI в.) ученые находят следы другой испанской эпопеи. В связи с тем, что эпические поэмы считались в средние века вполне достоверными историческими документами, их включали в «Хроники»,

не всегда пересказывая прозой поэтический текст. Современные исследователи надеются реставрировать их текст. Примером такой реставрации может служить поэма “Cantar de Gesta de don Sancho II de Castilla”, появление которой относят к концу XI в.¹ Ко второй половине XII в. или к более ранней дате относят возникновение поэмы “Los siete infantes de Lara”, восстанавливаемой по текстам народных испанских романсов. Поэма “Cantar de Roncesvalles”, отрывок из которой найден Пидалем, принадлежит к эпическим произведениям XIII в.

Однако по своим художественно-литературным достоинствам «Песнь о моем Сиде» их превосходит. Поэма написана, вероятно, хугларем из Мединасели (на юго-востоке Старой Кастилии) на кастильском диалекте и под некоторым влиянием арагонского. Язык поэмы архаичен [апокопа (усечение) личных местоимений, дифтонгизация перед палатальными *o > ue*, отсутствие глаголов *ser* и *haber* в начале фразы и др.]; в метрике отсутствуют регулярно повторяющиеся строки (стихи), хотя чаще употребляется александрийский стих с цезурой и с ассонированными созвучиями вместо точной рифмы.

В «Песни о моем Сиде» как и в других эпических произведениях много «языковых формул», например, формула зачина, выезда рыцарей, приветствий и т.д. Так, имя Сиды сопровождается формулами: *él que en buen hora nació* или *él que en buen hora ciñó espada*; доблесть воина на поле боя: *por el cobdo ayuso la sangre destellando*; при расставании: *partirse como la uña de la carne*. В языке поэмы много архаических слов (*siniestro*, *can* вместо *izquierdo*, *perro*), особых синтаксических построений типа: *Burgos essa villa, Atiença las torres, Sevilla la bella*, эпических перечислений *c tanto* вместо *mucho* и др.²

Эпос о Сиде, как и другие эпические поэмы, частично вошел в прозу многих испанских средневековых хроник: в «Первую всеобщую хронику» Альфонса X и «Хронику двадцати королей», что позволяет дополнить пропущенные или несохранившиеся места в «Песни о моем Сиде».

Неэпические жанры представлены на арагонском — “Razon de amor” (начало XIII в.). Несколько более поздние “Vida de Santa María Egipcíaca”, “Libro dels tres Reys

¹ См.: *Antología mayor de la literatura española*. Barcelona, 1958, т. 1. p. 92 — 106.

² См. цикл статей об испанском эпосе, его языковых и литературных особенностях в кн.: *Менендес Пидаль. Р. Избранные произведения*. М., 1961.

d'Orient" и "Libro de Apolonio" написаны в сущности на кастильском с включением арагонизмов; "Libro de Alexandre" — с включением леонизмов.

Поэзия первого известного по имени испанского поэта Гонсало де Берсео (XIII в.) написана на кастильском с включением кастильских диалектизм-риохизмов (Берсео был уроженец Риохи). Кроме того он использовал и ряд неустоявшихся форм: *limde = limbde: comde, semdero, semnadura, vertad, setmana, judgar = jutgar, plazdo* наряду с *linde, conde, sendero, sembradura, verdad, semana, juzgar, plazo*. После XIII в. использование в поэзии других романсе, кроме кастильского (толедского) уже редкость, хотя галисийско-португальский и валенсийский романсе еще долго сохранялись как языки ряда поэтических жанров.

В прозе развитие именно кастильского языка особенно наглядно, здесь заметны традиции латинской прозы. Выделяется Наваррская хроника «Либер регум», появившаяся незадолго до конца XII в., так называемые «Первые толедские анналы» (перевод латинской хроники) начала XIII в., «Вторые толедские анналы», труд неизвестного мориска середины XIII в., романизованная версия «Фуэро Хузго», «Десять заповедей» и «Книга двенадцати мудрецов», перевод «Истории готов» Р. Хименеса де Рады. Однако они не достигают языкового совершенства «Всеобщей хроники», «Истории Испании» и других книг Альфонса X и его школы.

Последующие образцы испанской прозы, включая сборники переводных рассказов типа «Калила и Димна» или несколько особняком стоящую «Рифмованную хронику» (ее начальную прозаическую часть) по существу можно рассматривать лишь как черновики, первые варианты книг школы Альфонса.

Написанные на *castellano drecho*¹, произведения Альфонса и его школы отражают норму Бургоса, но с уступками языку Толедо и Леона. Архаические элементы еще видны в потере конечного — *e* (*trist, recib, adux "aduje", pued*), особенно частые у местоимений (*quemбло "que me lo", nimbla "ni me la", te perdudo "te he perdido"* и др.). Однако они сказываются скорее в ранних трудах толедской школы. В поздних произведениях язык более современный, в нем нет усеченных форм, орфография уже установилась: транскрипция, принятая Альфонсом, доходит почти в неприкосновенности до XVI в.

Фраза «Хроник» и «Семичастья» Альфонса построена

¹ См.: *Lapesa R. Op., cit., p. 130 — 133.*

с четким выделением границ и переходов. Причинно-следственные отношения передаются союзами, практически не используемыми, например, в «Песни о моем Сиде».

В лексике появилось много новых слов, производных от существующих кастильских: *ladeza* “*latitud*”, *longueza* “*longitud*”, *asmanza* “*opinion*”, *paladinar* “*publicar*”; в меньшей степени используется латинская лексика, — ее заменяют переводные формы, зачастую близкие по звучанию к романским: *húmedo*, *diversificar*, *deidat*; использовались слова и из других романских (испанских) языков и диалектов.

Автор романизованной версии судебного уложения «Фуэро Хузго» (XIV в.) предпочитал повтор понятия на любом романском диалекте использованию соответствующего латинского термина, в то же время в языке официальных документов использовались латинские термины и словосочетания, междиалектальная лексика в них практически исключалась.

Лексике, как собственной, как и заимствуемой, придавали особое символическое значение. Образцы такого рода символизации можно видеть как в попытках фантастического истолкования (этимологии) понятий христианской религии, социальной этики и эстетики, встречающихся в богословской литературе (Григорий Великий, Исидор Севильский), так и в игре с формальными компонентами слова, словотворчестве провансальской поэзии.

Испанская кастильская проза, созданная к концу XIII в., в XIV в. совершенствуется в произведениях Хуана Мануэля, эрудита и стилиста, пополняется новыми стилистическими средствами в поэзии Хуана Руиса, в стихах и прозе канцлера Айялы и других писателей. К XV в. — периоду широкого воздействия на испанскую литературу новых европейских влияний, испанский литературный язык уже существует, его еще называют по-разному: «народный язык», «испанский», «кастильский» и др.¹

Немалую роль в становлении литературного национального испанского языка сыграли и языки соседних с Испанией романских народов. С созданием письменности межъязыковые контакты стали еще оживленней и зона их проникновения расширилась: заимствования шли уже не только из речевого общения в литературу, но и заимствования литературные проникают в разговорную речь.

¹ См.: Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций..., с. 117 — 121.

ВЛИЯНИЕ СОСЕДНИХ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

В первую очередь здесь следует отметить влияние французского и провансальского языков. В правовых памятниках, документах XII в. типа «Fuero de Avila» мы уже встречаемся, как пишет Р. Лапеса, «со странным языком, где смешиваются леонские и толедские диалектизмы и провансализмы¹. Влияние итальянского языка началось позднее, приблизительно с XV в., когда в силу исторических условий — испано-итальянские войны и завоевания ряда итальянских территорий — испанское общество шире познакомилось с итальянской культурой и литературой. Влияние португальского и каталанского языков, вероятно, было относительно ранним.

Начиная с XI в., влияние французского языка и его диалектов благодаря тесным военным и культурным связям носит постоянный характер, практически не прерываясь вплоть до нашего времени². В любом толковом словаре типа “*Pequeño Larousse ilustrado*”, можно обнаружить слова и обороты с пометами «французский, галлицизм», которые встречаются чаще, чем заимствования из других языков.

Первое появление галлицизмов в XI в. в испанском языке, как отмечалось, связывают с церковной реформой, заменой вестготской, «мосарабской», службы романской, исчезновением вестготского письма, а также с распространяющимися атрибутами феодального строя, классическим представителем которого была Франция.

В испанский обиход вошли *monje* — монах, *fraire*, *fraile* — монах, инок, *déan* — старший в монастыре, *pitanza* — даровой монастырский обед для бедняков; *manjares*, *vian-da*, *vinagre* — продукты для стола; *mesón* — дом для путников, *hostal* — приемный дом. Появились термины вассалитета *homenaje* — ленная клятва, *оммаж*, *fonta* — бесчестье, *barnax* — подвиг, *palafre* — конь для поездки, в отличие от боевого, *cosiment* — милость, *mensaje* — весть, обращение, через провансальскую поэзию привились *deleyt* — блаженство, *vergel* — цветник, сад и др.³

¹ См.: *Lapesa R. Op.*, cit., p. 110.

² См. также *De Witt-Willburn G. Op. cit. Pottier B. Galicismos y Colón Domenich G. Occitanismos.* — In : *Enciclopedia lingüística hispánica*, II. Madrid, 1967, p. 127 — 151, 154 — 191.

³ См.: *Lapesa R. Op.*, cit., p. 96.

Много французских слов и словосочетаний с некоторыми фонетическими вариациями сохранились в современном испанском языке: *ligero* — *легкий*, *goseñog* — *соловей*, *doncel* — *юноша*, *linaje* — *происхождение, род*, *peaje* — *дорожная пошлина*, *preste* — *священник* и другие, но, вероятно, большая часть из них не перешагнула XVII в. Сюда можно отнести такие слова, как *sen* — *чувство, смысл*, *sage* — *ученый*, *sojornar* — *пребывать*, *emperante* — *император*, *paraje* — *благородство*, *calonge* — *каноник*, *fol-lía* — *безумие*, *aveniment* — *случай*, *de volonter* — *охотно*. Большинство из них мы встречаем и в испанской эпической поэзии, в частности в «Песни о моем Сиде».

Ряд слов не употребляется в эпике, они встречаются только в ученой поэзии “*mester de clerecía*” (жанровое ограничение). Все они имеют суффикс **-anza**, очень продуктивный в провансальском языке. Большинство из них в дальнейшей своей истории уже не связано с поэзией: *enseñanza*, *alabanza*, *esperanza*, *tardanza*, *lontananza*.

Характерно, что практически все эти слова употреблялись или существовали в паре с другими без суффикса **-anza**: *alegranza* (*alegría*), *olvidanza* (*olvido*), *fianza* (*fe*); *tribulanza* (*tribulación*), *humildanza* (*homildat*), *amparanza* (*amparo*); *paranza* (*parada*), *seguranza* (*seguridat*), *erranza* (*error*), *desesperanza* (*desesperación*), *viltansa* (*vilesa*), *perdonanza* (*perdón*), *egualanza* (*eguldat*), *poblanza* (*población*), *ordenanza* (*ordenación*), *desigualanza*, *guianza* и др.

Параллельное употребление почти одинаковых по смыслу слов было свойственно испанскому языку той эпохи, что можно наблюдать на примере поэзии Гонсало де Берсео и других.

Если в XIV в. приток галлицизмов несколько ослабевает, то уже в XV в. мы вновь сталкиваемся с их наплывом: *reguardar* — *смотреть*, *esguarde* — *благосклонность*, *visa-je* — *лицо*. Однако в связи со становлением нормы испанского (кастильского) языка функции заимствованных слов меняются — наряду с обозначением новых неизвестных испанцам реалий и понятий они используются и более узко для стилизации, в угоду моде и т.п. Писатели и поэты сознательно борются с засилием галлицизмов в испанском языке, в особенности с галлицизмами в синтаксисе.¹

¹ По этому вопросу в современном языке см. также *Castro A.* *Los galicismos en Lengua, Enseñanza y Literatura.* Madrid, 1924.

Итальянизмы начали регулярно появляться в испанском языке довольно поздно, с распространением тенденций Возрождения в литературе и культуре (XV в.). До этого времени итальянизмы встречаются лишь в очень незначительном количестве и спорадически. В XVI в. в связи с завоеванием ряда итальянских земель и знакомством широкого круга испанцев с новой культурой сфера итальянизмов расширяется.

Так, в XV в. зарегистрированы *uxel* — *птица*, *dona* — *дама*, *escopeta* — *ружье*, *centinela* — *часовой*, термины мореплавания и торговли: *banca* — *банковские операции*, *piloto* — *лоцман*, и др.

В 1534 г. в «Диалоге о языке» Х. Вальдес написал о необходимости ввести в родной язык итальянские по происхождению слова *novela* — *роман*, *facilitar* — *облегчать*, *sómodo* — *удобный*, *incómodo* — *неудобный*, *discurrir* — *обдумывать*, *discurso* — *речь*, *entretener* — *поддерживать*. Гарсиласо де ла Вега ввел в обиход *selvatiquez* — *дикость*, Ф. де Эрпера — *vagueza* — *очарование*².

В XVI в. в испанский язык вошли итальянские военные термины: *soldato* — *наемный солдат*, *bisaño* — *новобранец*, *emboscada* — *засада*, *foso* — *крепостной ров*, *bicosa* — *плохо укрепленное место*, *caporal* — *капрал*, *coronel* — *полковник*, *espión* — *шпион*, *infantería* — *пехота*, *lazareto* — *лазарет*, *pistola* — *пистолет*, *parapeto* — *паранет*.

В литературном языке употреблялись: *esbozo* — *очерк*, *gaceta* — *газета*, *pasquín* — *пасквиль*, *cuarteto* — *квартет*, *terceto* — *терцет*, *estanza (estancia)* — *стансы*, *madrigal* — *мадригал*, *esbelto* — *стройный*, *pedante* — *педант*, *bagatela* — *пустяк*, *capricho* — *каприз*; итальянизмами являются и современные испанские *manejar* — *управлять*, *asesinar* — *убивать*.

В трактатах по искусству встречаются *diseñar* — *рисовать*, *granito* — *гранит*, *fachada* — *фасад*, *ópera* — *опера*, *sonata* — *соната*, *modelo* — *модель*, *grotesco* — *гротеск*, *mosaico* — *мозаика*, *medalla* — *медаль* и др.

Вопросы заимствования из таких родственных языков как каталанский и португальский очень сложны, так как тесные исторические и культурные контакты на всех уровнях, единство происхождения и, одновременно, малое количество памятников раннего периода развития языка не позволяют с достаточной долей научной определенности

² См.: Шшимарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании, с. 152 — 154.

отнести то или иное конкретное слово к одному определенному языку.

Проще обстоит дело с языковыми реалиями, отражающими специфику жизни и обычаи страны, Так в Каталонии впервые на Пиренейском полуострове возник обычай украшать коврами и материями в дни торжеств улицы, церкви, дома. Отсюда заимствованием из каталанского можно считать (исп.) *empaliar* — *украшать улицы и дома различными тканями*, а также и существительное от него *empaliada*.

Ornate — *безумный* также каталанского происхождения от названия больницы для душевнобольных в Валенсии. Первая фабрика бумаги в Европе возникла там же, так что слово *paper* [(ст. исп.) *paper*] скорее всего появилось сначала в каталанском языке.

Часто каталанские слова появлялись в переводах из валенсийских поэтов XV в., например, *advinenteza* — *благоприятствие*, *alosa* (вместо *alondra*) — *жаворонок*, *beugage* — *питье*, *canivete* — *нож* и др., их появление диктовалось закономерностями жанра.

В книге Гарсия де Диго к каталанизмам относятся *clavel* — *гвоздика*, *porche* — *портик*, *seo* (< *sede*) — *кафедральный собор*, *nao* — *корабль*, *borraje* — *огуречная трава*, *polla* — *валенсийское блюдо из мяса и овощей*. Другие авторы называют также *escorçonera* — *козья борода, трава, используемая как противоядие*, *gare* — *вид рыбы*, *faena* — *работа*, *quixote/quijote* — *часть брони, закрывающая бедро*, *almete* (ср. *yelmo*) — *часть брони, закрывающая голову*, *placer* — *морская отмель, банка*, *rosicler* — *светло-розовый*, в старoisпанском *ярко-красный*, *rólvora* — *пыль* и др.

Каталанский являлся также языком-посредником, через который в испанский проник целый ряд слов. Например, *artesano* < (ит.) *artigiano* — *ремесленник*, *esquife* < (ит.) *schifo* — *легкая лодка, скиф*, из итальянского же пришло *escandallo* — *лот, грузило*, из французского *lustre* — *блеск*, особенно много слов шло через каталанский из провансальского языка.

Отношения испанского языка с португальским были теснее, чем с другими романскими языками. В различных исследованиях говорится, что португальский и испанский языки в древности были одним языком. До XVI в. придворные испанские поэты писали на галисийском языке, точнее, галисийско-португальском. Португальские писатели и поэты часто пользовались испанским языком и даже становились

классиками испанской литературы, как, например, Хиль Висенте. Однако языковые различия существовали.

Использование испанского *soledades* в значении *томление* — португализм; *печаль, грусть* обозначает и еще одно испанское слово *tristeza*, заимствованное у галисийцев. На юге Испании привилось *mal farío* — *невезение, неудача* из португальского *fadario* — *судьба, участь*. Португализмом являются *fada, enfadarse* — *скучать, злиться* и выражение *echar de menos* — *недоставать* вместо собственного старинного *hallar menos* [(порт.) *achar menos*], *vaivén* — *колебание, неустойчивость, риск, saíao* — *бал, brincar* — *играть; ledo* — *веселый*, (вероятно, поэтизм), *afeitar* — *украшаться, подстригать брови и ресницы, совр. бриться*.

По-видимому, через Гасилию пришли *rauo* — *простак, крестьянин* (от имени Pelayo), *lampiño* — *безволосый, безбородый*, (< *lampo* — *ранний*).

Из португальского в испанский перешло много морских терминов, особенно касающихся парусного флота, названия частей корабля, навигационных приборов, морских животных и растений, даже такое специальное слово как *estela* — *след, оставленный волнами за бортом корабля*.

Португальский во многих случаях был для испанского и языком-посредником. Так, через него в испанском появились китайские *charol* — *лак*, и *cha* — *чай* (совр. исп. *té* заимствовано из голландского). Много слов из индийских и малайских языков также пришло в испанский из Португалии, включая сейчас уже интернациональные: *mandarín, сопра, bambú, betel, rágoda, palanquín* и много других.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Литературный язык должен иметь общенациональную значимость, быть обязательным средством общения и иметь определенную норму. Литературная норма является относительно единой для всех владеющих языком и в то же время допускает некоторые отклонения (так называемая вариативность нормы). Литературный испанский язык является второй принципиальной формой исторического и современного существования испанского языка, «поскольку он входит в национальный язык как наиболее существенная часть данной формы...»¹

¹ Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций..., с. 30.

При отсутствии языковой нормы в ведущем диалекте, при относительном несовершенстве ряда средств языкового выражения, стилевой недифференцированности и т.д., литературный испанский язык может определяться лишь на основе особенностей языка сохранившихся памятников. Характер памятников донационального периода, в свою очередь, зависит от эпохи его письменной фиксации, в значительной мере от жанра памятников, от его диалектной принадлежности и других причин, среди которых — влияние языка соседних литератур.

Наддиалектная форма раннего литературного языка представляет в этот период не просто сумму диалектов, но своего рода общий для всех диалектов набор, свод обобщенных и традиционных форм речи (обиходно-разговорной, поэтической, религиозно-культурной, правовой и т.п.), которые могут быть использованы функционально¹.

Историю большинства литературных языков в романских странах принято подразделять «на три периода: первый охватывает эпоху от первых «обработанных» письменных памятников до победы одного из диалектов как основы литературного языка, второй — от победы одного диалекта до создания литературного национального языка и третий — со времени создания этого последнего до наших дней»².

Конец первого периода истории испанского литературного языка можно датировать серединой XIII в., когда победа кастильского диалекта становится бесспорной.

Во второй период складывается единый национальный язык в письменно-литературной и устной формах на базе кастильского диалекта. Этот язык к концу второго периода, к началу XIV в., уже «обладал достаточно сложной функционально-стилистической дифференциацией и отличался значительной экспрессивно-стилистической и жанровой вариативностью»³.

Творчество Лопе де Вега, Сервантеса и других писателей «золотого века» испанской литературы (XVI — XVII вв.) — развертывается уже на базе единого национального испанского литературного языка. Появление национального языка сопровождается и расцветом испанской филологической мысли, выражающейся в создании теоретических

¹ См.: Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций..., с. 49.

² Будагов Р. А. Проблемы изучения..., с. 24.

³ Степанов Г. В. Указ. соч., с. 43.

и практических трудов А. Небрихи, Ф. Санчеса, Х. де Вальдеса, К. Вильялона и других.

Представители испанской лингвистической школы стремились к четкому и рациональному изложению языкового материала, который до них еще никем не был объяснен и упорядочен.

Начало третьего этапа истории литературного языка (конец XVI — начало XVII вв.) совпадает с появлением нового жанра — апологий языку — общего для всех романских стран.

Апологии языку Мартина де Висианы “*Libro de alabanzas d’las lenguas hebrea, griega, latina, castellana y valenciana*” (1574), Бернардо Альдрете “*Del origen y principio de la lengua castellana o romance que hoy se usa en España*” (1606), различные по объему включения у Франсиско Санчеса (1574), Фернандо де Эрреры (1580), Хуана Лопеса де Веласко (1582), Матео Алемана (1606), Томаса Тамайо де Варгаса (1629) и многие другие труды¹, несмотря на различие задач их авторов, объединяло стремление прославить испанский язык и испанскую нацию, попытка оценить место испанского среди других романских языков². Большое место в трудах «апологетиков» было отведено вопросам кодификации и языковому нормированию.

Создание Испанской Королевской Академии (*Real Academia Española*) в 1713 г. преследовало, как сказано в учредительном акте, следующие цели: “... que se compusiese de sujetos condecorados y capaces de especular y discernir los errores con que se halla vivido el idioma español, con la introducción de muchas voces bárbaras e impropias para el uso de gente discreta, a fin de advertir al vulgo (que por su menor comprensión se ha dejado llevar de tales novedades) cuán perjudicial es esto al crédito y lustre de la Nación lo que fácilmente se podría lograr por el medio de formar un amplio Diccionario de la lengua castellana...” Эта же цель закреплена в девизе Академии “*limpia, fija y da esplendor*”.

В 1726 — 39 гг. был выпущен первый академический словарь “*Diccionario de Autoridades*”, каждое словоупотребление в нем подкреплялось авторитетом авторов «хорошего вкуса», (в число которых входили и отвергнутые позднее

¹ См.: *Pastor J. F.* Las apologías de la lengua castellana en el siglo de oro. Madrid, 1929.

² См.: *Valdés J. de.* Diálogo de la lengua (ed. I. F. Montezinos). Madrid, 1928, p. 180.

Кеведо, Парависино, Гонгора, Ульоа, Каррильо, Кальдерон), а также ссылкой на этимологию слова.

В дальнейшем Академия создала тома «Орфографии» (1741 г.) и «Грамматики» (1771 г.) испанского языка, начала серию комментированных переизданий классиков, например, «Дон Кихота» (1780 г.), а также памятников языка и культуры — издание «Fuego Juzgo» (1784). XVIII в. считается рядом исследователей рубежом, которым заканчивается история испанского языка, так как XIX в. — это уже современный период.

ГЛАВА 3

ИЗМЕНЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКОГО УРОВНЯ

Фонетические изменения оказали существенное влияние на структуру испанского языка, послужив иногда причиной изменений морфологического или синтаксического плана. По мнению многих исследователей, на фонетических закономерностях основан принцип выделения родственных языков, так как о родстве языков свидетельствуют регулярные фонемные соответствия в корневых и аффиксальных морфемах, отражающие характер фонемных преобразований языка.

В исторической фонетике принято разделять изменения, которые характеризуют развитие фонологической системы языка на регулярные (или системные) и нерегулярные (внесистемные). К регулярным изменениям относят: дифтонгизацию, вокализацию, назализацию, палатализацию и монофтонгизацию. К нерегулярным — изменения, необъяснимые с точки зрения регулярных фонетических процессов, как правило, под воздействием законов аналогии, частотности употребления или иных тенденций, связанных с явлением так называемой «артикуляционной аттракции» или зависят от иных причин.

Как указывает Г. В. Степанов, для разговорного языка общества, где нормирующее влияние литературного языка выражено слабо или отсутствует (как, например, в языке испанского общества VII — XII вв.), весьма «характерны различного рода явления внесистемного характера, хотя они и индуцируются воздействием элементов, содержащихся внутри этой системы»¹.

¹ Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций ..., с. 73.

Изменения в фонетической системе народной латыни принимаются за отправную точку начавшихся изменений в романских языках. Эти изменения затронули характер и место ударения, и систему гласных и согласных звуков¹.

УДАРЕНИЕ

В отличие от «свободного» (т.е. не связанного местом ударного слога) ударения древнейших индоевропейских языков или частично-свободного ударения многих позднейших индоевропейских языков (немецкий, русский), латинское ударение было «целиком предопределено ритмическим рисунком слова, соотношением в нем долгих и кратких слогов и полностью отведено от конца слова»², т.е. становилось на предпоследнем слоге, если он был долгим, и на третьем от конца, если предпоследний был кратким. Таким образом латинское ударение не было фонологическим, различительным признаком, ибо фонологическим являлось различие краткого и долгого слога (*rosa*, *gosa*).

По своему характеру ударение в латинском языке было мелодическим, музыкальным, в зависимости от высоты тона, и напряжение голосовых связок обычно не было локализованным, скорее всего высота тона сопровождалась той или иной степенью экспираторного ударения,³ хорошо развитого в современном испанском языке. Предполагается, что в народной латыни подъема тона и мелодического ударения уже не было, а выделенные подъемом тона в классическом латинском языке гласные имели в народной латыни экспираторное ударение; в глаголах заметна тенденция переносить ударение не на префикс, как в классической латыни, а на корень слова.

Изменение характера ударения, считает И. М. Тронский, повлекло за собой и другие серьезные изменения, так как нарушился ритм классического латинского слова: динамическое ударение образовало отсутствующую ранее ритмическую вершину слова. Поэтому стали исчезать и разли-

¹ См. также: *Coseriu E.* La Hispania romana y el latín hispánico. Breve introducción al estudio histórico del español. Montevideo, 1953; *Posner R.* Problems in Spanish diachronic phonology. — *Roman Philology*, 1963, vol. 16, n° 4; *Alonso A.* De la pronunciación medieval a la moderna en español, Madrid, Gredos, 1967 — 1969.

² *Тронский И. М.* Очерки из истории латинского языка. М. — Л., 1953, с. 160. 2-е изд. М.: URSS, 2010.

³ Экспираторным называют силовое (т. е. состоящее в интенсивном произношении одного из элементов слова) ударение, связанное с силой выдыхания.

чия между долгими и краткими гласными. Ударный гласный неизбежно удлинялся, а неударный слог ритмически выравнивался, что приводило к более длительному произношению гласного в открытых слогах, чем в закрытых¹.

С утратой фонологического различия долготы и краткости стала упрощаться и система гласных. Ударные слоги произносились особенно интенсивно и могли подвергаться дифтонгизации, в особенности слоги с *e*, *o* (чередующиеся гласные в архаическом латинском языке: *tego* : *toga* : *tegula*). В неударяемых слогах гласные могли редуцироваться, а затем и исчезать совсем (явление синкопы). Это относится прежде всего к гласным *u*, *i*: *audēo* < *āvīdeo*.

Синкопа имеет место, если краткому гласному предшествует долгий слог с сонантом (*r*, *l*, *m*, *n*): *ārdeō* < *ārīdeo*; если краткий гласный стоит после неслоговых *u*, *i* : *raucus* < *rāvicos*. Известны также синкопы конечных слогов *atque* > *ac*.

В латинском языке существовали дублиеты нормальной и синкопированной формы: *caldus* — *calidus*; *soldus* — *solidus*. Однако никакой регулярности в образовании синкопы в латинском не обнаруживается, в отличие от диалектов и окружающих Рим языков. (Ср., например, оскско-умбрский, где краткие *ō*, *ē*, *ī* всегда выпадают перед конечным *-s*). Народный латинский язык сохраняет, как правило, те тенденции, которые выявились в итальянских языках более последовательно.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОКАЛИЗМА

Латинская система гласных включала пять гласных звуков, различающихся по протяженности (краткие, долгие) и три дифтонга. Количественная характеристика гласных имела смысловозначительную функцию: *ōs* — *кость*, *ōs* — *рот*, *rosā* — *роза*, *rosā* — *розой*, *lĕgīt* — *читает*, *lĕgīt* — *читал*, *прочитал* и т. д.

Переход от количественной характеристики гласных (краткость, долгота) в латинском языке к качественной (открытость и закрытость) в народной латыни и романских языках является вопросом, на который современная наука еще не дает однозначного ответа. Одна из гипотез принадлежит чешскому романисту М. Кршепинскому².

Известно, что краткие гласные произносились более открыто, в то время как долгие имели тенденцию к более

¹ См.: Тронский И. М. Указ. соч., с. 261.

² См.: Křepinsky M. Op. cit., p. 13.

закрытому произношению. Это подтверждают и латинские авторы. Тогда мы имеем следующую фонологическую систему:

ū	ī	ÿ	ĩ	ū	ō	ā	ē	i	ae, oe, au
ō	ē	õ	ě	ÿ	õ	ǎ	ě	ĩ	
ā		ǎ							

Латинские дифтонги произносились долго: ae, oe, au. Постепенно они переходили в монофтонги: ae > ē, oe > ē, au > ō. Новая фонема ē отличалась уже от имеющихся в системе ё долготой и от ē открытостью. Став релевантным, этот признак обусловил дальнейшие сдвиги в системе. Сначала появился¹ новый коррелят ē ё, рядом с которым по законам соответствия появился коррелят ē → ĩ, так как именно эта фонема ĩ наиболее близка в своем открытом варианте к ē. Аналогичным образом образовывалась и пара ō → ŷ. Отсюда:

ū		ī		
ō / ŷ		ē / ĩ		
o		ě / ě		ā / ǎ

Начавшийся с появлением ē процесс потери количественных признаков гласных в системе в дальнейшем привел к слиянию (одинаковому произношению) пар ā/ǎ, ē/ě, ē/ĩ, ō/ŷ и образованию в Западной Романии новой фонологической системы:

u (< ū)		(ī >) ī
o (< ō, ŷ)		(ē, ĩ >) e
o (< õ)	a (a, a)	(ě, ae) > e

где существенным признаком была уже не количественная, а качественная характеристика гласных по их открытости или закрытости.

Большую роль в этом сыграла также фонологизация ударения, т. е. его независимость от количественной характеристики слога. Пара *cecīdi/cecīdi* различается теперь только по ударению *cécidi/cecídi*. Дальнейшая эволюция

¹ См.: «Если рассматривать все долгие латинские слоги как закрытые, то падение долгот в поздних диалектах народной латыни, упрощение группы согласных и отпадение конечных гласных можно сформулировать как раннероманскую тенденцию к открытым слогам, превращающуюся в отдельных диалектах в своего рода закон открытых слогов» *васа — vasa, velum — velo, florem — flor; colorem — colog.* (Широкова А. В. Долгота гласных и закрытость слога в латинском языке. — Филологические науки, 1968, № 4 (46), с. 79).

гласных романских языков уже зависит от того, находятся ли они под ударением или нет, так как гласные в безударном положении менее устойчивы. Исключение составляют некоторые конечные латинские гласные в связи с их смысло-различительной характеристикой (различие в роде, числе).

В новой системе гласных остаются только две пары фонем, коррелирующих по признаку закрытости/открытости гласной *o/ɔ* и *e/ɛ*. На Пиренейском полуострове с появлением дифтонгов *ue < õ* и *ie < ĩ* западнороманская система преобразуется в новую испанскую:

u		i
	o	e
	a	

где уже нет фонологических признаков долготы/краткости и открытости/закрытости звука.

По поводу дифтонгов большинство исследователей принимает, с теми или иными оговорками, точку зрения Р. Менендеса Пидалья, полагающего, что первоначальным состоянием будущего дифтонга *ie* следует считать (*eɛ*) или (*ei*), которые под воздействием *uoɔ* или становились полностью закрытыми (типа *reine*), или же становился закрытым лишь первый элемент, усиливая тем самым дифтонгизацию. Дифтонгизация *õ > ue* шла аналогичным путем. Однако не все романские языки и не все испанские диалекты реализовали этот процесс одинаковым способом и с одинаковыми результатами.

Фонемы *ẽ* и *õ* были дифтонгами и в то же время их можно считать потенциальными коррелятами новой фонологической системы. В памятниках зафиксированы графические различия: *osso/uesso* [из (лат.) *ursu*], а также *soño/suño*, *conde/cuende* и т. д. Слова, реализуемые фонетически различным образом, имеют одинаковое значение. Известны примеры, когда в одном небольшом отрывке встречаются обе формы (в памятниках вплоть до XIV в.).

Таким образом, из народно-латинской фонологической системы постепенно создались новые романские фонологические системы. Ниже приводится сводная таблица новой системы в Романии.

Конкретная историческая эволюция каждой фонемы может быть представлена как система последовательных изменений ударных и неударных гласных звуков в слове, где мы различаем начальные, конечные и срединные гласные. Срединные гласные в свою очередь подразделяются в

Латинская	Западно-романская	Восточно-романская	Сардинская	Испанская
i	i	i	} i	i
e e ae	} e e	e e		} e
			a	
o o u u	} o o	} o u	} o u	o(ue) u

Примечание. Под ударением *õ, õ* дифтонгируются.

системе безударных на предударные и заударные гласные. В этом порядке рассматриваются историко-фонетические изменения в системе «латинские — испанские гласные»¹.

При изложении материала мы выделяем лишь условную, теоретически прямую линию, дающую крайние точки эволюции. Все же изменения внутри нее (влияние соседних звуков, метатезы, аналогии, нерегулярные изменения под влиянием экстралингвистических факторов и т.д.) остаются в тени. Часто эта условная линия может вообще быть лишь теоретическим допущением, а правилом будут являться всякого рода исключения. Поэтому перед анализом регулярных фонетических изменений в истории испанского языка говорится о внесистемных явлениях, которые также характеризуют возможность изменений, не обусловленных внешними причинами².

¹ См.: *Malkiel Y.* Toward a unified system of classification of Latin-Spanish vowel correspondences. — *Roman Philology*, 1962, vol. 16, n° 2, p. 153 — 169.

² См. слова автора «Исторической грамматики испанского языка» Гарсия де Диего: «Было бы, конечно, более удобно цитировать одну

Среди них можно назвать ассимиляцию, проявляющуюся при контакте как соседних, так и более отдаленных фонем. Если ассимиляцию вызывает впереди стоящая фонема, ассимиляция называется прогрессивной, и в противоположном случае — регрессивной. Наиболее распространенный случай ассимиляции — редукция дифтонга в единую фонему: *au* > *o*, *ai* > *e*, а также слияние гласных в хиатусе: *septuaginta* > *setaenta* > *seteenta* > *setenta*.

Происходит также ассимиляция гласных согласными. Например: двойное *l* закрывает дифтонг *ie* в *i*: *castellu* > *castiello* > *castillo*. То же самое с группой *sp*: *vespa* > *aviespa* > *avispa*.

Фонемы *m*, *b* лабиализируют последующие *e*, *a* > *o*: *mare* > *marueso* > *morueso*; *versari* > *bosar*; так же и предшествующие *e*: *episcopu* > *obispo*.

Губно-зубное *f* дает аналогичный результат: *filicaria* > *Folguera* > *Holguera*; **fagina* > *fuina*.

Безударное *e* перед *l* приобретает следующую ступень открытости: *silvaticu* > *salvaje*, *bilance* > *balanza*. То же в случае *r*: *per* > (ст. исп.) *par*; *per* + *ad* > *para*; *versura* > *basura*; *serta* > *sarta*; *vergere* > *barrer*; реже (обычно в диалектах) фонема *o* переходит в *a*: *orgullo* > *argullo* (в Сории), *murmurare* > *marmurar* (в Галисии). Безударное *e* в положении перед *n* также переходит в *a*: *symponia* > *zarmona*; *semicoctu* > *sancocho*. Фонема *n* в группе с другими согласными может открыть закрытое ударное *o*: *verecundia* > *vergüenza*. Зарегистрированы случаи перехода *o* в *a* в этом положении: *ponte curvu* > *Pancorbo*.

Происходит и ассимиляция согласных гласными. В. Гарсия де Диего полагает, что случаи такого рода ассимиляции можно наблюдать как диахронически (латинское *c* в слове *casus* остается велярным, в то время как взрывное *c* в *Cisego* становится сначала препалатальным, а затем и щелевым), так и в синхронии: палатализация *s* перед *i*: *registir* вместо *resistir*, *vigitar* вместо *visitar*.

Особенности произношения гласных (*sonoridad*) повлияли на озвончение глухих интервокальных *p*>*b*; *t*>*d*, *k*>*g*. Перед и после *u* (явление *wau*) можно наблюдать замену *b*→*g* и *g*→*b*. Это особенно заметно в диалектальном произношении *jubón* = *jugón*; *acucula* > *aguja* = *abuja*; *jocari*

единственную форму *ventilare eventilare*, чем изучать такое обилие вариантов, как *beldar*, *bieldar*, *bendrar*, *abeldar*, *abieldar*, *arbelar*, *aberlar*, *ablendar*, *aulentar*, каждый из которых объясняется своим собственным частным законом фонетики или аналогии» (*García de Diego V. Gramática histórica española. Madrid, 1951, p. 7*).

> *jugar* = (вульг.) *jubar*. В Сории произносят *labuna* вместо *laguna*, *gurrapastores* вместо *burlapastores*.

Происходит также ассимиляция согласных другими согласными. Например, существует семь аллофонов *n* в зависимости от его положения перед другими согласными: *n* становится губным перед губными *b*, *p*, *m*, зубным перед *d* и т.д.¹, и ассимиляция близких по звучанию фонем, таких как *s* и *c*: *accessione* > *cision* = *cición*; *sicciale* > *sicial* = *cicial*.

К причинам внешнего порядка относится также диссимиляция.

К ее основным видам относится диссимиляция гласного *i*: (лат.) *dicere* > *decir*, но в простонародном произношении: *dicir* также *ridere* > *reir*; *vindemia* > *vendimia*, но (ст. исп.) *vindimia*; *scribere* > *escribir*, но в просторечии — *escrebir*, то же с *vivere* > *vivir* и *vevir*. Случаи диссимиляции с глаголами встречаются в памятниках, начиная с самых древних: *dezir*, *vevir*. Дифтонг *ue* редуцируется в *e* под влиянием ближайшей губной или губно-зубной согласной: *fronte* > *frente* > *frente*; *flocu* > *flueco* > *fleco*; **colobra* > *coluebra* > *culebra*.

Для диссимиляции согласных наиболее характерны *r'g*, один из элементов которого переходит в *l*: *robore* > *robre* > *goble*; *aratu* > *aladro*; *arbore* > *arbol* и т.д. Обратное явление в случае *l'l*: *ligula* > **legla* > *legra*; *glandula* > **landla* > *landra*. Аналогично с *ll'll*: **gallelu* > *gariello* > *grillo*. Диссимиляция *k'k* происходила еще в латыни: *cinque* вместо *quinque*; *socere* вместо *soquere*; **cercus* вместо *quercus*. Встречаются диссимиляция палатальных согласных: *scamnu* < *escaño* > *escanillo*, *suilla* (< *sus*, *is*) *cholla* > *chola* (оба провинциализмы — Сантандер).

Происходит также исключаящая диссимиляция (ноль звука), например, *r* — *r*: *proga* > *proa*, *tremulare* > *tremblar*; *rutru* > *rodillo*; в провинции было *rodrillo* (Alava); *aratu* > *arado*; *confratre* > *cofradre* > *cofrade* или *s—s*: *conspuere* > *escupir*. Реже с *r—l*: *porcilica* > *porcilga* > *pacilga* и с другими согласными: *movibile* > *moveble* > *moeble* > *mueble*.

К явлению метатезы относится инверсия конечного *yod* в суффиксе **-ariu** > **-airo**: *basiu* > *baiso* > *beso*; *vindemia* > *vindeima*; *remutigare* > *remuidar* > *remudiar*.

Метатезы других согласных встречаются реже: **padule* > *paulde* > *palude*; *tachón* > *chatón*; **pocho* > *chopo*.

¹ Наиболее полно об этом см.: *Atarcos Llorach E. Parte diacrónica sim.*

Возникновение в слове звука, отсутствовавшего в первоначальной форме слова относится к явлению э п е н т е з ы: cloaca > colaga; (герм.) Krampe > garrampa. Часто встречается в хиатусе: moho > mogo; zahón > zagón.

Особенно часто происходят метатезы с r; tonitru > tonidro > tronido; bifera > bebra > breva; abortare > abortar > abrotar > brotar. В просторечии встречается: probe, presona, premiso, drento, catredal, Grabiél.

Метатеза I: baculu > baglo > blago; I—n: *halentitare > *anhelitare > alentar; I—r; periculu > periglo > peligro; miraculu > miraglo, miragro; parabola > palabra; n—r: veneris > viernes; generu > yerno; tenere habeo > (ст. исп.) terné (в современном просторечии сохранилась форма tienro); n—I; animalia > alimania > alimaña; d—I; titulare > tidlar > tildar; spatula > spadla > espalda.

В народной латыни *i* реализовался вместе с предшествующей согласной или гласной. Так, *yod* появляется в следующих позициях:

1) при смещении ударения с более закрытой к более открытой гласной в хиатусе. При этом изменяется и число слогов: классическое латинское *tu-lī-e-re* дает в народной латыни *tu-lié-re*, где эксплозивное *yod* палатализует предшествующую согласную;

2) при возникновении дифтонга из хиатуса еще в классической латыни: *lancia* < *lancea*; *vinia* < *vinea*. Здесь *yod* также эксплозивен и палатализует предшествующую согласную [ср. (исп.) *lanza*, *viña*];

3) при палатализации велярных согласных в группе из нескольких согласных (обычно *k* и *g*): *faytu* < *factu*, *teyla* < *teg'la*;

4) при выпадении гласного или согласного звука: *maurinu* < *maiorinu* [(ст.исп.) *merino* — *судья*], *cantay* < *cantavi*;

5) при аттракции гласной следующего слога: *caldayra* < *caldaria*. В трех последних случаях *yod* является имплозивным.

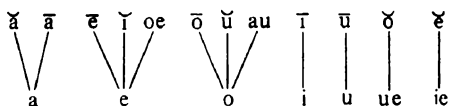
Ударные гласные

Фонетические изменения совершаются не изолированно, а в потоке речи, в рамках словосочетаний или отдельного слова, причем они могут реализоваться как одновременно, так и последовательно, могут испытывать влияние предшествующих изменений. Объясняя переход латинского *i* в испанское (*ficu*, *higo*), следовало бы рассказать и о про-

цессе соноризации глухих, о переходе начального *f* в *h* и т.д., т.е. коснуться всей совокупности аспектов, составляющих в сумме сложный фонетический процесс образования этого уровня языка¹.

Система ударных гласных народной латыни в основном сохранилась, за исключением открытых *e*, *o*, перешедших в *ie*, *ue*. В испанском языке ударный вокализм представляет единое целое, т.е. гласные в любой позиции под ударением и без ударения сохраняют свой тембр, в безударном слоге артикуляция их несколько ослабляется.

латинские ударные гласные

испанские ударные гласные

Латинские ударные *i* и *u* сохраняются в испанских: *fi-cu* > *higo*; *lite* > *lid*; *mutu* > *mudo*; *fumu* > *humo*.

[a] — Краткое и долгое *a* классической латыни в большинстве случаев сохранилось: *ala* > *ala*; *patre* > *padre*.

Под влиянием имплозивного *yod* оно переходило в *e*: *laicu* > *leigo* > *lego*; *baissu* > *beissu* > *beso*.

В позиции перед палатальной согласной *a* также переходило в *e*: *factu* > *fayto* > *feito* > *hecho*.

С последующим *u* *a* образовало дифтонг *au*: *causa* > *co-sa*; *sarui* > *saure* > *sore* (совр. *supe*).

[e] — Закрытое *e* < *ī*, *ē*, *oe* сохраняется в испанском романсе: *seta* > *seda*; *cibu* > *cebo*; *poena* > *pena*.

Перед слогом, содержащим *yod* *e* трансформируется в *i*: *segeu* > *sigio*.

При выпадении палатализирующего элемента *e* сохраняется: *corrīgia* > *correya* > *correa*;

В хиатусе *e* переходит в *i*: *habeba* > *habea* > *había* (в ст. исп. без *h*: *auia*).

Перед долгим безударным конечным *i* ударное *e* переходит в *i*, *veni* > *vini* > *vine*.

[e] Открытое *e* обычно дает дифтонг *ie*: *tenet* > *tiene*; *caesu* > *siego*.

Перед *yod* дифтонгизации не происходит *superbia* > *soberbia*;

Перед имплозивным *yod* из палатализованного согласного также нет дифтонгизации *lectu* > *leyto* > *lecho*; *integru* > *entero*.

¹ Здесь использована методика, предложенная *Boulaño e Isla A. Manual de historia de la lengua española. México, 1959.*

В некоторых случаях начальное (по происхождению) *yod* остается: *sex* > *sees* > *seis*; *pectine* > *peine*.

Иногда дифтонг *ie* развивается нормально, но последующее появление *yod* в связи с выпадением гласной дает в результате эволюции *i*: *tepidu* > *tiebio* > *tibio*. Тот же результат может дать и соседство со следующей палатальной: *sella* > *siella* > *silla*; суффикс *-ellu* > *-iello* (совр. *-illo*).

Иногда дифтонг *i* поглощается предыдущей палатализованной согласной *levat* > *lievat* > *Leva* или *mugier* > *mujer*. Также влияло полупалатальное испанское *s*: *vespa* > *viespa* > *vispa* — *avispa*.

[o] — Обычно дает дифтонг *ue*: *focu* > *fuego*. Палатальный *yod* может препятствовать дифтонгизации: *hodie* > *hoye* > *hoy*; *oc'lu* > *ojo*, но и *uello* в мосарабском диалекте.

В комбинации с *n* *yod* обычно не препятствует дифтонгизации: *Sanoxia* > *Sansueña*. Известны случаи выпадения первого элемента дифтонга: *fronte* > *fruenta* > *frente*.

В синтаксической фонетике (т.е. фонетических изменениях не внутри слова, но при их связи в предложении) дифтонг *ue* также теряет *u*: *hoste antigua* > *uest antigua* > *estantigua*. Возможны случаи различной фонетической реализации одного и того же слова изолированно и в синтагме:

dominu > *dueño*, но *don Andrés*; *comite* > *cuende*, *Conde Fernán*; *ponte* > *puente*, *Pontevedra*.

Также и с *uemne* < *homine* в самостоятельном употреблении, но *omne* > *hombre*, вероятно, из проклитики: *omnes de Burgos*.

[o] — *o* < *ō*, *ŷ*, *au* в испанском сохраняется, если нет рядом палатализующихся элементов: *vota* > *boda*; *mosca* < *musca* и т. д., но:

Под воздействием *yod* *o* переходит в *u*: *iugu* > *yugo*; *multu* > (ст. исп.) *muyto* > *mucho*.

Комбинация палатализованных согласных *cl*, *lj*, *tj* не влияет на *o*: *genus'lu* > *hinojo*; *puteu* > *pozo*.

При переходе эксплозивного *yod* в имплозивное возникает *ue*, а не *ui*, как можно было бы предполагать по фонетической закономерности: *oi* > *oe* > *oé* > *ue*. Например, *si-conia* > *cigüeña* (а не *cigoinia*), *risonem* > *risueño* и т. д. То же с суффиксом *-oriu* > *uero*: *augoriu* > *agüero*.

Безударные гласные

Безударные гласные подвергались большим изменениям, приводившим иногда (в особенности в ранний период) к полному их исчезновению. Безударные гласные первого

слога (начальные), как правило, сохранились больше, чем срединные или конечные.

латинские начальные гласные	\bar{a}	\bar{a}	\bar{e}	\bar{e}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{u}	\bar{u}	\bar{i}	\bar{i}
испанские начальные гласные	a		e		o		u		i	

В начальном положении сохраняется любая гласная, соответствующая латинским u, o, a, e, i.

[u:] mutare > mudar; puritia > pureza.

[i] — riparia > ribera, но: перед ударным слогом i иногда переходит в e: vicinu > vecino.

[e] — обычно сохранялось: legale > leal; similiare > semejar, но:

перед ударным слогом с yod переходит в i: semente > simiente; servierunt > sirvieron; также перед wau: aequale > equal > igual;

e начальное меняется под влиянием процессов аналогии и т.п. Например, vervactu > barbecho (влияние r), silvaticu > salvaje (ассимиляция) и др.

[a] — часто сохраняется без изменений: caballu > caballo;

[o] — nominare > nombrar; fugire > foir > huir (по аналогии с fugio > huyo); auric'la > oreja, но после палатального превращается в u: iocare > jogar > jugar, однако, locale > lugar; как и перед yod и wau: dormierunt > durmieron.

Под действием диссимиляции (особенно с r) o также переходит в e: formosu > hermoso; rotundu > redondo.

Конечные гласные

В испанском романсе осталось только три этимологических конечных гласных — a, o, e, так как упрощение и ослабление флексий в ходе интенсивного межъязыкового контакта происходит в первую очередь за счет конечных и преимущественно гласных звуков.

[e] после r, s, l, z, d, n — выпадает. В остальных случаях сохраняется: mare > mar; mese > mess; veritate > verdad;

в глагольных формах часто восстанавливается e, ранее утраченное: dice вместо diz; hice вместо hiz; в меньшей степени такое восстановление происходит в существительных: poche вместо poch и прилагательных: grande вместо grand — grant и др.;

в синтаксической фонетике образуются новые формы благодаря выпадению *e* в энклитике *ní me la* > *nimbla*; *mano le* > *manol*; *did el caballo* вместо *di te el caballo*. Таких образований встречается очень много в «Песни о моем Сиде» и других памятниках;

после групп согласных или после *b*, *u*, *v* гласная *e* сохраняется как опорный звук: *hom'ne* > *hombre*; *und'se* > *once*: *clave* > *llave*;

в формах *re(g) i* > *rey*; *bo(v)e* > *buye* *e* переходит в *i* (*y*), так как после выпадения согласной оно оказывается непосредственно после ударной гласной;

[**a**] сохраняется: *amíca* > *amiga*; *amat* > *ama*. Имперфект на *ie* = *ia* и форма притяжательных местоимений *míe*, *tue*, *sue*, *mía*, *tua*, *sua* = *mí*, *tu*, *su* возникает в результате ослабления **a** в конечном положении;

[**o**] сохраняется: *amo* > *amo*; *amícu* > *amigo*. Потеря конечного **o** или замена его другой гласной объясняется явлениями проклитизы, аналогии или другими причинами.

Срединные гласные (предударные и заударные): сохранилось только **a**: *anate* > *anade*; *orphanu* > *huérfano*; другие гласные могли сохраниться только в случае, если выпадение срединной гласной вело к появлению трудно произносимых групп согласных *hospite* > *huesped*; но большинство таких слов полукнижного или ученого происхождения: *ánel*, *cesped* и др.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСОНАНТИЗМА

Система классических латинских согласных имеет следующие характеристики:

по способу образования: отсутствие звонких щелевых согласных;

по месту образования: неразработанность палатального ряда.

По данным надписей и по высказываниям римских авторов уже к I в. полугласные *j*, *ç* произносились в латинском наподобие согласных. Поэтому в надписях встречается *Zanuario* вместо *Ianuario*, *baliat* вместо *valeat*, *vene* вместо *bene*, *Sustus* вместо *Justus*. Это означает, что в народной латыни существовала звонкая щелевая *v* и были представители палатального ряда — звук, который на письме передавался как *z*, *d*, *s* и, следовательно, процесс палатализации уже начался. Из факта смешения *b* и *v* можно заключить также, что *b* в ряде случаев звучало ослабленно и, по аналогии, происходило ослабление *d* и *g*.

Гласные в хиатусе иногда произносились как дифтонг (larça, salços, çorum и т.д.). С потерей количественной характеристики гласной — различия по долготе и краткости — и с усилением роли ударения безударная гласная в дифтонге произносилась ослабленно, а иногда и совсем исчезала: quietus > quetus, quattuor > quattor. Однако зарегистрированы и случаи, когда ослабленная гласная звучала как полугласные *i̇* и *u̇*: manuale > mangual наряду с manuarìa > manera.

Полугласная в хиатусе либо сливалась с предшествующим уже палатализованным согласным (вспомним явление yod), и исчезала, либо если согласный не был полностью палатализован, она влияла на предшествующий ему гласный, а палатальный элемент переходил в положение перед согласным.

В одной из древнейших палатализованных групп *tj*, процесс палатализации еще не был завершен, так что речь идет скорее о призвуке, чем о звуке. Видимо, поэтому, появившаяся позднее группа *kj*, вначале также обладавшая подобным призвуком, смешивалась с предыдущей в написании (ср. *facio* = *fatio*)¹.

В дальнейшем они дифференцировались по месту образования *tj* > *ts* (альвеолярная аффриката), *kj* — полностью палатальная аффриката типа (*tʃ*).

По мнению советского ученого Р. Г. Пиотровского², детально исследовавшего это явление, изменение качества латинского *t*, за которым следовал *i̇* (*i*), осуществилось ранее, чем переход (*k + e, i, i̇*) > *k*; *t, ç*, о чем свидетельствуют латинские грамматисты, указывающие уже в середине V в., что *i* звучит различно в зависимости от того, находится ли он после *t* или после *c*. А именно, после *c* он имеет грубый звук (низкотональное произношение), а после *t* — тонкий (высокотональное произношение), т. е. фонема *t* приобретает характер сибиллянта.

В тех областях Романии, куда латинский был привнесен до начала процесса палатализации, группа *k + e, i* сохранялась без изменения. Например, латинское *caelum* дает в сардинском *kelo* [(исп.) *cielo*], *sepa* > (ст. далматинск.) *kaina* [(исп.) *cena*], *cinisia* > (ст. далматинск.) *kanaisa* [(исп.) *ceniza*] и т. д.

¹ Некоторые исследователи (Соммер, Кент и др.) предполагают, что группа *tj* уже стала палатальным звуком к моменту начала палатализации *kj*.

² Пиотровский Р. Г. Моделирование фонологических систем и методы их сравнения. М. — Л., 1966, с. 184 — 185.

Для испанского романсе важна также палатализация в результате влияния *yod* в группах *lj* и *nj*, т. к. исторически эти палатальные согласные фонематизируются с образованием *ll*, *ñ* (ср., например, латинские *filiu*, *vinea*).

Позже наступила новая палатализация, которая заключалась в смещении места артикуляции *k*, *g* под влиянием соседних гласных *e*, *i* к нёбу. Теперь уже палатализация *k* и *g* перед гласными не ведет к исчезновению воздействующего на них палатального элемента (*e*, *i*), который сохраняется.

Одна из гипотез (Э. Аларкос Льорак) связывает оба процесса палатализации с фактом ослабления полугласной *w* перед согласным, в результате чего латинские сочетания *que*, *qui* и *se*, *s* *i* перестали различаться.

Группы же *gj*, *dj* смешивались друг с другом и с полугласной *j* еще в более ранний период развития латинского языка. Отсюда образования типа *ûû*. Более поздняя форма *g^{e,i}* дала *û¹*.

Кроме того происходит процесс становления звонких щелевых согласных (*b* → *β*), соноризация глухих (*t* → *d*) и упрощение двойных одинаковых согласных (*pp* → *p*).

Предполагается, что в отличие от простых согласных геминаты, упрощаясь, сохранили сильное произношение (*stress*) и произносились так же, как сильные варианты простых согласных (за исключением *mm* = *m*). Если сравнить результаты эволюции геминат и сильного варианта простого согласного (в начальном положении и после паузы), то они оказываются одинаковыми у всех согласных, кроме *tt* и *g*, где чисто количественные различия сменились качественными.

Ослабленный вариант согласной в испанском романсе сохраняется, так как здесь сильные варианты *l*, *n* переходят в дорсопалатальные *ll* и *ñ*. Сначала они проявились в середине слова, а затем по аналогии и в начальном положении (ср., например, (исп.) *luna* и (кат.) *lluna*). Сохранность начального *l* в испанском языке объясняется различительной тенденцией, которая противопоставляет его *ll*, возникшему из начальных групп *pl*, *kl*, *fl*.

Ниже приводится классификация испанских согласных, которые известны по первым памятникам испанской письменности.

¹ *g^{e,i}* — значок сверху показывает на результат вторичного процесса палатализации, где на *g* воздействуют уже гласные *e*, *i*, а не *yod*, как ранее.

По способу образования можно различать следующие фонемы:

1. Глухие взрывные: p, t, k из латинских начальных или в группе, двойных pp, tt, kk, или группы pt, подвергшейся ассимиляции. Новая согласная t^s из латинской k^{e,i} начальной или после согласной, двойной kk^{e,i} и из групп tj и kj после согласных;

2. Звонкие взрывные: b, d, g из латинских начальных или групповых, а также из двойных bb, dd, интервокальных p, t, k; новые палатальные и палатализованные d^z, d^y — первая как результат соноризации k^{e,i}, tj и kj в интервокальном положении, а вторая из явления yod в dj, gj и согласной i, а также из g^{e,i} начальной или после согласной;

3. Щелевые глухие: f, s, š — первые две из начальных или групповых латинских f, s, или двойных ff, ss (или nf, rs), и š — только внутри слова как результат палатализации групп типа ks и ssj и т. д.;

4. Щелевые звонкие v, z. Первая из латинского полугласного u и интервокальных b и f; остальные из интервокальных d, g, s (также и ns);

5. Носовые: m, n, ŋ из латинских m и mm, отчасти mb и из n, nj, gn, nn;

6. Плавные: l, ɭ из латинских l и lj, а также групповых kl, gl, tl смешивающихся с ними, а позднее и ll; сюда же входят вибранты r, r̄ из латинского интервокального r и начальных rr и r̄;

По месту образования выделяются:

1. Губные: p, b, m — билабиальные и f, v, бывшие, в разных областях то билабиальными, то лабиодентальными;

2. Зубные: t, d;

3. Апикоальвеолярные: s, z, n, l, r, r̄;

4. Велярные: k, g;

Палатальные: š, ɭ, ŋ, и d^y, t^s и d^z.

Звук d^z, в свою очередь, скорее всего промежуточный между палатальным и апикоальвеолярным. Возможно, он носил характер звонкой смычной.

Начальные простые согласные

b/v сохраняются, однако их графическая реализация непостоянна, а иногда и взаимозаменяема: combidar < cum + (in)vitare; embestir < in + vestire, но vita > vida;

с сохранилось, хотя перед а, о, у, г зачастую озвон-

чается: cattu > gato; creta < greda. Перед l, i (ae, oe, e), палатализируются в t^s. В староиспанском его писали ç (ç = se sedilla). Аффриката t^s оглушается к XVI в., и тогда же исчезает и ее графический символ: соена > сена; сега > (ке-га) > çега > сега. В связи с поздним характером изменений k^{e,i}, она могла сохраниться в отдельных случаях. В этом случае она реализуется, как и в других романских языках уже в аффрикуту ch: simice > chinche;

f сохранилось. Начавшаяся дифтонгизация оставляет его нетронутым: forte > fuerte; fera > fiera. С X в. с развитием диалектов наблюдается появление f придыхательного (аспиративного) характера. Процесс шел до XVI в., но реализовался, как правило, перед чистыми гласными: fabulare > ffablar > h'ablar > hablar. Новое аспирированное звучание f раскрыли лишь после того, как исследователи обратили внимание на закономерность передачи французского h (aspirée) через f (honte, hardie как fonta, fardido). Арабы писали слова с этимологическим f через j: famelicu > jamelgo; follica > juerga (ср. совр. андалусийский диалект jaser вместо hacer). В связи с тем, что переход f > h, по мнению большинства исследователей, связан с явлением субстрата, этой проблеме посвящено много специальных работ¹. Полагают, что в артикуляционном отношении звук f был мало знаком жителям древней Кантабрии, которые заменили его на более знакомые и привычные звуки h, b, p, причем h могло быть слоговым. Это проясняет причину сохранности f перед дифтонгом. На юге Испании также не было изменения f—*h (jaser), однако неясно, как шла эта эволюция f > h > j или f > j. Ясен пока только сам факт нейтрализации f = h. Возникает новое h (j);

g сохранилось перед а, о, u: galicu > galgo; gustare > gustar. Перед ударными e, i сохранилось лишь в палатализованном виде (g^{e,i}): gupsu > yeso; перед e, i неударными также палатализовалось, а позднее в кастильском диалекте исчезло: germano > yermano > (h)ermano;

h в связи с тем, что оно не произносилось уже с периода классической латыни, осталось только в традиционном написании. Писцы средних веков его не употребляли habere

¹ См.: Короленко И. А. Еще одна попытка интерпретации фонетического перехода f > h. — В кн.: Первая всесоюзная конференция по испанской филологии. Тезисы докладов. Л., 1970; Malmberg B Les passage castilian f > h perte d'un trait redondant? — In: Cercetari de Lingüistica, anul 3, suppl.; Malkiel Y. La 'f' inicial adventicia en español antiguo. — In : Revue de littérature comparée, 1954, t. 18, n° 71 — 72, p. 161 — 191.

aver, или же употребляли там, где его не могло быть. Позднее *h* было реставрировано в начале слова;

i полугласное палатализованное сохранилось перед ударными гласными, хотя далеко не всегда: *iacet* > *yace*; *jugo* > *yugo*. Перед безударными гласными исчезло: *iactare* > *echar*; *ianuario* > *enero*. В современном испанском языке во многих словах *i* перешло в *j*: *iovis* > *jueves*; *iustu* > *justo*;

r сохранилось *rota* > *rueda*. В средние века этот звук в начале слова и после *n* писали двойным *rr*, чтобы отличить от одиночного *r* *onrra* вместо *honra*;

s обычно сохранялось. В словах с согласной после *s* в народной латыни появилась опорная гласная (*e* или *i*). В испанском только *e*: *sposu* < *esposo*. Мориски произносили его как *s*, поэтому ряд слов принял этот звук: *sarone* > *xabon* > *jabón*; *simiu* > *ximio* > *jimio*. Кстати, это почти единственное свидетельство о полупалатальном характере испанского *s*. Иногда интерпретировался как *ç* (*ç* и *z*): *segar* > *cerrar*; *subsuprare* > *zozobrar*.

Срединные простые согласные

В латыни группа глухих согласных охватывала как взрывные [*p*, *t*, *k*^o (=qu), *t*], так и фрикативные (*f*, *s*), в то время как звонкие согласные включали лишь взрывные звуки (*b*, *g*, *g*^o, *d*).

В современных романских языках глухие и звонкие согласные включают как взрывные, так и фрикативные звуки, причем развитие звонких согласных следовало за развитием глухих согласных.

Глухие согласные: *p*, *t*, *k* становятся звонкими, если были одинарными, и остаются глухими в случае геминаты: *sapere* > *saber*; *vita* > *vida*; *pacat* > *paga*, но *serri* > *sero*, *cattu* > *gato*, *vacca* > *vasa*. Явление *yod* и *wau* препятствует соноризации: *sapiat* > *saipa* > *sepa*; *sarui* > *saure* > *supe*;

f редко встречается в середине слова. В составе сложного слова, если оно осмысляется как таковое, соноризируется в *v/b*: *trifolio* > *trébol*; *profectu* < *provecho* или же, реже, переходит в *h*: *defensa* > *dehesa*. Если же слово не осмысляется составным, то *f* интерпретируется как и с дальнейшей дифтонгизацией и выпадением. Например, суффикс **-icare** (*pacificare*) > *iuegare* > *iugar* > *iguar* (*apaciguar*). В словах греческого происхождения соноризируется: *Stephanu* > *Estevan* > *Estebán*.

Звонкие согласные: b/v взрывное и фрикативное или модифицировалось и сохранилось, или исчезло. Взрывное b < p: caput > cabo. Звук v исчезает в интервокальном положении после i: rivu > río, aestivu > estío. Звук b исчезает после o, u в интервокальном положении: ubi > ob > o; de + ubi > do (или sabucu > sauco). Этот процесс, по видимому, начался еще в классической латыни. В народной латыни v в bove(m) исчезло: bove > boe > buey;

d в интервокальном положении исчезло, даже если оно не было результатом соноризации t: sedere > seer > ser, fide > fé, хотя осталось в словах sudor, nido, nudo, (в португальском suor, nio, nu);

g не сохранилось, перед палатализирующейся гласной: regina > reina. Перед другими гласными g, как правило, остается: negare > negar. Исчезновение g в словах leal, real (> legale, regale), вероятно, объясняется влиянием ранее образовавшегося leu, rey. Отсюда leyal > leal. В ряде слов g перед a исчезло rumigare > rumiar; fumicare > humear; ligare > liar;

s в интервокальном положении озвончается уже в начальном периоде образования испанского романсе и вновь оглушается только к началу XVII в. Для различения нового, звонкого варианта от глухого существовало обычное писать звонкие s одной литерой и глухое, возникшее от других фонологических причин, двумя (ss), что, однако, не всегда строго выдерживалось: cosa, piso, viniese.

Конечные согласные

Латинские конечные звуки претерпели в испанском следующие изменения:

c — исчезает: dic > di; accu + hic > aquí;

d — исчезает: ad > a; quid > que;

l — исчезает: miel < mēl не является исключением, оно развилось из аккузатива melle(m);

m не сохранилось как показатель падежного окончания patriam > patria. В односложных словах m модифицируется, переходя в n: sum > son. Аналогия с уже существовавшими формами do, sto создала форму so < sum вместо son, которая в ином случае совпала бы (как в итальянском языке) с формой третьего лица множественного числа: son < sunt;

n в латинском языке был конечным только у небольшого ряда слов, где, как правило, сохранился: in > en; non > non. Современное no, как полагают, потеряло конечный звук по

законам синтаксической фонетики (совместное произношение слов, часто повторяемых в потоке речи): *non + lo > nol > nolo*;

Латинское *g* не сохранилось как конечный звук ни в одном из испанских слов. Чаще всего оно переходило в срединное положение: *inter > entre; semper > siempre* и т.д.;

s сохранилось как показатель множественного числа и глагольной флексии. В остальных случаях, за немногими исключениями, исчезло¹: *causas > cosas; amas > amas*, но *minus > menos, magis > mas* и *sex > seis*;

t, как правило, не сохранилось (даже как показатель флексии глагола): *amat > ama; aut > o*. Графика *et* долго сохраняется в письменной традиции; в староиспанском конечное *-t* часто сохранялось как *-d*. (Ср. также *tiempos* и др.).

Групповые согласные

По происхождению групповые согласные разделяют на латинские и, условно говоря, романские, или первичные и вторичные. Исторически латинские группы (первичные) относятся к классическому латинскому языку до начала процесса выпадения безударных гласных в середине слова (синкопа). Отдельно стоят группы «согласный + полугласный *i, w*». Их развитие, как правило, не зависит от положения в слове.

Группа 'согласный + полугласный i, w'

Эта группа встречается чаще в середине слова, реже в начале. Это — *bj/vj, cj, dj, gj, lj, mj, nj, tj, qw*.

bj/vj обычно сохраняется: *labiu > labio; pluvia > lluvia*.

[cj] в поздней народной латыни была свистящим звонким звуком — *dž* писалось как *z*, в интервокальном положении переходит в *dž*, после согласной — в *ts*. В начале XVI в. оглушилось в *ts* (на письме *ç*). В конце того же века оба варианта дают интердентальный щелевой глухой (современный испанский *ceta*): *calcea > calza > calça > calcja; sc + j* дают щелевой палатальный *š* (в графике *x*, в современном языке *j*): *fascia > facha > faja*.

[dj] в интервокальном положении в народной латыни

¹ См.: Степанов Г. В. Морфофонематические последствия падения конечного *-s* в испанском. — Уч. зап. Калининского ГПИ, 1969, т. 54, с. 111 — 127.

переходит в у: radju > rayo; podju > poyo. После гласных е, і û не появляется: sedeat > sea; суффикс — **-idjare** > **-ear**, после согласного переходит в с = Θ virdja > berça; verescundia > vergüenza; полугласная + dj > û > ç = z: Claudju > Cloyo, но: gaudju > gozo. Иногда интервокальное dj дает двойной результат badju > bazo и bayo; radja > raza и raya.

[gj] переходит в û, не реализующееся перед е, і: ex-gju > ensayo; corrigia > correya > correá.

[lj] в интервокальном положении дает звук ž (пишется j, но g перед гласными е, і): cilja > seja; muliere > muliere > mujer (через формы muger, mugier); palea > raja.

[mj] обычно сохраняется: vindemja > vendimia.

[nj] палатализуется с образованием звонкой смычной ñ: cuneu > cuño; Hispania > España.

[pj], **[rj]**, **[sj]** во всех трех случаях yod переходит в положение перед согласным, воздействуя таким образом на предыдущую гласную: sapiat > saipa > sepa; coriu > coiru > cuero; caseu > caiso > queso.

[tj] при взаимодействии yod с t гласный звук также не подвергался изменениям: puteu > pozo; captiare > caçar; tristitia > tristeza.

[qw] сохранилась перед ударными гласными **а**, **о** как **[ku]**: quando > cuando; quale > cual. Также quomodo > quomo > cuerno. Современное сомо, по-видимому, развилось из неударной формы. Перед неударными гласными w выпадает: quattuor + deci(m) > catorce. Перед е, і элемент w также был потерян в произношении, но не в написании: qui > que; quaero > quero > quiero; **о** в слове cinco (< quinque) появилось, вероятно, по аналогии. Звук w в дифтонге au существовал достаточно долго и препятствовал соноризации глухих. Отметим также соноризацию группы cu (qu > cu > gu): aqua > agua.

Начальные группы согласных (латинские)

[bl] обычно сохраняется; blank (герм.) > blanco; blitu > bledo;

[cl] так же, как и в других группах типа 'глухая согласная + l' палатализуется с потерей первого элемента: clamare > llamar; cloca > lluesa, но и cluesa. Исключения: clago, clavija;

[fl] эволюция та же, что и в предыдущей группе: flamma > llama. При раннем выпадении начального f палатализации могло и не происходить: flaccidu > lacio. Исключения: flor, flauta, flaco;

[gl] — g отпадает без палатализации l: glirone > liron; globellu > (l)ovillo. Многие слова, так называемые «культизмы», сохраняют эту начальную группу, появившиеся в результате процесса релатинизации;

[pl] палатализуется с потерей первого элемента группы: plorare > llorar; planu > llano. Встречаются «дублиеты»: llano и plano, llegar и plegar и т. д.

‘Согласная + r’ — обычно сохраняется без изменений: pratu > prado; braga, trillo, cruel и т. д.

‘S + согласная’ — сохраняется с прибавлением впереди опорной гласной e: scribo > escribo.

Срединные группы согласных (латинские)

В группах cs (x), ct, lc, lt палатализуется первый элемент:

[Cs (x)] — палатализация первого элемента дает группу iś, в которой палатальная гласная i воздействует на предыдущую гласную и на последующее s, имевшее в староспанском написании x и произносившееся как русское ш: соху > (соšo) > соjo, ахе > (aiše > eiše) > eje;

[ct] дает it > ch: factu > feito > feito > fecho > hecho; lactu > laicho > lecho. Если перед группой имеется звук n, происходит упрощение ee без палатализации: punctu > punto; sanctu > santo, но и sancho;

[lc — l] вокализуется в w, а в дальнейшем эволюционирует как новый дифтонг: falce > fauce > fouce > foz > hoz.

[lt, lp] после гласной а вокализуется в ut, up: talpa > taupa > toupo > topo; altariu > otero, но не всегда: altu > alto. Иногда (особенно перед u) l вокализуется в [û] и воздействует на вторую согласную, сливаясь с ней. Тогда t переходит в аффрикату [tš], а затем в глухую палатальную ch: multu > muyto > mutso > mucho.

В группах cc, mm, pp, ss, tt, dr, gr, mb, nf, ns, rs, ps, pt, sc упрощаются двойные согласные или теряется один из элементов:

cc > c peccatu > pecado; siccu > seco — упрощение произошло после соноризации;

mm > m: gemma > yemma; assummare > asomar;

pp > p: puppe > popa; cuppa > copa;

ss > s: massa > masa; crassu > graso;

tt > t: gutta > gota; mittere > meter.

[dr] в интервокальном положении теряет звук d: quadraginta > cuarenta; cathedra > cadera;

[gr] — в интервокальном положении теряет g, которое вначале палатализуется, например, галисийско-португаль-

ское: *integu* > *enteiro* [(др. исп.) *inteiro*] > *entero*; *nigro* > *negro* — культизм;

[**mb**] — обычно происходит ассимиляция *mm* > *m*. В староиспанском *amos, camiar*; в современном языке восстанавливается латинская форма: *ambos, cambiar*;

[**nf**] — группа упростилась в народной латыни довольно рано, но затем восстановилась *ifante* > *infante*. Новая форма удерживалась, как правило, в редко встречающихся словах: *man(u)ferire* > *maherir* или в названиях местностей *San(ti) Facundi* > *Sahagún*;

[**ns**] — происходит редукция *n*: *sponsu* > *esposo*; *dehesa* < *defensa*. Такого рода примеры встречаются в надписях со II в.;

[**rs**] — происходит ассимиляция, отсюда в староиспанском писалось с двойным *ss*: *ursu* > *osso* > *oso*, *ad + deorsu* > *ayosso* > *ayusso* > *ayuso*. Слова типа *persona* и *verso* — культизмы, хотя последний часто встречается в старой поэзии до XV в. в форме *viesso*;

[**ps**] — также ассимиляция *gypsu* > *yeso*. В некоторых словах *s* → *š* в связи с палатальным характером испанской *s*: *carpa* > *саха* > *саја*;

[**pt**] — также ассимиляция; позднее двойное *tt* редуцировалось: *septe* > *sette* > *siete*. В культизмах группа целиком сохраняется: *aceptar*;

[**sc**] — происходит выпадение *s*: *miscere* > *meçer* > *mecer*; *risce* > *реçe* > *pez*.

В группах *lg, ng, rg* меняется второй элемент:

[**lg**] — редкая группа: *l* исчезает, оставляя *g*, переходящую в *s*: *exmulgere* > *esmicir*.

[**ng**] — дает три различных варианта: 1) *ng* > *nc*: *singelu* > *sencillo*; 2) *ng* > *ñ*: *tangere* > *tañer*; 3) *ng* > *n*: *quingento* > *quinientos*. “Angel” и ему подобные слова относятся к культизмам;

[**rg**] — переходит в *rc*: *argilla* > *arcilla*.

В группе *gn, ll, mn, nn, ffl, nfl, mpl* два или три согласных в результате палатализации сливаются, образуя новый согласный:

[**gn**] — палатализация начального *g* группы дает *y*, а затем захватывает носовую *n*: *dignu* > *diño*; *lignu* > *leño*;

[**ll**] — палатализуется: *collu* > *cuello*;

[**mn**] — первоначально ассимилируется, дает группу *nn* и затем палатализуется в *ñ*: *damnu* > *daño*;

[**nn**] > *n*: *annu* > *año*; *pannu* > *paño*;

[**ffl**] — сначала упрощается в *fl*, а затем переходит в *ll*: *suffalre* > *sollar* > *resollar*, а также *sollado*;

[**nfl**] — в группе образуется глухая палатальная *inflare* > (*h*)*inchar*.

[**mpl**] — как и в предыдущей группе *amplu* > *ancho*; *implere* > (*implire*) > *henchir*.

Конечные группы согласных (латинские)

В латинском такими группами были только *nt* и *st* в глагольной флексии, обе утратили *t*: *amant* > *aman*; *est* > *es*, хотя была форма *ue* (промежуточная). Форма *ues* соответствовала современной форме *eres*, а *ue* — *es*.

Срединные (романские) группы согласных

Романские (вторичные) группы могли образовываться только в середине слова.

Здесь дана систематизация по группам. Вторичные группы отмечаются апострофом *bl* и *b'l*, эта группа образовалась после синкопы неударного гласного. Синкопа могла иметь место как до начала процесса соноризации глухих, так и после его окончания, что относится к большинству известных слов, например: *vecindad*, *domingo* наряду с *arostar*, *faltar*. Некоторые глухие согласные сохранились в результате релатинизации; *amistad*.

1-я группа: состоит из ряда согласных в комбинации с *l*: *b'l*, *c'l*, *g'l*, *p'l*, *t'l*.

b'l — после *i* происходит полная палатализация *ll*: *trib'lu* > *trillo*; *sib'lare* > *chillar*. После остальных гласных группа сохраняется: *neb'la* > *niebla*; *stab'lu* > *establo*;

c'l — зависит от того, находится ли она в интервокальном положении или между согласной и гласной. В первом случае: *spec'lu* > *espejo*; *cornic'lu* > *corneja*. Во втором: *trunc'lu* > *troncho*; *masc'lu* > *macho*. Графически звук *ç* в средние века изображался как *j* перед *a*, *o*, и (перед *e*, *i* писали *g*). Переход комбинации *c'l* — *j* через промежуточный палатальный сохранился в галисийском *ollo* и португальском *olho*. В средневековых испанских диалектах было *uello*. Видимо, формула перехода была такова: *c'l* > *ll* > *û* > *z* > *j*;

g'l — развивалось аналогично предыдущей: первое решение *reg'la* > *geja*, *teg'la* > *teja* и второе: *cing'lu* > *cincho*, т.к. группа находится между согласной и гласной;

p'l — имеет несколько возможностей: 1) *cap'la* > *cacha*; 2) *pop'lu* > *pueblo* и, видимо, дальше группа развивается так: *Polanca*, *Pola* > *Puebla*, включая также: *copla* < *cop(u)la*, с незаконченной эволюцией (*palabra semiculta*);

t'l — переходит в **c'l** (*vetus* > *vec'lus*), а затем развивается по законам **c'l**: *ad* + *rotulare* > *arrot'lare* > *arroc'lare* > *arrojar*. В словах *cabildo*, *tilde*, *molde* происходит перестановка членов группы.

2-я группа: вставка (интеркалация) элемента **b** или **d** в группы: **m'l**, **m'n**, **m'r**, **n'r**;

m'l — интеркализуется **b**: *trem'lare* > *tremblar*. Если произошла перестановка членов группы, интеркалации **b** не происходит: *sum'lu* > *colmo*;

m'n — развивается также как соответствующая группа в классической латыни: *damnu* > *dannu* > *daño* и *dom'nu* > *dueño*. Возможна диссимилиация **n** в **r**: *nomre* вместо *nomne*, при которой иногда интеркализуется опорное **b**: *mbr* — *nombre*, отсюда многочисленные *hombre*, *lumbre*, *sembrar* < *sem'nare* и т. д. Группы *mr* и *mbr* сосуществовали еще в XIII в.;

m'r — аналогичное развитие, но без промежуточной диссимилиации: *hum'ru* > *hombro* и родственные *cohombro*, *membrar*.

n'r — те же закономерности, что и в предыдущем случае, только вместо **b/m** появляется опорное **d/n** > **n**. Отсюда: *cin're* > *cendra* — *acendrar* или *ingen'rare* > *engendrar*, хотя одновременно сосуществуют и формы *viernes* и *vendres*; *yerno* и *xendro* и т. д. Иногда группа развивается без эпентетического **d** — *mermar* < *min'mare*, *alma* < *anima*, *medrar* < *meliorare* и ряд других.

3-я группа: включает комбинации **d'c**, **t'c**, **c't**, которые вначале проходят процесс соноризации.

d'c — имеет 2 пути развития. Первый: перед гласными **a**, **o** переходит в **zg** или в **g**, т. е. почти также, как и у первичных групп: *judicare* > *iud'gar* > *juzgar*, *ped'cu* > *piezgo*, но и *subsendicare* > *sesed'gare* > *sosegar*. Второй: перед гласными переднего ряда (**e**, **i**) дает интердентальное **c**: *duodeci* > *doce*;

t'c — после соноризации становится **d'c** и развивается соответствующим образом в зависимости от того, какие гласные стоят перед ней. Перед **a**, **o**, **u** — переходит в **dz**, а перед **e**, **i** — в **g**: *portat'cu* > *portad'go* > *portazgo* или же *trut'cu* > *trid'go* > *trigo*. Имеются и исключения типа: *natica* > *nalga*, вероятно, под влиянием диалектов;

c't — после соноризации в **zd** (по аналогии) переходит в **z**: *plac'tu* > *plazdo* > *plazo*; есть и другие пути развития (в арагонском диалекте): *pleito* < *plaito* < *platicu*; или — оппозиция между народной и литературной формами — *amizat/amistad*.

4-я группа: включает комбинации *b't*, *v't*, *p't*, *f'c*, *l'c*, в которых после соноризации глухих, палатализуется первый элемент. Первые четыре комбинации развиваются в *ud*, хотя еще в XVI в. и произносилось не как лабиализованная *u*, а как согласная *b* (*v*). Последние две комбинации дают *ug* и *c* транспозицией элементов *gu* и *uc*.

b't: *debita* > *debida* > *debda* > *deuda*; *bibitu* > *beodo*; *cubitu* > *codo* и т. д.

v't: *civitate* > *cividade* > *cib'dad(e)* > *ciudad*.

p'd: *rapidu* > *rabidu* > *rab'do* > *raudo*; *cupidicia* > *cob* (*i*) — *dicia* > *codicia* (также *cudicia*).

p't: *capitale* > *cabodal* > *cab'dal* > *caudal*.

f'c: *santificare* > *santivigar* > *satiu(i)gar* > *santiguar*.

l'c: *salice* > *sal'ce* > *sauce*.

5-я группа: содержит комбинации из трех согласных, сохранившихся и в испанском языке. Последняя из трех всегда плавная (*l*, *r*), первая может быть плавной, носовой или пол у палатальной *s*. Иногда при сохранности группы, ее первый и последний элементы претерпевают изменения в процессе эволюции. Особенно часто это происходит на стыке двух плавных, которые в результате диссимилиации легко переходят друг в друга:

mpr: *temporanu* > *temprano*; *comparare* > *comprar*;

ndl: *glandula* > *land'la* > *landre*;

ltr: *vulture* > *vult're* > *buitre*;

ncr: *ancora* > *ancra* > *ancla*;

ngn: *sanguine* > *sang'ne* > *sangre*.

Сюда же относятся комбинации из трех согласных, теряющие или меняющие одну из согласных:

mpt: *comp(u)ta* > *compta* > *cuenta*.

scp: *episc(o)pu* > *ebispo* > *obispo*.

ctr: *pect(o)rale* > *petral*; *lectorile* > (*l*)*atril*.

ptm: *Sept(i)manca* > *Simancas*, *Semana* и т. д.

ГЛАВА 4

ИЗМЕНЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕНЕНИЯ В МОРФОЛОГИИ

К проблеме языковых изменений возможны разные подходы. Появление новой формы (нового элемента) связано с нуждами коммуникации, т.е. с необходимостью передачи нового содержания, с необходимостью уточнения выражения, дифференциации значения. Э. Косериу, напри-

мер, отрицает причинно-следственные отношения в языковой эволюции. Говоря о факторах языковых изменений, Косериу выдвигает тезис о субъективной целенаправленности языковых изменений, когда стихийный сдвиг нормы (инновация) сознательно принимается или отвергается говорящими¹. Другие рассматривают проблему языковых изменений, связывая ее с физиологией говорящего. Э. Бюиссанс, в частности, подвергает сомнению все попытки определить причины языковых изменений, полагая, что иногда можно раскрыть условия изменения, но никогда — их причины. Л. М. Скредина отмечает в этой связи «явное невнимание концепции Косериу и Бюиссанса к целевому назначению языковой системы, т.е. языковое изменение не соотносится с коммуникативными нуждами языкового коллектива. Остается без внимания противопоставленность и взаимосвязь языка и речи, составляющие те рамки, в которых действует механизм языкового изменения»².

Многие авторы перестройку языковой системы объясняют принципом или законом экономии.³ Так, например, становление и развитие романской системы глагольных форм рассматривается обычно исследователями с точки зрения экономии в морфологических изменениях. Отмечается, что возникновение в дороманский период сложных глагольных форм связано с фонетическим и семантическим изнашиванием старых флективных образований. Сосуществование в речи простых и описательных синтаксических оборотов заканчивается грамматизацией последних, т.е. их включением в систему и установлением новых системных противопоставлений. Новые аналитические формы не только заняли пустые клетки, отвечая необходимости выражать определенные грамматические значения, но, создав качественно новые формальные противопоставления (формы простые и сложные), оказали влияние на дальнейшее развитие семантики глагольных форм в системе.

Л. М. Скредина предлагает следующие этапы подобных изменений: 1) сосуществование старой и новообразованной форм при преобладающем (количественно) употреблении старой; 2) сосуществование старой и новой форм

¹ См.: Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. 3. 3-е изд. М.: URSS, 2010.

² Скредина Л. М. Некоторые вопросы развития языка. Минск, 1973, с. 76.

³ О теории вопроса см.: Будагов Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? — Вопросы языкознания, 1972, № 1.

при относительном (количественно) равновесии обеих; 3) сосуществование старой и новой форм при преобладающем употреблении новой; 4) вытеснение старой формы.

Фаза А, фаза В, фаза С, фаза Д., выделяемые И. А. Бодуэном де Куртенэ, представляют собой синхронные срезы в диахронии, на плоскости которых возможны построения восстанавливаемых систем языка с необходимыми качественными и количественными характеристиками элементов. Языковое изменение представляет собой переосмысление, переоформление, ревалоризацию того, что уже существует в языке.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Существительные в классическом латинском языке имели три рода: мужской, женский и средний, два числа: единственное и множественное, а их падежная система включала пять склонений и шесть падежей.

Архаическое понимание родовой принадлежности в лексике довольно рано перестает быть релевантным в обиходном языке; категория рода превращается только в грамматическую. Постепенно в народной латыни три рода были сведены к двум: мужскому и женскому¹.

Например, *fatum* в памятниках народной латыни имеет окончание мужского рода *fatus*; *momentum* — *momentus*; *dorsum* — *dorsus* и т.д. Многие односложные существительные среднего рода типа *mel*, *sal* оформляются как существительные мужского рода в одних языках (французском, итальянском) и как существительные женского рода — в других (испанском, румынском). Латинское шаге становится существительным женского рода во французском, староиспанском *la mar*, но мужского рода в итальянском *il mare*. Примеры такого переосмысления категории рода можно найти во всех языках. В этом процессе можно выделить две противоположные тенденции — сохранение окончания за счет изменения рода (*pinus m* > *pino m*) и сохранение рода за счет изменения окончания (*socrum f* > *suegra f*)

В народной латыни имелось небольшое количество существительных среднего рода, употреблявшихся только

¹ О категории рода в сравнительном плане в романских языках см.: Степанов Ю. С. От имени лица к имени вещи — стержневая линия романской лексики. — В кн.: Общее и романское языкознание. М., 1972, с. 107 — 118.

во множественном числе. (Pluralia tantum), с окончанием -а. Наряду с ними возникли формы единственного числа этих слов, которые становятся существительными мужского рода:

arma	arma	grana	grana
brachia	braza	granum	grano
brachium	brazo	ligna	leña
cornua	cuerna	opera	obra
cornum	cuerno	opus	uebos
		vota	boda

Использование таких существительных в единственном числе зафиксировано в латинских текстах I и II вв. н.э. retiam (acc. sing. retia — *сету*), astram (acc. sing. astra — *звезды*).

В романских языках слова обычно сохраняют тот род, который они имели в латыни. Исключение составляют названия некоторых деревьев: populus, fraxinus, pinus, ulmus, которые были женского рода в латинском языке. Само слово arbor — *дерево* стало в романских языках (за исключением португальского и сардинского) мужского рода.

Слова с окончанием на -oem, выражающие абстрактные понятия — сохранили мужской род: el dolor, el color, el sabor.

У группы слов третьего склонения, род менялся уже в классической латыни: flos (муж. р.); но (исп.) la flor (жен. р.); (лат.) valles (жен. р.), но (исп.) el valle (муж. р.). Существительные третьего склонения, кроме того, образовывали именительный падеж по косвенному. В латинских грамматиках встречаются rectem non rectinus, glis non gliris и т.д. Здесь проявляется общезыковая закономерность, которая носит название «выравнивание по аналогии». Между типами склонений уже в народной латыни наблюдается взаимодействие. Так, в надписях встречаются формы дательного падежа множественного числа dis и dibus > deus, а также filiis и filibus > filius.

Существительные женского рода пятого склонения были полностью поглощены более многочисленным первым склонением. Даже классические авторы допускают колебания в написаниях типа: materies — materia, luxuries — luxuria. В народной же латыни этот процесс завершился. Как показывают производные слова, употребляли rabia и glacia, а не rabies и glacies. Но отдельные слова оказались достаточно стойкими. Так, в испанском романсе facie (5-го

склонения) дало *haz*. Ряд высокочастотных слов *res, fides, dies* ассимилировались третьим склонением, хотя у *dies* была и форма *dia* [(исп. *día*)].

Первое склонение во множественном числе пополнилось также за счет слов женского рода четвертого склонения на *-us*. Так, *nigus* и *socus* стали соответственно *pora* [(исп.) *puera*]; *socra* [(исп.) *suegra*]. Сюда же перешли некоторые существительные на *-um* типа *gaudium, polvum*. Другие слова четвертого склонения совпадают с существительными второго склонения. Ко второму склонению стал относиться и ряд существительных третьего склонения: *caput* > *capus*.

Наряду с упрощением системы склонений шел процесс упрощения падежных окончаний. Наиболее раннее свидетельство этому — соперничество между творительным и винительным падежами¹. Винительный падеж начинает употребляться в абсолютных конструкциях, ограничивая поле употребления творительного падежа. Он же вытесняет и дательный падеж (*blandus ad illum* вместо *blandus illi*). Нечеткость и колебания в падежных окончаниях привели к широкому использованию предлогов. На них постепенно была перенесена и функция угасающей падежной системы. На Пиренейском полуострове сохранился только один — винительный падеж, в Галлии — два — именительный и винительный.

Остатки падежной системы сохранились в топонимике, например, названия городов и местностей с остатками родительного падежа *Sancti Felicis* > *Santelices*; *Sancti Emeteri* > (ст. исп.) *Santemder* > (сов. исп.) *Santander*; *Villa Gotthorum* > *Villa Otoro* > *Villatoro*; родительный падеж остается в названиях пяти первых дней недели: * *lunis* > *lunes*; *martis* > *martes* и т.д.

Форма именительного падежа сохранилась в словах *sastre* > *sartor*, *juez* < *judex*, а также в словах на *-o, -onem*: *curculio* > *gorgojo*; *struthio* > *avestruz*, *titio* > *tizo*, но и *titione(m)* > *tizón*; *bubo* > *buho* и т.д. Некоторые испанские слова существуют в форме и винительного и именительного падежа; *serpens* > *sierpe* наряду с *serpiente* > *serpentem*. Сохранность форм именительного падежа можно объяснить различными причинами: в одних случаях — это влияние

¹ Фонетические изменения привели к совпадению окончаний существительных первого и второго склонения в этих падежах, усилив тем самым колебания в их употреблении. Отсюда, в частности, и позднейший спор о том, какой падеж — винительный или творительный — лежит в основе форм существительных романских языков. См.: *Гурычева М. С. Указ. соч., с. 46.*

ученой или религиозной традиции (*sierpe*) в других — образующейся омонимией со словами с увеличительным суффиксом *-ón*. Иногда это объясняется частотностью употребления слова.

Новая система в своей двухпадежной форме выглядела следующим образом:

	<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
I скл.		<i>capre</i>
	Им. п. <i>capra</i>	
	Вин. п. <i>capra(m)</i>	<i>capras</i>
II скл.		<i>muri</i>
	Им. п. <i>murus</i>	
	Вин. п. <i>muru(m)</i>	<i>muros</i>
III скл.		<i>montes</i>
	Им. п. <i>montis</i>	
	Вин. п. <i>monte(m)</i>	<i>montes</i>

После выпадения *-m* в винительном падеже ед. числа выпало и конечное *-s*.

В испанском варианте романсе существительные образовались из формы винительного падежа и уже не имеют склонений.

	<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
I скл.	<i>cabra</i>	<i>cabras</i>
II скл.	<i>muro</i>	<i>muros</i>
III скл.	<i>monte (flor)</i>	<i>montes (flores)</i>

Множественное число образуется прибавлением *-s* к словам, оканчивающимся на гласную и *-es* — на согласную (кроме *s*). Слова, оканчивающиеся на дифтонг с конечным *-i*, в средние века образовывали множественное число прибавлением только *-s*: *leys, reys*; односложные *-es*: *piees, fees*, так же как и некоторые многосложные слова на *-e, -i*: *cafées, rubíes* и др.

Некоторые латинские слова среднего рода на *-s* теряли его в процессе эволюции: *tempus > tempos > el tiempo*; *corpus > cuerpos > cuerpo*, *pectus > pechos > pecho*.

Таков в самом общем виде процесс становления морфологии имени существительного в испанском языке¹.

¹ См.: Бурсье Э. Указ. соч., с. 377 — 379.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

В классическом латинском языке прилагательные делились на две группы: а) прилагательные трех окончаний, у которых мужской и средний род склонялся по 2-му склонению, а женский род — по 1-му склонению: *bonus, bona, bonum* или *miser, misera, miserum*; б) прилагательные трех, двух и одного окончаний, которые склонялись по 3-му склонению: *acer, acris, acre; fortis, fortis, forte; felix, felix, felix*. В народной латыни эти прилагательные склонялись по типу существительных: *bona* и *bonus* склонялись как *capra* и *murus*.

Прилагательные третьего склонения имели тенденцию переходить во второе. “Appendix Probi” свидетельствует, что даже в классическую эпоху были колебания в употреблении таких форм как *imbecillis* и *imbecillus; proclivis* и *proclivus*. Часть из них, как правило, наиболее частотные *grandis, fortis*, образовали отдельное склонение, в романских языках они дают единую форму для обоих родов: (исп.) *grande, fuerte*, (ст. фр.) *grant, fort* и т.д.

В системе прилагательных на Пиренейском полуострове можно выделить следующие характерные особенности:

1) Колебания в образовании женского рода прилагательных (вплоть до XVI в.). Вначале одинаково употреблялись: *pauper mulier* и *paupera mulier*. К XIII в. употребление прилагательных первого и второго склонения было относительно упорядочено, чего еще нельзя сказать о прилагательных третьего склонения. Общая тенденция требовала окончания *-a*, но оно могло и отсутствовать. Сначала *-a* появляется в словах с суффиксом *-an, -in*. В XII в. уже находим *burguesa*, XIII в. — *vidadora*, но и в XIV в. еще употребляется *mosca mordedor* (у архипресвитера Итского), *potencia leonés* встречается у авторов Золотого века.

2) Тенденция, вероятно, только спорадически проявляющаяся — образовывать прилагательные третьего склонения по образцу второго, т.е. тенденция к созданию единой парадигмы прилагательного. Интересно, что с ее реализацией мы встречаемся в текстах только на примере высокочастотных слов: *cuala, tala, tristo, grando, fuerta* и т.д. (выравнивание по аналогии).

3) Другие особенности в образовании прилагательных: отпадение конечного гласного прилагательных всех склонений *flac, grand* — *grant, trist, duez* и т.п., колебания в

графике, нестабильность места прилагательного в синтагме (до и после существительного) и др. связаны с общими фонетическими или синтаксическими закономерностями эволюции языка. Так, род прилагательных зависит, естественно, от рода существительного, но его формальное окончание диктуется уже другими причинами: ср. *buen Elvira, la grant honore*, но также и *Elisabet su fembra* (у Берceo).

Степени сравнения образуются в классической латыни посредством прибавления к основе мужского рода суффиксов **-ior, -ius** для сравнительной степени; **-issimus, -issima, -issimum** — для превосходной степени: *for(t)is, -fortior* — *fortissimus*. Более редкие формы образовывались путем прибавления **-rimus, -rima, -rimum** или **-limus, -lima, -illum** (вследствие регрессивной ассимиляции): *miserior* — *miserimus, facilior-facillimus*; также путем прибавления суффикса **-ent, -ior, ent-, -issimus**; *benevolus* — *benevolentior* — *benevolentissimus*. Имелись также супплетивные степени сравнения: *bonus, melior, melius, optimus, inferior* — *infimus, osior* — *ocissimus*. И, наконец, ряд прилагательных образовывал степени сравнения аналитическим способом — с помощью наречий *magis* и *maxime*: *necessarius magis, maxime necessarius*.

В народной латыни общая тенденция склонения — избегать синтетических форм — проявляется уже довольно рано. В произведениях Плавта, например, встречается образование сравнительной степени с помощью наречия *magis* и, менее часто, *plus*. Иногда употребляется, видимо, по стилистической необходимости, и третье сравнительное наречие *melius*, которое, однако, почти не оставило своих следов [кроме (ст. фр.) *melz*].

В Испании, Португалии, Каталонии и Румынии наиболее частотной стала форма *magis*: соответственно: *mais, -mas, mes, mai*. В Италии и Франции — *plus, plus, più*. В провансальском оставались обе формы *plus* и *mais*¹.

Однако синтетическая форма исчезает не полностью: прилагательные с супплетивными степенями сравнения, в особенности, если их формы очень отличались от исходного слова, обычно сохранялись. Таким образом: *melior* > (исп.) *mejor* > *mejor*; (ит.) *migliore*, (ст. фр.) *mieldre*; *peior* > (исп.) *peor*, (ит.) *peggiore*, (ст. фр.) *peour*; *majorem* (исп.) *mayor*, (ит.) *maggiore*; *minorem* > (исп.) *menor*,

¹ О выборе этих форм в романских языках см.: Будагов Р. А. Язык, история и современность. М., 1971, с. 240 — 241.

(ит.) minore. Соответствующие формы среднего рода, как правило, перешли в разряд наречий: minus > (исп.) menos, (ит.) meno, (фр.) moins.

В классической латыни использовалась как синтетическая формула doctior Petro, так и аналитическая doctior quam Petrus. В народной латыни сохранилась вторая, но чтобы подчеркнуть различие в степени, использовалась альтернатива quam — de. В романских языках использовались обе: ср. mejor que todos, mejor de todos. В классической латыни были формы сравнения типа: propior — *более более близкий*, proximus — *самый близкий*; prius — *первый* (из двух), primus — *первый* (из многих) и т.д.

Романские языки сохраняют форму, имеющую только сравнительную, а не превосходную степень: proximus (исп.) > prójimo. Романские языки сохранили очень немного таких форм maximum > (исп.) máximo; minimum > (исп.) mínimo; pessimum > (исп.) pésimo, (ит.) pessimo; proximum > (исп.) prójimo, (ит.) prossimo; optimum > (исп.) óptimo; причем современные испанские формы появились довольно поздно, в результате процессов релатинизации.

Почти все остатки синтетического суперлатива являются только «учеными» образованиями и средневековые писцы, как отмечают исследователи, выбирали именно их. Отсюда многочисленные -isme, -esimo, -issimo в средневековом испанском романсе, дожившие как стилистические образования и до нашего времени.

Абсолютная сравнительная степень в классическом латинском языке (у Цицерона) выражалась аналитически: vir multum bonus. Наречие multum (исп.) mucho, muy, (порт.) muito, (ит.) molto, (рум.) mult сохранилось в старой функции и в романских языках, вытеснив народнолатинскую форму valde (в Глоссах из Рейхенау optimum глоссируется valde bonum). Кроме того в народной латыни было наречие trans [(ит.) trá antico — *очень старьй*, trá avaga — *самым бедным образом*.] Trans постепенно заменило собой multum [(ср. фр.) moult], но только во французском языке оно стало универсальным способом для выражения абсолютного сравнения très joli, très bien и т.д.

В испанском языке такой универсальной формой становится muy, mucho, через переходные mocho, muecho, mui, mue. Промежуточная форма от multum > muito сохранилась в португальском и галлисийском, она отмечается еще в языке мосарабов.

МЕСТОИМЕННИЯ

Анализ местоимений связан с определенными сложностями. Как бы ни определять эту категорию¹, следует подчеркнуть не только ее особую внешнюю характеристику, но и специальные функции по сравнению с другими частями речи, а именно: незакрепленность значения местоимения и, главное, его разнородность, так как оно «замещает» не только существительные, но и другие части речи.

Х. Рока Понс полагает, что местоимение и не может быть частью речи, если хоть одна из его функций заключается в замещении других частей речи.²

Личные местоимения

Парадигма латинских личных местоимений характеризуется: 1) отсутствием особого местоимения 3-го лица, которое замещает указательное местоимение; 2) особой стилистикой употребления, использованием именительного падежа в единственном числе, если на нем лежит логическое ударение; 3) специфическим значением родительного падежа (*gen. part.*, *gen. object.*).

В народной латыни развиваются прежде всего те характеристики местоимения, которые выражают эмфазу. Происходит возрождение именительного падежа, а также замена *is* более экспрессивными указательными местоимениями *ille* и *ipse*. Используемая как личное местоимение форма *ille* стала вскоре полноценным личным местоимением. Одновременное использование этой же формы в функции прилагательного привело к созданию определенного артикля.

Кроме того, нестабильность ударения в двухсложном образовании *il* — *le* дало основу для возникновения в романских языках двух форм местоимения — ударной и безударной. Первый памятник французского языка «Страсбургские клятвы» (842 г.) уже дает две формы личного местоимения первого лица; *eo* с ударением на первом слоге и *io* (*jo*) — на втором. Форма первого лица в испанском романсе *-yo* имеет ударение на втором слоге, в португальском — *eu* — на первом.

¹ См.: Вольф Е. М. Местоименные субституты в романских языках и в латыни. — В кн.: Общее и романское языкознание. М. 1972, с. 48 — 59.

² См.: Roca Pons J. Op. cit., p. 203.

Народнолатинские формы личных местоимений

Ед. число				Мн. число	
<i>Nom.</i>	eo	tu		nos	vos
<i>Acc.</i>	me	te	se	nos	vos
<i>Gen.</i>	не употребляется			не употребляется	
<i>Dat.</i>	mi	ti	si	nos	vobis
<i>Abl.</i>	mibe	tibe	sibe	(nobis)	(vos)
	migo	ti	sigo	(nobiscum)	vobiscum
	mego	tego	sego	noscum	voscum
	mi	ti	si	nuscum	vuscum
				nos	vos

Примечание. Начальная испанская гласная может быть также *i*. Формы в скобках не зафиксированы в памятниках (восстановлены по аналогии).

Падеж	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
<i>Nom.</i>	elle	ella	ello	elli	elle	ella
<i>Acc.</i>	ello	ella	ello	ellos	ellas	ella
<i>Gen.</i>	ellius	ellius	ellius	elloro	elloro	elloro
<i>Dat.</i>	elli	elli	elli	ellis	ellis	ellis
	ello	elle	ello			

В отличие от существительных различные падежные формы местоимений сохранялись довольно долго. Правда и здесь происходит смешение форм, например, аккузатива *te* и датива *mi* — *mihi*, но только в функциональном употреблении. В языке мосарабов X — XI вв. и даже позже в XIII в. *te* употребляется наряду с полной формой *mibi* — *mihi* (а не *mi*).

Различие наметилось в оппозиции ударных и безударных форм. Однако в различных ареалах оно оформлялось по-разному. Наряду с испанским безударным *te* (чаще всего перед глаголом) и ударным *mi* (изолированно или с предлогом) в Италии мы имеем безударное *mi* и ударную форму *me*.

Именительный падеж личного местоимения второго лица *tu* претерпел в фонологической эволюции меньше изменений, чем форма первого лица.

Формы косвенных падежей *te*, *tibi* развивались аналогично с *mi*, *mibi*. Испанское *tego*, *sego* возникло из расчлененного *con* и *tigo*, и по аналогии с *meve*, *teve*, *seve* (нор-

мальный фонологический переход $g > b$, зарегистрирован во многих романсе).

Формы множественного числа в народной латыни и в ряде романсе остались нетронутыми: (ст. фр., ст. исп.) *pos, vos*. Однако уже в “Appendix Probi” была зарегистрирована форма *bos*. Билабиальное произношение дает возможность частичной редукции, что, видимо, вначале спорадически проявлялось, по крайней мере на Пиренейском полуострове: формы *os* вместо *vos*.

Краткие односложные формы обычно заменялись многосложными. Вероятно, поэтому использовалось сочетание *alteri + vos*, откуда впоследствии возникли (исп.) *vosotros, nosotros*.

В романских языках, наряду с *ille* должна была существовать и параллельная ей форма* *illi* [отсюда (фр.) *il*, (ит.) *egli*]. Однако она быстро исчезает, оставив следы только в староиспанском *elli* наряду с *elle*. Народная форма имела два ударения. Форма с ударением на первом слоге дала в испанском *él*, апокопированное местоимение 3-го лица, полная форма *illa* лежит в основе местоимения 3-го лица женского рода *ella*. Форма винительного падежа *illu(m)* имела ударение на 2-м слоге. Отсюда в романском почти повсеместно *lo* (во французском редуцированное в *le*, в португальском — *o*) форма женского рода повсеместно *la* (в португальском языке — *a*). Классическая форма аккузатива с ударением на первом слоге полностью использовалась только в народной латыни, в романских языках ее заменила форма дательного падежа [(ит.) *lui, lei*, (ст. фр.) *lui, li*], а на Пиренейском полуострове распространилась идентичная форма именительного падежа (ст. исп.) *elle*, (совр. исп.) *el* и *ella*¹.

Старый датив *illi* дает испанскую форму *le* для двух родов². Форма среднего рода *illud* дает в испанском *ello*, хотя есть и другая возможность, так как ударная форма аккузатива была одинаковой с формой именительного падежа среднего рода в народной латыни: *illu(m)* — *illu(d)*. Множественное число личного местоимения в испанском языке также возникло из атонической формы винительного падежа с переносом силового ударения с первого на второй слог *illos* и *illas*, *los* и *las*. Примечательно сохранение

¹ Об образовании и развитии форм *la, le, lo, las, les, los* см.: Cuervo R. J. Obras. Bogotá, 1895, t. 2, p. 167 — 239.

² Употребление формы *le* в винительном падеже устанавливается позже по аналогии с формами *te, te*, которые использовались с обоими падежами.

родительного падежа *illorum* (только мужского рода). На Пиренейском полуострове перешло в(араг.) *lor* и (кат.) *llor*.

Притяжательные местоимения

В классическом латинском языке использовались следующие притяжательные местоимения: *meus, tuus, suus, noster, vester*. Последнее из них было также издавна известно в форме *voster*, встречающейся у Плавта.

Склонение притяжательных местоимений в народной латыни имело только два падежа, как и у прилагательных. Остатки старого вокатива (звательного падежа) можно видеть в провансальском *midons* (*mi domina*).

Расхождения между классической и народной латынью заключались в выражении 3-го лица множественного числа. В народной латыни Пиренейского полуострова, однако, для выражения и единственного и множественного числа использовалось *suus*. Таким образом, в испанском языке невозможно вне контекста определить род и число местоимения при существительном, например, *su libro*. В дальнейшем появилось уточняющее *de* + личное местоимение: *libro de él, libro de ella, libro de ellos, libro de ellas*.

Развитие остальных форм притяжательного местоимения определялось в зависимости от того, несут или не несут эти формы ударение. Формы без ударения, а поэтому уже с изменениями фонетического характера, зарегистрированы еще во II в. до н.э. К V в. повсеместно распространились *mus, tum, mi, mos, mas* и *tus* вместо *tuus*. Однако в Испании безударные формы явились уже результатом вторичного развития из уже сложившихся испанских ударных форм: *mío, tuo, suo*¹. Последние две, видимо, по аналогии с *suuo* получили формы *tuuo, suuo*. В староиспанском языке встречались латинские безударные формы. Их довольно много на страницах «Пасни о моем Сиде», например: *dexar so aver en salvo*. Встречаются такие формы и в староитальянском: *to amico, so marío*, но их уже нет в современном; французский язык сохранил эти формы.

Любопытно различие в употреблении определенного артикля с притяжательными местоимениями, во французском и староитальянском артикль не употребляли: (фр.) *mon ami*; в староиспанском и современном итальянском артикль ставится перед местоимением: *el mio amigo, il mio amico*.

¹ Их вероятная эволюция: *tuo > *too > to, suo > *soo > so*.

Ударные формы *meus*, *tuus*, *suus* в староиспанском языке в отличие от других романсе сохранили латинские закрытые гласные. Поэтому трудно объяснить фонетический переход *tuus* > *teus* без влияния аналогии *meus*. То же с формами *suus* > *seus*. Эти формы сохранились только в галисийско-португальском языке: (совр. порт.) *teu*, *seu*, наряду с (ст. порт.) *tou*, *sou* и (кат.) *teu*, *seu*.

Однако в кастильском диалекте была общероманская форма с открытой гласной, правда, только для мужского рода, что позволяет дифтонгизацию для форм 1-го лица: *mĕu* > *mĕiu* > *mĭo* и переход *ĭ* > *o* для 3-го лица: *tĭum* > *too* > *to*; *sĭum* > *soo* > *so*. Для форм женского рода характерен переход *ĕ* > *e* (в народной латыни) и *e* > *i* (в испанском языке) *mĕa* > *mea* > *mĭa* > *mĭe* > *mĭ*. Во 2-м и 3-м лице *ĭ* в хиатусе перед **a** не переходит в **o**, но сохраняется: *tĭa* > *tua* > *tue* > *tu*; *sĭa* > *sua* > *sue* > *su*. В синтагме с прилагательным обычно использовалась сокращенная форма *mĭ* для обоих родов и, соответственно, *tu*, *su*.

Формы множественного числа имеют только одно отклонение, обязанное существованию в народной латыни форм *possu(m)*, *vossu(m)*. Они сохранились в португальском в *posso*, *vosso*, а также в староиспанском *puesso*, *vuesso*, сосуществовавшие с формами *vuestro*, *nuestro* и позднее вытесненные ими.

Таблица притяжательных местоимений

Муж. род.		Жен. род		Общие формы	
1-е л.	<i>mio</i>	<i>mios</i>	<i>mia</i>	<i>mias</i>	<i>mi</i> <i>mis</i>
2-е л.	<i>tuo</i>		<i>tua</i>		<i>to</i> <i>tu</i> <i>tus</i>
3-е л.	<i>suo</i>		<i>sua</i>		<i>so</i> <i>su</i> <i>sus</i> <i>sos</i>
	<i>sou</i>		<i>sa</i>		
	<i>seu</i>		<i>tuyo</i>	<i>tuya</i>	
	<i>suyo</i>		<i>tue</i>	<i>sue</i>	
Мн. число				Раздельные формы множественного числа	
1-е л.	<i>nuestro</i>		<i>nuestra</i>		<i>nuestros</i>
	<i>nosso</i>		<i>nossa</i>		<i>nuestras</i>
2-е л.	(<i>vuestro</i>)		<i>vuestra</i>		<i>vuestros</i>
	(<i>vosso</i>)		<i>vostra</i>		<i>vuestras</i>

Примечание. В графу «общая форма» включены формы общие для двух родов, так как еще не появилось нормы; в памятниках же формы на *-i* чаще женского рода.

Указательные местоимения

В классическом латинском языке была строгая система указательных местоимений. Изменения в народной латыни происходили в основном за счет эмфатических средств. К ним относятся: 1) повторение одного и того же местоимения: *idem, idem*; 2) повторение двух различных указательных местоимений: *ista, ipsa, lege*; 3) употребления усилительных частиц, обычно *met*. Отсюда: *ego + met + ipse > metipse*; но и *tu + te > tute* → *tibite*. Именно в народной латыни впервые появилась и соотнесенность указательного местоимения с лицом.

Наиболее продуктивным оказалось соединение двух разных местоимений, имевшее свои вариации в разных языковых ареалах.

В Галлии было распространено указательное местоимение среднего рода *hoc*, давшее также утвердительную частицу *oc* — *da*, (пров.) *o*, *os*. Для Испании характерные производные *per + hoc > pero*. Производные от *hic*: *accu + hic > aquí*; *accu + hac > acá*; *hac + nocte > anoche*; *hac + hora > ahora*; *hoc + anno > ogaño*. Указательное местоимение *iste* практически не имело производных и исчезло, почти не оставив следов. Однако на Пиренейском полуострове оно продолжало полностью функционировать: (исп.) *este, esta, esto*; (порт.) *este, esta, isto*. В кастильском диалекте сохранилось народнолатинское соотносительное употребление личных и указательных местоимений; *este* — *близкий ко мне*; *ese* (< *ipse*) *близкий к тебе*; *aquel > eccu + ille* — *отдаленный от тебя и меня*.

Указательное местоимение *ille* использовалось только в новой функции артикля. Уже в народной латыни его частично заменило *ipse*, потерявшее одно из своих составных значений — *сам*. Это значение перешло к новому усиленному производному *met + ipse*. Получив абсолютное значение, *metipse* приобрело суффикс суперлатива: *metipse + issimus > medipsimu > meismo > (ст. исп.) mesmo > (совр. исп.) mismo*. Забывающаяся абсолютность значения была восстановлена в староиспанском, в котором вновь повторилась эволюция этого слова в народной латыни: *mismísimo > meismo + ísimo*.

Наряду с формой *mismo* развивалось *ille + ipse > староиспанское eleisco* или *eleiso*, зафиксированные в обоих глоссах (*tu eleisco jes, per sibi eleiso*).

Местоимение *esse* в староиспанском языке дает форму *ex*, в каталанском *eis*. В комбинации с *hic, hac, hoc, ipse*.

ille это местоимение лежит в основе большинства указательных романских местоимений.

Дальнейшее разнообразие форм ессе и их распределение по ареалам зависит от его дифференциации в вульгарной латыни¹ и, в частности, от особенностей процесса палатализации определенного района. Обычно по этим признакам выделяют три основных типа ессе, ессу, *ассу, развивающихся соответственно в Галлии, Италии и на Пиренейском полуострове. Испанская форма* ассу возникла в результате слияния союза ас или atque + ессу > ассу. Дальше она развивается в форму ассу + illud > aquello; ассу + iste a questo. Также с палатализацией — achest. (Ср., например, в “Auto de los reyes magos”). A questo, зафиксированное в “Песни о моем Сиде”, скоро исчезает из обихода, сохраняясь, однако, в (порт.) a queste > ассу + iste; aquesse > ассу + ipse; aquele > ассу + ille и (кат.) aquest, aqueix, aquelle. В староиспанском было еще одно указательное местоимение, образовавшееся путем интеркаляции дательного падежа (dativus ethicus) от личного местоимения tu между двух указательных: ессу + ti(bi) + istu > codesto или cotesto. Таким образом, в староиспанском языке была серия указательных местоимений questo, codesto aquello, выражающих, помимо простого указания, отношение к положению лица или предмета в пространстве.

Относительные и вопросительные местоимения

Относительные и вопросительные местоимения в классическом латинском языке образуют два изоморфных ряда:

Местоимения	Муж. род	Жен. род	Ср. род
Относительные	<i>Nom.</i> qui <i>Acc.</i> quem	quae quam	quod quod
Вопросительные	<i>Nom.</i> quis <i>Acc.</i> quem	quae (quis) quam	quid quid

Почти полная омография приводила к постоянному смешению, qui употреблялось вместо quis и quid, и вскоре они слились в общую парадигму.

¹ См.: Elcock W. D. Op. cit., p. 91 — 92.

Но и в оставшемся ряду продолжали, как показывают памятники, происходить изменения. Так, женский род был заменен мужским. Например, *filia quem* (вместо *quam*) *reliquit*. В связи с тем, что именительный падеж единственного и множественного числа имел одну форму *qui*, винительный падеж множественного числа не использовался. К концу имперского периода в народной латыни остались только следующие формы:

<i>Муж. и жен. род</i>	<i>Сред. род</i>
<i>Ном. qui</i>	<i>quid (qued)</i>
<i>Асс. quem</i>	

В испанском романсе *qui* употреблялось только в значении подлежащего и было вытеснено формой *quien* < *quem*, которая использовалась как в значении подлежащего, так и дополнения. Современная же форма произошла из смешения форм *quid*, *quem* > *que*. Местоимения *quem* и *quid* могли быть образованы из ударной или безударной формы. Безударную форму *quem* и *quid* можно видеть в испанском *que*. Ударная форма лежит в основе местоимения общего рода испанского *quien*, португальского *quem*. Форма родительного падежа в народной латыни *cuius*, дала на Пиренейском полуострове: испанское *suyo*, португальское *cujo*.

В староиспанском языке было местоимение *quien* по отношению к лицам и *que* по отношению к неодушевленным предметам. Форма *quin* является сокращенной от *quien*. Как форма *que*, так и *quien* не имеет множественного числа и служит для обозначения обоих родов. *Suyo* имеет и формы множественного числа и характеристику рода.

Неопределенно-личные местоимения

К неопределенно-личным местоимениям относятся латинские простые: *al*<*aliud* — *другой, другая*, *alio* < *aliquod*; *autro*, *otro*, *otri*, *otro* < *alteru*; *alquantos* < *aliquantos* — *некоторые* и романские составные: а) возникшие на основе только латинских элементов *algun*, *alguna*, *algum*, *alguno* < *aliquem* + *unu(m)*; *degun*, *nengun*; *nengund*, *ningund*, *ningumo*, *nenguno* < *nes* + *unu(m)*, б) на основе латинских и романских элементов и, в частности, на базе соположения относительных элементов с глаголом *querer*: *quiquier*, *quienquiere*, *quelquier*, *qualisquier* и такие построения как: *qualquequiere*, *qualisquequiere*.

Одни латинские местоимения исчезли бесследно: *uter*, *quidam*, *quisquam* и т.д., другие сохранились частично или в измененной форме, а третьи типа *alter* сохранились почти без изменений.

В народной латыни сохранилось только *alter*. Народно-латинская форма *alteri* (по аналогии с *qui*) дала староиспанское *otri*, старопортугальское *outri*. Испанский язык сохранил также местоименное прилагательное *ajeno* < *alienus* < *alius*; (порт.) *alheio*, (ст. кат.) *alie*.

Латинское *quisque* (или *quisque unus*) — *каждый* было в народной латыни заменено *cata unus* (*cata* — слово греческого происхождения). От аккузатива этой формы произошло испанское *cada uno*, португальское *cada um*, староитальянское *catuno*, *caduno* и т.д. *Cada uno* относится к формам вторичного образования, что ясно из старых памятников, совмещающих ее с предшествующей ей по времени *quisque unus*: *Quis cada uno dellos bien sabe* («Песнь о моем Сиде»). Позднее *cata* входит в группу с местоимением *quien*, образуя форму *cada quien* наряду с более литературной *cada quisque*.

В классической латыни использовалось три слова *totus*, *omnis*, *cuncti* — *все, все вместе*. Последнее исчезло довольно рано. Сфера употребления *omnis* значительно сузилась. *Totus* вошло во все романсе, но только на Пиренейском полуострове оно связано с классическим прототипом: испанское и португальское *todo*. Остальные романсе переняли его из народнолатинского *tuttus* (в форме *tutti* зарегистрировано в Кассельском глоссарии, VIII в.).

Обычно считают, что форма мужского рода *aliquem*, от *aliquis* — *некий*, дает испанское *alguien*, португальское *alquem*. Однако латинское *aliquem* с ударением на первом слоге должно перейти в *alque*. Памятники показывают, что, действительно, и испанская и португальская формы более позднего происхождения: первая XV в., а вторая XIII в., поэтому, вероятней, что она создана путем слияния *alguno* и *quien* (португальская *alqum+quem*). В средневековом испанском языке существовала и параллельная отрицательная форма *alguien* — *ninguien*, в дальнейшем замененная на *ninguno*, возникшая из *alacunus* (комбинированная, из *aliquis* + *unus*)¹. Испанское *algo* вероятнее всего произошло не из латинского местоимения *aliquid*, но из наречия *aliquid*.

¹ См. также: Ламина К.. В. Из истории испанского Indefinita. — Вестник ЛГУ, 1969, № 20, вып. 4, с. 143 — 151.

Отрицательные латинские формы неопределенно-личных местоимений *peto* и *nihil* практически не оставили следов на Пиренейском полуострове, если не считать глагола *aniquilar*, образованного от *nihil*, которое в поздний период произносилось в народной латыни как *nikil*.

Форма отрицания *nullus*, дала испанское *nullo*, и его производное *nullius*. Составная отрицательная форма *nes unus* дало *ni(n)guno*.

Отрицательные перифразы с неопределенно-личными местоимениями были широко распространены, особенно эмфатические по ... *cosa*, по ... *gota*, по ... *miga*, по ... *res*, по ... *gente*. Также как и образования типа: по *veo ni moro ni cristiano*, по *veo ni moro ni judío* — *никого не вижу*, по *tengo dinero* в значении *ничего нет* и т.п.

В Испании были еще неопределенно-личные местоимения с отрицательной характеристикой *nada* и *nadie*.

Nata (женский род) дало неизменяемое *nada*, а *natu(m)* под воздействием *qui*, как и многие другие формы мужского рода, получило в староиспанском *padí*. Дальнейшая эволюция *qui*, *quien* дает *nadíen*, современное *nadie*.

Латинское местоимение *quilibet* — семантический двойник формы *quod velles*, дало в испанском *cualquiera*. Неопределенное личное местоимение *homo* стало безличным. В Средние века оно широко употреблялось в Испании — *omne*, и Португалии — *omne*. Можно привести пример, из «Всеобщей хроники» Альфонсо Мудрого: “pero digo yo a esto que pues que omne non puede escusar la muerte nin foir della”. И из Фуэро Хузго: “que lo demuestre omne después de su muerte”.

АРТИКЛЬ

Артикль — новая грамматическая категория, которая развилась уже в романских языках: в классической латыни артикля не было¹, а в народной латыни существовала форма «протоартикля» в поздний период V — VI вв. н.э. Теме артикля посвящено много исследований, хотя общего взгляда на этот вопрос еще не выработано².

В испанском языке вначале артикль использовался только с подлежащим фразы, но позднее распространился и на прямое дополнение и, наконец, еще позже на дополнения с

¹ Известны попытки передачи средствами латинского языка греческого артикля.

² См.: *Alonso A. Estudios lingüísticos. Temas españoles*. Madrid, 1967, p. 127 — 133.

предлогами. Постепенная эволюция артикля свидетельствует об общей тенденции языка к совершенствованию аналитического аппарата. Исторически артикль сначала делает независимыми субъект и предикат фразы, затем отделяет от предиката прямое дополнение и уже потом, sporadически, косвенное.

В грамматическом аспекте артиклем стало бывшее латинское указательное местоимение, утратившее полное фонетическое звучание, лишенное своего логического ударения. В современном языке артикль потерял почти все связи с бывшей местоименной системой за исключением некоторых специальных случаев использования его в конструкциях с глаголами.

Лексическое значение определенности, которое по традиции связывают с понятием артикля, далеко не всегда может быть выявлено в романских языках. Можно предположить, что первоначально артикль возникает как член системы, в которой различался психологический субъект и предикат по линии наличия/отсутствия артикля. Следы этого можно найти в современных романских языках [ср. (исп.) *beber agua*, но (фр.) *boire de l'eau*].

Неопределенный артикль во многих языках, появился довольно поздно. В испанских грамматиках до XIX в. о нем не упоминается.

В современном испанском языке неопределенный артикль сохраняет свой первоначальный местоименный характер, если он не является числительным *uno*; в противоположность настоящему артиклю, не всегда теряет свое логическое ударение (*Extendió la mano* и *Extendió una mano en actitud suplicante* — пример А. Алонсо), что еще раз свидетельствует о незавершенности процесса.

Вопрос появления и развития артикля в испанском и романских языках детально рассматривается в книге Р. Г. Пиотровского по истории становления артикля в романских языках¹. Борьба конкурирующих форм в определенной грамматической категории позволяет раскрыть закономерности развития того или иного языка.

В латинском языке уже был новый принцип противопоставления указательных форм: *hic* и *iste* служат для указания на близкие предметы (причем *hic* постепенно заменяется на *iste*), *ille* — на далекие. Параллельно ослабляется указательное значение местоимения *is*, сокращается

¹ См.: *Пиотровский Р. Г. Формирование артикля в романских языках (выбор формы)*. М. — Л., 1960. 3-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2013.

сфера употребления *idem*, которое заменяется обычно местоимением *ipse*.

«Таким образом — пишет Р. Г. Пиотровский, — постепенно местоимения *hic*, *is*, *idem* начинают отступать перед теснящими их более экспрессивными формами *iste*, *ille*, *ipse*. Процесс этот протекал по-разному в различных стилистических сферах и неодинаково охватывал различные морфологические формы и синтаксические комбинации одних и тех же местоимений. Неравномерность этого процесса сыграла определенную роль при выборе единой артиклевой формы.»¹

Местоимение-сопроводитель существительного, восходящий к *ille*, чаще использовался в разговорных стилях народной латыни, а употребление *ipse* стало характерным для канцелярской деловой речи и торгового койне.

Важным шагом на пути к становлению артикля было и препозитивное синкопированное (усеченное) употребление местоимений-сопроводителей существительного *ille* и *ipse*, превращающихся в определенный артикль. Это обусловлено фонетико-синтаксическими тенденциями, характерными для романских языков. Местоимение — протоартикль (по терминологии Р. Г. Пиотровского) становится уже семантически несамостоятельным, служебным словом, а последнее чаще всего находится в препозиции к обслуживаемому им знаменательному слову, несущему собственное ударение.

Препозитивно-синкопированные формы встречаются в деловых документах уже в конце X в. Например, в кастильском документе 978 г.: “*el dia inna septimana inna aria iuxta el rozo...*”. В Эмильянских и Силосских глоссах также встречаются эти формы. В разговорной речи, как можно предположить, они употреблялись еще раньше, в XI в., о чем свидетельствуют данные топонимики в галисийском документе 866 г.: “*per terminum de penna do (de + lo) Vado*”.

В латинских документах, найденных на территории Испании, в VII в. преобладает препозитивное употребление *ille* и *ipse*, хотя нормой оно становится только в X в. В «Паломничестве Эгерии», памятнике народной латыни, *ille* в функции близкой артиклю используется значительно реже, чем *ipse*, как, например, в сочетании *ipsam ergo vallem*. *Ille* чаще всего употребляется как указательное местоимение в сочетании с относительным: *sale de illa parte, quam*. В VIII в. еще встречается, хотя и редко, пост-

¹ Пиотровский Р. Г. Формирование артикля ... с. 9.

позитивное употребление. Вероятно, во второй половине IX в. и в устной речи происходит синкопирование этих форм: протоартикл становится артиклем. Следует отметить, что *ille* в качестве личного местоимения несло на себе самостоятельное ударение, отсюда и различия в фонетическом развитии артикля и личного местоимения.

Ille становится *ela* (*ela mandatione, ela sua face*), артикл мужского рода *delo(s)* можно рассматривать как упрощенную форму от *dellos*, но там, где артикл следует за предлогами *con* и *en* (*cono, ena, enos*), *l* исчезает. Остаются формы мужского рода: **o**, **os** и женского **a**, которые сохранились в местных говорах Арагона и Наварры, а в западных районах Кантабрии дали нормативные формы артикля современного португальского языка.

В Силосских глоссах встречаются только две формы определенного артикля *illo, illa* и форма *illores* (*totu illo precio priso abent illores donnos...*), которая, вероятно, является латинизированной формой от *lures*.

Арагонские документы дают формы артикля *ego, ega* (в современных говорах верхнего Арагона *go, ga*), где *l > g*. В памятниках XIII—XIV вв. имеются формы артикля:

Ед. число		Мн. число	
<i>'l, el, il, lo</i>	<i>l, la, lla</i>	<i>los, llos</i>	<i>las, llas</i>
<i>no</i>	<i>na</i>	<i>nos</i>	<i>nas</i>
<i>o</i>	<i>a</i>	<i>os</i>	<i>as</i>

Представляет интерес энклитическая форма *'l*, которая указывает или на артикл мужского рода *fata = fata el*, или на артикл женского рода *lotra = la otra, del buena = de la buena*.

Формы *no, na, nos, nas* представляют собой энклитику с предлогами *en* и *con*. Такие же слитные формы зарегистрированы и с другими предлогами: *de illo > del; ad illo > al; con ille > conno; in illo > enno; pro illo > poral, per illo > pello; ante illo > antel, contra illum > contral; fastus illo > fastal; super illo > sobrel*.

Р. Г. Пиотровский видит в наличии слитных форм отголоски борьбы между фонетико-синтаксическим притяжением препозитивного артикля к впереди стоящему слову и семантико-грамматическим тяготениям к обслуживаемому им имени¹.

¹ См.: Пиотровский Р. Г. Формирование артикля ... с. 72 — 75.

Форма *lo* мужского рода происходит или из творительного падежа (лат.) *illo*, или же из винительного — *illum*. Позднее, в результате смешения с формой среднего рода *lo* (*illud*) она исчезла.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Особые свойства числительных проявляются в их следующих характеристиках: 1) семантическая близость; 2) высокая степень системности; 3) возможность образования новых путем циклического повторения старых элементов. Изменение латинских числительных в романских языках происходит без нарушения этих существенных характеристик.

Количественные числительные

Количественные числительные от одного до десяти в основном сохранились в народной латыни.

Значительно расширило свои функции числительное *unus*. Оно приобретает значение 'некий, какой-то' и употребляется вместо *quidam*. В этом значении *unus* могло иметь множественное число, — что часто встречается в народно-латинских текстах. В романских языках эта новая функция числительного *unus* обусловила появление неопределенного артикля.

У числительного *duo* в народной латыни зафиксированы формы трех родов: мужского *dui*, женского *duae* и среднего *dua*, причем числительное мужского рода датируется только III в.

<i>Nom.</i>	<i>dui</i>	<i>duae</i>	<i>dua</i>
<i>Acc.</i>	<i>duos</i>	<i>duas</i>	<i>dua</i>

Народнолатинский аккузатив виден в существующих в староиспанском *dos* (муж. род) и *duas, dues* (женск. род), которые в XIII в. слились в одну общую форму *dos*, а португальский еще сохраняет различие родов *dous (deis)* и *duas*.

С числительным *duo* конкурировало латинское *ambo*, имевшее в народной латыни те же флексии, что и первое:

<i>Nom.</i>	<i>ambi dui</i>	<i>ambae duae</i>
<i>Acc.</i>	<i>ambos duos</i>	<i>ambas duas</i>

В испанском языке эти формы всегда писались отдельно: *amos dos* и употреблялись для противопоставления двух каких-либо предметов или явлений третьему.

Числительное *tres* осталось таким же, как в классической латыни, но с единой формой во всех родах и для всех падежей. Остальные числительные, если не считать небольших фонетических изменений, также сохранили классическую форму. В народной латыни использовали также *quattor* вместо *quattuor* и *cinque* вместо *quinque*.

Числительные после десяти сохранили также латинскую форму с естественными фонетическими изменениями. Числительные, начиная с шестнадцати на Пиренейском полуострове получали новые формы по типу: *decem et ...* [(исп.) *diecisiete*, (ст. порт.) *dez e sete*]. Позднее в португальском языке появилась форма *dezassete*, которая заменила *dez e sete*.

В числительных, обозначающих десятки, уже в народной латыни было потеряно интервокальное *-g-*. *Viginti* > староиспанское *veínte*, португальское *vinte*. Современное испанское *veinte* отличается от старой формы ударением, что предполагает народнолатинскую *viinti*.

Форма *triinta* дала и испанское *treinta*, португальское *trinta*. Испанское *noventa* < *nonaginta* предполагает влияние формы *novem*.

Числительное *centum* дало испанское *ciento* *quingentos* > испанское *quinientos*; *mille* > *mil*; числительное *millón* появилось в Испании из итальянского языка, отсюда дальнейшее *billón*.

Порядковые числительные

Порядковые классические латинские числительные от 1 до 10 также сохранялись в народной латыни. Некоторые числительные имели несколько вариантов, что возможно объясняется «ученым» влиянием.

<i>лат.</i>	<i>исп.</i>	<i>порт.</i>	<i>кат.</i>
<i>primum</i>	(<i>primero</i>)	(<i>primeiro</i>)	(<i>primer</i>)
<i>secundum</i>	<i>segundo</i>	<i>segundo</i>	<i>segon</i>
<i>tertium</i>	(<i>tercero</i>)	(<i>terceiro</i>)	<i>tercer, terç</i>
<i>quartum</i>	<i>cuarto</i>	<i>quarto</i>	<i>quart</i>
<i>quintum</i>	<i>quinto</i>	<i>quinto</i>	<i>quint, cinque</i>
<i>sextum</i>	<i>sexto</i>	<i>sexto</i>	(<i>sisè</i>)
<i>septimum</i>	<i>séptimo</i>	<i>septimo</i>	(<i>setè</i>)
<i>octavum</i>	<i>octavo</i>	<i>oitavo</i>	(<i>vuitè</i>)
<i>nonum</i>	(<i>noveno</i>)	<i>nono</i>	(<i>novè</i>)
<i>decimum</i>	<i>décimo</i>	<i>decimo</i>	<i>desè</i>

Латинское *primum* (сохранилось в испанском *primavega* < *primum ver*). На основе *primero* < *primarium* — *один из первых, видный* с эмфатическим подчеркиванием смысла в испанском языке образовалось *postero*. *Tercero* восходит к *tertiarium*. Каталанские *setè* < *septem* и *novè* < *novem* и аналогичные им числительные зависели от этимологии исходного слова. В староиспанском были числительные с суффиксом **-eno**, **-emo**: *cuatreno*, *cinqueno*, *seiseno*, *seteno*, но в современном языке сохранилось только *noveno*.

Порядковые числительные классической латыни от одиннадцати в народной латыни вышли из употребления. Возрождение их в романских языках связывают с «ученой» традицией; например, испанские *undécimo*, *vigésimo*, *cuadragésimo*. В староиспанском языке существовали еще и *veinteno*, *treinteno*, аналогичные *noveno*, созданные с помощью суффикса **-eno**. В современном испанском сохранились только *docena*, *centena* со специальным значением. Числительные после тридцати полностью исчезли, в народной латыни сохранилось *quadragesima* — *сороковой*, перешедшее в испанское существительное *cuaresma* — *великий пост*.

Разделительные числительные *singuli*, *bini*, *terni* сохранились в народной латыни, но в романских языках, они, как правило, изменили свое значение. *Singuli* в испанском языке дает *singulos* > *sendos* со значением 'некоторые' (староиспанское *seños*). *Quaterni* стало *cuaderno* — *тетрадь*, т.е. лист, сложенный вчетверо.

Числительное *половина* в народной латыни *medietate* дает испанское *mitad*; *duplu* (кл. лат. *duplex*) > *doble*. Остальные: *triple*, *cuaduple* и т.д. образованы по уже имеющейся модели.

Испанские порядковые числительные характеризуются также наличием дублетных форм: *primo* и *primero*, *tercio* и *tercero*, *sesto* и *siesto*. В отдельных фразеологических словосочетаниях в современном испанском языке эти числительные употребляются и сегодня: *prima noche*, *tercio estado*, *número primo*.

Наличие дублетных форм у числительных во многом обусловило и их различную семантическую эволюцию. Так, *primo* значит также — *двоюродный брат* (*primo hermano*), *secundo* — *секунда*, *tercio* — *пехотный полк* в старой испанской армии, *quinto* — *рекрут*, *diezmo* — *десятина*.

ГЛАГОЛ

Парадигма глагола в классической латыни

Латинские глаголы группировались в четыре спряжения в зависимости от гласных *ā, ē, ě, ī*, предшествующих окончанию **-re**. Латинский глагол имел два числа: единственное и множественное, два залога: действительный (актив) и страдательный (пассив), три наклонения: индикатив, конъюнктив и императив и шесть форм для реализации временных отношений: одну форму для настоящего времени, три для прошедшего и две формы для будущего времени. Сослагательное наклонение имело те же времена, что и изъявительное, кроме будущих, отсутствие которых восполнялось описательными формами.

Кроме того, система глагола включала четыре отглагольных формы: инфинитив, герундий, супин и причастие.

Инфинитив имел два залога и в каждом залоге по три формы времени. Герундий (отглагольное существительное) изменялся по 2-му склонению и имел четыре падежа — родительный, дательный, винительный и творительный. Супин имел две формы, а причастие — четыре: две активные (настоящего и будущего) и две пассивные (прошедшего и будущего).

Некоторые глаголы имели только пассивную форму, при значении не пассивном, — это так называемые отложительные глаголы. Имелось также определенное число неправильных, а также безличных глаголов. Кроме того, классический латинский язык, испытывая постоянное влияние со стороны греческого языка, долго сохранял некоторые глагольные формы, давно уже потерявшие свои коммуникационные функции в разговорном языке: как, например, формы инфинитивов, супинума, некоторые формы конъюнктива и др.

Приведем пример с латинским императивом. Хотя это наклонение (некоторые исследователи полагают его вербоидом, т.е. гибридной формой: глагол + междометие) в принципе соответствует разговорному стилю, классический латинский язык образовал для него весьма развитую систему, а именно:

<i>Praes. act.</i>	ama amate	<i>Fut. act.</i>	amato amatote amanto (3-е л. мн. ч.)
<i>Praes. pass.</i>	amare amamini	<i>Fut. pass.</i>	amator amantor (3-е л. мн. ч.)

В испанском языке сохранилось из этой сложной системы только две формы настоящего времени (*ama, amad*), так как коммуникативное значение остальных форм было небольшим, а функционально им соответствовали более выразительные глагольные и лексические конструкции.

Развитие глагольных форм в народной латыни

Глагольная система в народной латыни испытала значительные изменения: многие формы классического глагола, имеющие специальные окончания, постепенно были заменены аналитическими формами. Тем самым выравнивалась парадигма спряжения пассивных форм.

Тенденция к предпочтению активных конструкций или безличных форм (*debet, potest*) перешла и в романские языки. Отложительные глаголы также приняли только активную форму: *irascere* вместо *irasci*, *sortio* вместо *sortior*. Ряд пассивных глаголов перешел в возвратные активные (не *littera scribitur*, но *littera se scribit*), глаголы *percreare, corrigere* стали употребляться как возвратные. У Плавта и Теренция пассивные формы употребляются с не пассивным значением. Причем они употреблялись вместе с подлежащим, указывающим на лицо.

Появились перифрастические конструкции с функцией будущего времени: *amare habeo*. Глагол *habere* с причастием другого глагола стал показывать на уже совершившееся действие *habere factum*. Для передачи пассивного залога появилась перифрастическая конструкция из причастия прошедшего времени и глагола *esse*: например, *amatus sum* сменил исчезнувшее *amog*.

Уже к I в. н. э. исчезает супин, его заменяет инфинитив. Герундий заменяется инфинитивом с предлогом или без предлога, за исключением герундия в аблативе. В народной латыни потеря *i* объединила формы герундия четвертого спряжения с формами второго и третьего, в то время как дифтонгизация *e* в окончании *-endo* дало в испанском единую форму для 2, 3 и 4-го спряжения *debiendo, rompiendo, viniendo*. В свою очередь, *yod* в окончании *-iendo* повлиял на гласные глагольного корня *servir* — *serviendo, dormir* — *durmiendo*.

Причастие настоящего времени изменилось функционально: оно стало использоваться и как прилагательное, и в роли существительного. Также, подобно герундию, оно используется в перифрастических конструкциях с *esse*: *si ipse est ascendens in coelos*. Причастие прошедшего времени

сохранилось в связи с использованием его в новых перифрастических конструкциях.

Инфинитив стал употребляться в роли существительного: *per malum velle perdidit bonum posse*; он заменяет формы конъюнктива с предлогом *ut*: *venit aliquis audire* вместо *ut audiret*; а также иногда придаточные вопросительные и относительные: *Non habent unde reddere tibi*. Инфинитив прошедшего времени в пассивной форме перестал употребляться.

Вышли из употребления и все формы императива кроме 2-го лица единственного и множественного числа, императив же в отрицательной форме заменился конъюнктивом. Функции конъюнктива сократились за счет индикатива. У писателей I — II вв. заметны колебания в употреблении этих наклонений. Своего род аналогом конъюнктива стали конструкции из глаголов со значением долженствования, употребляемых вместе с инфинитивом.

Имперфект конъюнктива заменился плюсквамперфектом, морфологическая характеристика которого выражена более ярко: *Timui ne inter nos bello fuissent orta* — *боюсь, чтобы между нами не вспыхнуло бы вражды*.

Система временных форм также претерпевала существенные изменения в народной латыни. В связи с колебаниями в морфологической характеристике глагола ее информативная значимость упала. Дополнительная информация для подчеркивания, например, актуальности действия вводилась с помощью наречий типа *nunc*. То же самое и для подчеркивания прошедшего времени.

Функции настоящего времени расширились за счет других времен, оно стало употребляться для выражения намерения, цели, результата действия в так называемом *presente pro futuro*. Обычно его употребляли в вопросительных предложениях и в условных периодах: *Quid ago?* В народной латыни отмечены колебания в употреблении «исторического настоящего времени». Некоторые латинские авторы, например Плавт, употребляли в одном ряду и настоящее время и перфект.

Прошедшее незавершенное (имперфект) приобрело новые функции: «имперфект для описания» и «имперфект вежливости»: *Quo nunc iba?* (*¿Dónde ibas ahora?*).

Система глагольных форм будущего времени, характерных для классической латыни, в народном языке исчезает, ее заменяют формы настоящего времени и конструкции: причастие будущего времени + *esse*; глаголы *velle*, *posse*, *debere* + инфинитив спрягаемого глагола. Наиболее часто

для выражения будущего времени употребляется конструкция *debere* + инфинитив нужного глагола. Глагол *debere* этимологически близок к *habere*. В образовании **dehibeo* < *de alio habere* — *иметь что-то от кого-то* исчезло указание на лицо *-alio*, произошло стяжение и семантических сдвиг *иметь от* = *быть должным*. В народном языке значение будущего времени сохранилось в *volo cantare: habeo ad cantare, habeo cantare* или *cantare habeo*.

В народной латыни сильный перфект на *-ui* вытесняет формы на *-i* и *-si*, а также формы перфекта с удвоением основы.

Вместо *seri* употреблялось *sarui* [(исп.) *sure*], вместо *veni* — *venui* [(ит.) *venni*], вместо *cesidi* — *cadui*, вместо *sarii* — *sarui* [(исп.) *sure*]. Предполагают, что кроме сильного перфекта в народной латыни сохранился и слабый перфект двух типов, которые можно восстановить из данных романских языков:

<i>cantai</i>	<i>dormii</i>
<i>cantasti</i>	<i>dormisti</i>
<i>cantant, -at</i>	<i>dormiunt, -it</i>
<i>cantamus</i>	<i>dormimus</i>
<i>cantastis</i>	<i>dormistis</i>
<i>cantarunt</i>	<i>dormirunt</i>

Причем переход *avit* > *aut* с вокализацией *v* найден недавно в помпейских надписях.

В народных латинских текстах исчез имперфект сослагательного наклонения, второе будущее время, которое сохранилось только на Пиренейском полуострове, но с изменениями значения. Полагают, что эта форма приобрела значение сослагательного наклонения в результате частотности употребления в условных предложениях, что зафиксировано в надписях. В староиспанском плюсквамперфект употреблялся также и как перфект, и как условное наклонение, а также как эквивалент формы на *-se* в *Imperfecto de Subjunctivo*.

Вспомогательный глагол *habere*, в частности, широко использовался и для построения будущих сложных времен. Его формы настоящего времени в народной латыни должны быть: **ajo*, **as*, **at* и 3-е лицо множественного числа **aunt* или **ant* [(исп.) *han*]. У другого вспомогательного глагола *esse* наиболее стабильными являются формы 3-го лица единственного и множественно числа. Форма 1-го лица единственного числа народной латыни *sum* > *so* существо-

вала в Испании наряду с *sujo, *sojo. В народной латыни причастие использовалось в качестве прилагательного.

Сфера употребления латинского герундия повсюду сужалась: venio ad legendum → venio (ad) legere, причем большую роль сыграло новое осмысление инфинитива. При выпадении во флексии герундия заударных *e, o* окончания -ando, -endo, -iendo (indo) смешивались с окончаниями причастий настоящего времени -ando, -ant, что привело к образованию прилагательных *viande, offrande*, которые потом переосмысливались как существительные (испанское *vian-da* является галлицизмом). В испанском языке причастие настоящего времени (ср. *espada çinēnte* в «Сиде», *murmurantes estamos* у Берсео) постепенно переходит в разряд прилагательного: *agua corriente, caliente* etc.¹

Глагол в испанском языке²

Эволюция глагольных форм в классической и народной латыни обусловила морфологические характеристики глагола во всех романских языках.

Наиболее последовательно эти изменения можно выявить при сравнении двух систем глагольного времени: аналитической (сложные временные формы) и синтетической (простые временные формы).

Сложные временные формы

Преобладающее развитие в романских языках получили перифрастические конструкции с новыми временными значениями. Парадигма будущего в романских языках включила, кажется, все возможные народные конструкции.

На Пиренейском полуострове использовались формы *habeo cantare* и *cantare habeo*.

Например, в «Песни о моем Сиде» мы встречаем: “*El Campeador a los que han lidiar tan los castigo*” наряду с: “*Pedir vos a poco por dexar so aver en salvo.*” Если *habere* следует за инфинитивом, между ними могло вставляться местоимение (*pedir vos a*).

¹ См.: Васильева-Шведе О. К. К вопросу о форме на -ante (-ente, -iente) в испанском языке. — Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 232, вып. 35, с. 85 — 119.

² См.: *Criado de Val M.* Historia del verbo en la literatura de Castilla la Nueva. Introducción. — Revista de filología española. 1955 (1956), t. 39, cuad. 1 — 4 p. 232 — 260; Арутюнова И. Д. Морфологические категории и структура слова в испанском языке (существительное и глагол). — В кн.: Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970; Катагощина Н. А., Вольф Е. М. Указ. соч., раздел «Глагол».

Позднее в испанском языке *habeo* слилось с глаголом, образовав его флексию.

Распространенность конструкций с *habere* предполагает не только использование его в новой функции вспомогательного глагола для образования одного времени, но и для создания новых временных форм (проявление тенденции к образованию по аналогии).

Комбинация *habere* в прошедшем времени с инфинитивом создала *conditional* романских языков.

Так образовалась форма на *-ia* в провансальском и испанском *cantare habebat*; > (исп., пров.) *cantaría*]. Основная форма *habebat* редуцируется в результате диссимиляции в *habeat* и после потери начального слога при употреблении в качестве флексии *-beat* > *-eat*. В португальском и староиспанском языке интеркаляция местоимения возможна и в данной конструкции (ср. *conbidar le ien* в «Песни о моем Сиде»).

Развитие системы прошедших времен из конструкции *cantatum habere* исследователи связывают с развитием новой системы будущего времени.

Конструкция *cantatum habere* была известна уже во времена Цицерона, но полное развитие она получила в религиозной литературе V — VIII вв.: “*Castra posita habebant*” («Паломничество Эгерии»). К этому времени система составного прошедшего времени уже полностью устанавливается.

На территории Пиренейского полуострова глагол *habere* соперничает с *tenere*¹. Однако в испанском языке сохранилось только *haber*: *he cantado*. Глагол *tener* используется для создания описательных конструкций, близких по значению прошедшим временам (ср. *tengo escrita la carta*).

Несколько сложных временных форм с глаголом *esse* появилось у пассивного залога (*amatus sum* etc). На Пиренейском полуострове вспомогательный глагол *ser* < [(народ. лат.) *sedere* + (лат.) *esse*] используется для образования перфекта от непереходных глаголов (ср. *en ora buena fostes nado* в «Песни о моем Сиде»).

Простые временные формы

Основное различие между соответствующими простыми временными формами романского и латинского глагола можно видеть только на фонологическом уровне. Форма настоя-

¹ Об употреблении глаголов *tenere* и *haber* в текстах XII—XIII вв. см.: *Зубова Т. Е.* Выражение значения «обладания» в староиспанском языке. — В кн.: *Романо-германское языкознание.* Минск, 1969, вып. 2, с. 32 — 45.

щего времени, как изъявительного, так и сослагательного наклонения, менялась вместе со сменой ударения, вызывая фонологические изменения в корне слова. Это так называемое явление апофонии (сдвиг звука), которое, как полагают, началось в народной латыни, хотя письменных свидетельств этого не сохранилось.

Кроме ударения, на развитие формы глагола влиял *yod*, хотя в народной латыни он не менял характеристику глаголов 3-го лица множественно числа: *facunt* вместо *faciunt*, *quiescunt* etc. *Yod* сохранился в 1-м лице единственного числа [ср. (фр.) (*je*) *puis* < **poteo*; *je* *muir* < **morio*], но его нет в (исп.) *tengo*, *puedo*. Отпадение конечного -t — другой фонетический фактор — обусловил различия в спряжении французского и испанского глагола, с одной стороны, итальянского и румынского, с другой.

Настоящее время индикатива в испанском языке сохраняет образец спряжения западного типа:

<i>лат.</i>	<i>исп.</i>	<i>лат.</i>	<i>исп.</i>
<i>canto</i>	<i>canto</i>	<i>teneo</i>	<i>tengo</i>
<i>cantas</i>	<i>cantas</i>	<i>tenes</i>	<i>tienes</i>
<i>cantat</i>	<i>canta</i>	<i>tenet</i>	<i>tiene</i>
<i>cantamus</i>	<i>cantamos</i>	<i>tenemus</i>	<i>tenemos</i>
<i>cantatis</i>	<i>cantáis</i>	<i>tenetis</i>	<i>teneís</i>
<i>cantant</i>	<i>cantan</i>	<i>tenent</i>	<i>tienen</i>

Тот же тип спряжения сохранили каталанский и португальский языки.

Морфологическая характеристика изменений суффикса *-esc/-isc* в различных романсе совпадает с различными фазами изменений в народной латыни. На Пиренейском полуострове был распространен инхоативный суффикс *-escere*. С его помощью образовалось много глаголов на *-ecer*, хотя инхоативный характер суффикса был утрачен. Все глаголы на *-ecer* вошли во второе спряжение.

Чтобы дать представление о различиях в реализации временных форм неправильного глагола, ниже приводится парадигма спряжения глаголов *ir* (каталанское *anar* < *andare*) и *ser*.

<i>исп.</i>	<i>порт.</i>	<i>кат.</i>
<i>voy, soy</i>	<i>vou, sou</i>	<i>vaig, so, soc</i>
<i>vas, eres</i>	<i>vais, es</i>	<i>vas, ets</i>
<i>va, es</i>	<i>vai, e</i>	<i>vas, es</i>
<i>vamos, somos</i>	<i>imos, somos</i>	<i>anem, som, sem</i>
<i>vais, sois</i>	<i>ides, is, sois</i>	<i>aneu, sou, seu</i>
<i>van, son</i>	<i>vam, são</i>	<i>van, son</i>

Настоящее время латинского конъюнктива смешивалось в эволюции с индикативом, в разговорной речи это наклонение не употреблялось.

Особенно прочно с исходной классической формой связана парадигма испанского романсе. Ср. (лат.) *cantem, cantes, cantet, cantemus, cantetis, cantent* и испанскую параллель: *cante, cantes* и т.д. Неправильные глаголы дают: *habeam* > (народ. лат.) **aja* > (исп.) *haya*. *Sim* смешивался с *sedeam* > (народ. лат.) **sedja* > (исп.) *seya* > *sea*.

Имперфект изъявительного наклонения имел три типа флексий: **-abam, -ebam, -iebam**. В верхнем Арагоне, районе с достаточно консервативными тенденциями, и сейчас говорят *cantaba, teneba, dormiba*, но нормальная фонетическая эволюция дает *-ea, -ié, -ie, -ía*, с позднейшей единой формой *-ía* на территории Испании. Характерно также смещение ударения в 1-м и 2-м лице множественного числа (*cantábamos*).

Эволюция перфекта несколько сложнее. К имеющимся двум парадигмам слабых форм (см. выше) в народной латыни на Западе присоединялась третья с характерной гласной **-e**, как бы компенсирующей потерю *-evi*. Все три типа находят свое отражение в парадигме португальского перфекта. Португальский язык демонстрирует нам свое особое положение в эволюции народной латыни, сохраняя почти в неприкосновенности следы более раннего языкового состояния.

В Испании 1-я парадигма перфекта сохранилась, а остальные две слились с преобладанием типа и над *ei*, от которого осталось лишь 3-е лицо множественного числа — *vendieron*. В староиспанском встречаются еще две формы: *vendiemus, vendies* — *tes*, так же как и аналогичные: *partiemus, partiestes*.

Сильный перфект на Пиренейском полуострове, за исключением нормальной фонетической эволюции, сохраняет классическую форму. Даже тенденция к замене форм *-i, -si* на *-ui* имеет ограниченное распространение и охватывает немногие высокочастотные глаголы: *sarui* > *sore*, *habui* > *ove*, *potui* > *pude* и т.д.

Развитие перфекта на *-si* (индоевропейский «сигматический» перфект), шло параллельно с развитием причастия прошедшего времени, если последнее имело флексию **-sus**: *cursus, arsus*. Однако эта линия развития, начатая в народной латыни, практически, за немногими исключениями, не нашла продолжения в романских языках:

(лат.) misit	(ст. исп.) miso	(совр. исп.) metio
(лат.) dixit	(исп.) dijo	(порт.) disse
(лат.) pos(u)it	(исп.) puso	(порт.) pos

Остатки латинского второго будущего времени сохранились на Пиренейском полуострове в функции futuro de subjuntivo. В испанском в форме *cantare* этимологическое **o** изменилось на **-e** под влиянием других форм: *vendiere*, *partiere*. *El que aquí muriere lidiando de cara* в «Песни о моем Сиде».

Но к концу Средних веков второе будущее вышло из употребления. Сейчас эта форма широко используется в специальных (особенно юридических) текстах, но в разговорной и литературной речи используют ее только в ряде выражений и фразеологизмов (*sea lo que fuere*).

Четыре латинских спряжения прошли следующую эволюцию на Пиренейском полуострове.

Первое спряжение сохранилось в наиболее полном виде, вероятно потому, что фонема **a** в окончании глаголов этого спряжения одна из наиболее стойких в фонологической эволюции. Сюда входят все классические латинские глаголы на **-a**, а также глаголы, образованные от супина: *cantum* > *cantare*, хотя в латыни было *cantere*, а также глаголы на **-icare** типа *otorgar*; **-ntare** = *sentar*, *idiare* (греческого происхождения — *idsein*), давшие глаголы на **-ear** (*colorear*), на **-ar** (*plantar*), и ученые образования, впервые появившиеся в церковных текстах **-izare** (*colonizar*). К этой группе относятся и многие глаголы германского происхождения на **-an**, **-jan** (*witan* > *guíar*, *waidanjan* > *ganar*) и греческие типа *gobernar*, *blasfemar*.

В современном испанском языке — это также наиболее многочисленное и продуктивное спряжение, постоянно пополняющееся все новыми глаголами.

Во второе спряжение на Пиренейском полуострове кроме латинских глаголов 2-го спряжения вошли многие глаголы классического 3-го спряжения, что связано с нестабильностью ударения (эти спряжения различались вначале по принципу краткость/долгота окончания). Рудиментарные остатки 3-го спряжения можно видеть в средневековых формах *far*, *fer* < *facere*. Полагают, что на образование испанских форм глагола настоящего времени от *habere*: *ho*, *has*, *ha*, *han* могла повлиять аналогия с формами глаголов *dare*, *stare*.

Третье спряжение перестало существовать, растворившись во 2-м и 3-м испанских спряжениях.

Четвертое спряжение (в испанском третье) включает глаголы латинского 4-го спряжения, а также ряд глаголов остальных спряжений, в частности, глаголы 2-го и 3-го спряжения, у которых окончание *-ea* перешло в *-io*, принимая таким образом вид модели *audio*. Так возникло *gídire* вместо *gídere*, *lucíre* вместо *lucere* и т.д. В 4-е спряжение перешли и германские глаголы на *jam*: *kun-diam* > *cundir*.

Все указанные изменения в глагольных формах завершились в испанском языке к XIII в. В ходе становления новых форм, проходившем очень медленно, возникло множество соревнующихся форм, а также появлялась тенденция к возвращению старых форм.

Например, в спряжении глаголов в XIII — XV вв. можно наблюдать употребление устаревших форм, хотя были и современные: *vestir* (*visto*): *quiero* и *quise*; *tango* и *tañes* (*tanzas*); еще соперничали: *mise* — *meti*; *ciñe* — *ceñi*; *escriso* — *escribio*.

В «Песни о моем Сиде» встречается *sedi* (=residira), *yazies* и *yaciase*, *dormie* и *dormia* и т.д.¹ У Р. Лапеса приводится документально зафиксированные примеры нестabilityности флексий у глагола:

<i>feziste</i>	<i>fiziste</i>	<i>fizieste</i>	<i>fezist</i>
<i>fizist</i>	<i>fiziest</i>	<i>fezieste</i>	<i>feziest</i>

Однако в XIV в. уже можно говорить о нормализации флексий как имперфекта, так и кондиционала: формы на *ie*, *ie* понемногу уступают место формам на *ía*, *gía*.

Начинает исчезать *d* во втором лице множественного числа *sodes* > *soes*. Формы *-ades*, *-edes*, *-ides* соответственно принимают вид: *-ais*, *-eis*, *-is*, но еще долго встречаются *amás* вместо *amais*, *tenés* вместо *teneis* и им подобные.

До эпохи Возрождения сохранились: *imos*, *ides* вместо *vamos*, *vais*; *fuestes*, *fueimos* вместо *fuisteis*, *fuimos*. С другой стороны, нередко встречаются *sei* вместо *se*, *seido* вместо *sido*, *veyendo* вместо *viendo*.

В глагольных формах в XV в. отражены процессы релатинизации, возвращения к нормам классических латинских форм и т.д.

Сопоставительный анализ морфологии глагольных форм

¹ См. *Gilman S.* The imperfect tense in the "Poema del Cid". — *Compar. litr.*, 1956. Vol. 8, n° 4, p. 291 — 306,

в иберо-романских языках¹ позволяет говорить об их исторических связях и специфике по сравнению с другими романскими языками.

В морфемной структуре испанского глагола практически нет черт, которые были бы несвойственны португальскому языку. Вместе с тем в этих двух языках в отличие от каталанского нет унификации спряжений; в конъюнктиве настоящего времени первое спряжение изолировано от остальных двух. В свою очередь, в каталанском языке имеются только два спряжения в индикативе. За исключением португальского, ни один иберо-романский язык не имеет личного инфинитива.

Этим практически исчерпываются все различия в морфологии глагола в иберо-романских языках, в остальных характеристиках они совпадают. Наибольшим числом специфических черт обладает румынский язык: в нем — четыре формы инфинитива и четыре спряжения, а кроме того, различия в образовании конъюнктива и некоторые другие.

Испанский, португальский и каталанский языки не только гомогенны в глагольной системе, они приблизительно одинаково обособлены и от других романских языков: в наибольшей степени они расходятся с французским языком (особенно в формах настоящего времени индикатива и конъюнктива). На семантическом уровне указанные выше сходства и различия этих языков также сохраняются.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ПРЕДЛОГИ

Латинский язык имел развитую систему предлогов, которые, как правило, употреблялись с винительным и творительным падежами, т.е. с теми падежами из латинской парадигмы, которые оказались наиболее стойкими в процессе эволюции. Эта система коррелировала с другой — системой глагольных приставок, что в принципе ограничивало круг основных функций предлогов только одной — словосочетательной (синтаксической). Падежная же функция (в синтагме с падежной формой) практически не получила развития в литературном языке. В классической латыни встречается *marmoreum templum* и *templum de marmore*, *liber Petri* и *liber de Petro*; перед названием городов

¹ См.: Лухт Л. И. О специфике иберо-романских языков (на материале морфологии глагола). — В кн.: Первая Всесоюзная конференция по испанской филологии. Л., 1970, с. 66 — 67.

пользовались как простым винительным, так и винительным с предлогом: *eo ad Romam*, но сочетания с предлогом стали употребляться позднее.

В народной латыни, где именно падежная функция получила основное развитие¹, большинство новых предлогов, особенно в позднейший период, уже не находило опоры в параллельных приставках. Кроме того, в народном латинском языке шире использовались предлоги, которые мало употреблялись в классическом языке. Появившиеся новые предлоги, а также использование старых в несвойственных им значениях обеспечили дальнейшее развитие синтаксической функции предлогов.

Классические латинские *ab*, *ex*, *ob* постепенно уступают место *de*, *per*. Наиболее частотными во всей Романии стали *ad*, *contra*, *de*, *in*, *intra*, *super* (*supra*), *versus*, *per*, *pro*.

На Пиренейском полуострове довольно скоро *per* было заменено на *pro* (отсюда позднейшее *por* < *pro* и *para*, староиспанское *pora* < *pro* + *ad*), большое распространение получил предлог *tras*, давший также производное *detrás* < *de* + *trans*, *cerca* < *circa*. *Cum* сохранился почти повсюду (исп.) *con* < *cum*, < (рум.) *cu* и т.д.

С другой стороны, отдельные латинские наречия стали употребляться как предлоги: *subtus* > (ст. исп.) *soto*, (фр.) *sous*; *sursum* > (нар. лат.) *susum* > (исп. порт.) *suso*. Уже в народной латыни были распространены составные сложные предлоги, которые часто заменяли простые формы: *in versus* > (фр.) *envers*², *de retro*, *de unius*, *sub longe* (оставшиеся во французских *derrière*, *dans*, *selon*), в Испании же первые две формы не получили развития, а вместо *selon* < *sub longe* стал использоваться классический *secundum* > (ст. исп.) *segunt*, *segundo* — (совр. исп.) *según*.

В испанском языке осталось еще несколько классических и народнолатинских предлогов: *inter* > *entre*, *super* > *sobre*, *post* > *pues*, *sine* > (ст. исп.) *sen* > *sin*, *sub* > *so*, *de* + *extra* > (ст. исп.) *estra* (*giestra* в Силосских глоссах), *cata* > *cada*, *de* + *ex* + *de* + > *desde*; *de ex* > (ст. исп.) *des*; *fronte* > *frente*, по аналогии с ним также *facie ad* > *faz a* = *faza* и фор-

¹ См.: Реферовская Е. А. Развитие предложных ..., с. 4.

² С другой стороны, классическое *adversum* не получило распространения. И в испанских глоссах мы читаем: *adversum*: *contra*. А рядом *in occursum eorum*: *in contra illos*, которое также не развилось в Испании, хотя в соседней Франции дает употребительное в старофранцузском *en contre*. В староиспанском мы имеем формы *cuentra* и *vieso* < *versus*.

ма caput > cabo, cab, cabe, а в народном языке cara (cara al monte). Подобное же образование имеет средневековый предлог *latus*: *latus al agroio*. Позднелатинское *per girum* дает современное *alrededor*, а также народное *alderedor*; *denante* > *delante*: эта форма образовалась из трех латинских предлогов *de* + *in* + *ante*. Много форм зарегистрировано у предлога *fasta* (арабского происхождения): *ata*, *hatta*, *adte*, *fasta*, *fata*, *ffasta*, *hasta*, *adta*, *avzta*, *hata*. Многие предлоги не сохранились после средневекового периода.

СОЮЗЫ

Практически все классические латинские союзы исчезают в народной латыни. В надписях не встречаются *enim* и *nam*, *igitur* и *itaque*. Сохранились самые простые союзы, но они меняли значение, усиливались, пересоздавались различными способами.

Соединительный союз *et* остался в испанском романсе: *et*, *e*, *i* > в графике *u*, которое читалось как *i* уже в начальный период, когда писалось только *et* или *e*.

Союз *ne* дает испанское *ni* (*nes* < *nen* — *ni* — *nin*), разделительный *aut* > испанское *o*. В значении 'но' использовался латинский *magis* > *mas* или же, как альтернатива, *per hoc* < *pero*.

Подчинительный союз *quum* вышел из употребления, *quando* сохранился в испанском *cuando*. Условные предложения вводились в латыни союзом *si* [(нар. лат.) *se*], в современном испанском языке остался классический вариант. Однако в староиспанских текстах повсеместно встречается и *ge* = *se*.

С латинским причинным *quare* связывают средневековый союз *ca* (у Берсео — *qua*), хотя некоторые исследователи выводят испанскую форму из *quia* (*qu(i)a*). Причастие *quomo(do)* > испанское *somo* = *суето* становится союзом еще в народной латыни.

Появление *que*, как полагают, связано с исчезновением частотного союза *ut*. Фонетическая характеристика *ut* благодаря его близости к *aut* могла приводить к смешению. Его заменили универсально употребляемые формы *quod*, *quo*, эволюционировавшие в *que* [(исп., фр.) *que*, (ит.) *che*, (рум.) *că*].

Ниже приводятся наиболее распространенные союзы, встречающиеся в испанских памятниках XIII—XIV вв. Орфографические особенности памятников сохранены.

1. Соединительные: *e*, *he*, *hy*, *et*, *ni*, *ny*, *nin*, *nen*.

2. Противительные: *maes, mais, mays, mes, max, maguey*, (и уступительный) *maguer, maguera, magar* (< *male gratium*?) — *хотя, даже* и в этом же значении: *aun si < ad + hunc* и *si*.

3. Причинные: *ca* — *ибо, потому что*.

4. Условные: *se, ge, sy*.

5. Разделительные: *hu, ho* < *aut* (совр. исп.) **o**.

6. Сравнительные: *cuemo, como*.

7. Следственные: *doncas* < *ad + tunc* — *затем, вследствие чего*.

НАРЕЧИЯ

Наречие, будучи модификатором глагола в той же мере, в какой прилагательное является модификатором существительного, входит в совокупность языковых средств, передающих идею уточнения аспекта действия, его характеристики, степени и сравнения. Последнее, например, в народном латинском языке осуществлялось прибавлением к нужной форме предшествующих *plus* или *magis* как и у прилагательных. Некоторые прилагательные перешли в романских языках в наречия: (лат.) *minus*, (исп.) *menos*, (ит.) *meno*; (лат.) *melius* > (фр.) *mieux*.

Испанская система наречий и наречных форм развилась из латинских и народнолатинских наречий, которые были преимущественно синтетического плана. Но в латинском языке спорадически появлялась аналитическая форма типа: *mente ferant placida* (Овидий) или в соположении *bona mente factum* (Квинтилиан). Эта форма и перешла в западные романсы: (исп.) *buenamente*, (ит.) *buonamente*, (фр.) *bonnement* и т.п. Она постепенно внедрялась в язык в качестве новой аналитической формы наречия, формальным показателем которого становится универсальный адвербиальный суффикс **-mente** (из латинского существительного *mens, mentis*). Он мог писаться вместе и отдельно с относящимся к нему словом. Если использовались два наречия, было достаточно употреблять **-mente** только с одним из них: *villana et asperamente*. Эта конструкция и до сих пор является нормативной в испанском и португальском языках. С другой стороны, в староиспанском и провансальском *mente* присоединялось к первому наречию: *francament e cortes*.

В староиспанском языке семантика слова *mente* долго сохранялась. *Mente* конкурировала с германским анало-

гом *guisa* < *wisa*¹, из которого образовали глагол *guisar* и который сохранился в некоторых фразеологизмах типа *a guisa, de tal guisa* и др.

Постепенно новый способ образования наречия стал преобладающим, а затем и единственным. Латинизированные формы на **-e** и на **-iter** стали редкими («Глоссарий из Рейхенау» дает *solamente* вместо *singulariter*) и в романских языках сохранились как исключение: сюда относится, во-первых, само название романских языков *romance* < *romanice*, а также ряд высокочастотных слов типа: *male* и *bene*. Последний сохранился повсюду: (исп., фр.) *bien*, (порт.) *bem*, (ит.) *bene*, (рум.) *bine*; также *tarde* > (исп.) *tarde*, *pure* > (ит.) *pure*.

В западной Романии были и другие способы образования наречий. К ним относится окончание **-s**, использовавшееся в качестве суффикса наречия в связи с тем, что наиболее частотные латинские наречия имеют именно это окончание *plus, magis*. Это неэтимологическое **-s** можно видеть и в испанском *entonces* < *intunce* (хотя в старопортугальском *entonce*), *mientras-mientra*; (*mientra* вместо *mientre* под влиянием *nunca, cerca*), *nunqu* > *nunquas*, *ante* < *antes*. В «Glosas de Silos» *fuertementre* принимает окончания *s, z* и *a*. С другой стороны, этимологическое **-s** в *fueras* исчезает.

Другой способ образования новых наречных конструкций представляют собой комбинации предлога и наречия. *ad satis* > (ст. исп.) *asaz*, (ит.) *assai*; *in simul* > (ст. исп.) *ensiemo*, (фр.) *ensemble*; *subinde* > (пров.) *soen*, (фр.) *souvent*, заменивший *saepe*; *de unde* > (исп.) *donde*, (фр.) *dont*, *de ubi* > (ст. исп.) *do*², (ит.) *dove*; *de mani* > (ит.) *demani*, (фр.) *demain*; *in tunc* > (ст. исп.) *en ton* > *entonces*, (порт.) *então*, к романской форме которых присоединилось **-e** ложно этимологическое (латинский суффикс наречия). Иногда это два наречия, эмфатически усиливавшие форму: *dum interim* > (исп.) *(de) mientras*, (ит.) *do mentre*.

В «Глоссарии из Рейхенау» встречаются наречия, образованные с помощью *vicem* > (исп.) *vez* (*vicessim: pervices; semel: una vice; iterum: alia vice*). В испанском языке есть *tal vez* < *talem vicem*.

Латинское прилагательное *multum* > *muito* > *mucho* пе-

¹ См.: Гомес Х. Х. Об историческом развитии испанских адвербиальных суффиксов *-mente, -guisa* и *-cosa*. — В кн.: Романо-германская филология. Л., 1957, с. 138 — 149.

² (ст. исп.) *do* < *de ubi*, сохранившиеся и сегодня в поэтическом языке, принято считать апокопированной формой от *donde*.

решило в наречие и могло иметь краткую форму *muy*, соответствующую по значению латинскому *valde* (в препозиции к прилагательному и причастию, обозначавшему более высокую степень качества). Формы *muy* и *mucho* часто встречаются в одном обороте: *varones muy grandes et mucho estimados*; *sennor muy piadoso mucho ondrado*. *Mucho* используется с адвербиальным оборотом: *se facen mucho menudí*. *Muy*, как правило, заменяет полную форму перед наречием *mais* и прилагательным *mejor*: *muy mais grave culpa*, *muy mejor probada*.

Más, сохраняя формальную близость к *magis*, приняло значение латинского *plus* и употреблялось с *de* [(лат.) *plus pecuniae* переводится *mas de dinero*] *mais de mercet* и т.д. Также употреблялось и *cuanto* “quanto de terreno...” Однако ее антоним наречие *tanto*, хотя и требовало той же конструкции, использовалось вначале как прилагательное, отсюда согласование в роде с существительным: *otra tanta de miesse*.

В качестве наречий количества вместо *asaz* в конце Средних веков употребляли *bastante*, *harto* — *достаточно* или производное *demasiado* (исп.) *demas*, (порт.) *demais* < *de magis*), но еще у Сервантеса встречается *asaz*. Используются также *cuasi*, *cas* < *quasi*, заменившее архаическое *feze*, *росо* < *раусо* и т.д.

Система наречий места включает в себя *ahí* < **ad hic*, *aquí* < **accu hic*, *acá* < **accu hac*, оказавших, как полагают, влияние на начальный звук в наречиях *allí*, *allá*, соответственно, < *illic*, *illac* + *ad*.

Латинские *ubi* [> (исп.) *o*] и *quo*, смешиваясь в употреблении дали много новых форм, которые исчезли к концу Средних веков.

Сохранились *ab* + *ante* > *abante*, *sursum* > *suso*, *ad* + *deorsum* > *ayuso*, *ad* + *retro* > *arriedro*, *unde* > *onde*, *inde* > *ende*; *de* + *inde* > *dende*, а также: *cerca*, *fuera*, *aquende*, *allende* и др.

Среди других наречий — *como* (варианты и диалектные формы *cuerno* — *cuomo*), *sí*, *no* < *non*, *quizá* < *qui* + *sapit* и др.

Наречия образа действия включают в себя наречия: *bien*, *mal*, *así*, *arenas*, *despa cío* и другие, а также наречия на *-mente*. Конверсионные нормы наречий на *-mente* на протяжении веков менялись. Если в современной грамматике наречия на *-mente* могут быть образованы далеко не со всеми прилагательными, то в средние века сфера их образования была практически безграничной.

ГЛАВА 5

ИЗМЕНЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В синтаксисе традиционно включают вопросы, относящиеся к предложению и к словосочетанию (как «сложному непредельному составляющему предложения»¹.) Грамматики античности полагали под синтаксисом учение об отношениях слов и грамматических форм и выделяли отношения соответствия (*concordancia* — *сочинение*), касающиеся отношения существительного и глагола, прилагательного и существительного и т.д.; отношения зависимости (*regimen* — *подчинение*, охватывающие вопросы управления глаголов, употребления прилагательных с относящимися к ним предлогами и др. и, наконец, отношения места (*constructio* — *порядок слов*.)

В латинской грамматике в основном обращалось внимание на стилистические возможности, вытекающие из отношений соответствия и зависимости.

Синтаксис испанского языка получил свое развитие только в эпоху Возрождения. В «Грамматике» Небрихи (1492 г.) синтаксис выступает как учение о “orden e ayuntamiento de partes”. Крупнейший филолог испанского Возрождения Франсиско Санчес де лас Бросас (“El Brocense”, как его принято называть в испанской и Sanctius в латинской традиции) поставил учение о синтаксисе (1562 г.) во главу занятий грамматикой вообще как конечной их цели: “sed oratio sive syntaxis est finis grammaticae”.

В «Кастильской грамматике» К. де Вильялона (1558 г.) синтаксису и, в частности, порядку слов придается большое значение: “Es de notar, que toda la dificultad de la lengua Castellana está en saber bien ordinar una clausula... Lo qual es lo último y principal que con esta nuestra arte intentamos enseñar”. Однако практически Вильялон описывает отношение не слов, но риторических фигур.

Если в трудах ученых Возрождения отстаивались нов-

¹ Ср. общее определение синтаксиса (1) в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М.: URSS, 2014, с. 409). Отметим также, что особенности синтаксиса каждого данного языка во многом зависят и от состояния письменной традиции, от семантики образующих предложение (высказывание) единиц, категориальные особенности которых соотносятся с содержательностью категорий синтаксиса, от стилистики жанра и других факторов. См.: Будагов Р. А. К теории синтаксических отношений. — Вопросы языкознания, 1973, № 1.

шества романской культуры в области фонетики, морфологии и лексики, то в синтаксисе они продолжали ориентироваться на достижения «классических» языков греческого и латинского, так как синтаксис народной латыни не был достаточно развит по сравнению с синтаксисом классических языков.

Произвольный порядок слов в высказывании возможен только в том случае, если в слове слиты все его характеристики. В латинском слове были не дифференцированы морфологическая и лексическая характеристики слова. Если *padre* в испанском языке — это лексическая единица с затушеванной морфологической характеристикой, то латинское *pater* и его производные *patris*, *patrem* и т.д. воспринимались как единство лексического значения 'отец' и морфологического: единственное число, именительный падеж, мужской род. Они не существовали отдельно.

Таким образом, в предложении: *mater amat filiam* слова могут быть переставлены без ущерба для смысла в любом порядке, но испанское предложение требует строгого порядка слов: *madre ama a su hija*, здесь морфологический показатель отношения подчинения находится не в самом слове, но вынесен в предлог. В синтетических языках, порядок слов более свободный, чем в аналитических. Порядок слов в высказывании зависит также от преобладания гипотаксиса (в классическом языке) или паратаксиса (в народном и романском языках).

С гипотаксисом (отношения подчинения) связано развитие аналитической способности мышления, его абстрагирующих возможностей и т.п. Так, как на первый взгляд, высказывания: «Он не пришел потому, что был болен» и «Он был болен и не пришел» кажутся неравноценными. Первое явно свидетельствует о большей четкости анализа ситуации, о ее причинно-следственных связях, выраженных в языке. Однако в этих предложениях есть и другой аспект — в них выражены различные виды речи: письменный и устный. Следовательно, отношения подчинения — это в большей степени показатель письменной культуры, и для языка в целом эти отношения могли иметь и стилистическое значение.

В так называемых позднелатинских текстах отражены изменения в глагольном управлении, а следовательно, и в синтаксисе высказывания. Хотя соперничество беспредложных и предложных форм дополнения существовало давно, еще в архаической латыни, но новый способ введения дополнения не был развит в связи с тем, что пре-

обладание аналитических форм словосочетаний над неаналитическими полностью развилось только в романских языках, где отчетливо выступают именно структурные функции предлогов¹.

Поэтому изучение испанского исторического синтаксиса начинается с вопросов латинского предложения.

В учении о предложении главным вопросом является порядок слов или последовательность элементов речевой цепи, «как первый и главный синтаксический прием, находящий свое обоснование в линейном характере языка... Порядок элементов в синтаксической модели является приемом потому, что он наличествует в любых синтаксических построениях и имеет место в языках любого морфологического строя»².

Важна и другая сторона проблемы, подчеркнутая Р. А. Будаговым, отмечавшим, что порядок слов, как и всякая другая проблема строя языка может иметь два аспекта — типологический и конкретно-исторический. Однако эти аспекты должны не смешиваться, а изучаться во взаимодействии. Исследователь должен понять, что в этом вопросе может быть названо общелингвистическим и что определяется особенностями строя различных языков³.

ЛАТИНСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Изучение латинской грамматики и, в особенности, латинского синтаксиса затруднено тем, что римские грамматисты, как позднее и европейские, стремились приспособить нормы, по их мнению, более «авторитетного» греческого языка для описания латинского языка. Грамматику не письменного, а устного латинского языка можно только восстанавливать по случайным и отрывочным замечаниям в основном конкретизирующего плана в трактатах по грамматике⁴, а также по произведениям Плавта, Теренция и др.

Большое внимание, уделяемое именно устному аспекту вполне закономерно по многим причинам, из которых главная — зависимость письменного языка от экстралингвисти-

¹ См.: Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков с. 342.

² Ярцева В. Н. Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. с. 44.

³ См.: Будагов Р. А. Язык, история и современность. М., 1971, с. 222.

⁴ Изданы в прошлом веке (1857 — 1888 гг.) в семи томах «Grammatici latini». Список авторов включает Присциана (IV в.), Проба (III — IV вв.), Доната, Сервия (IV — V вв.), Макробия (V в.) и др.

ческих факторов. Отработанность письменного языка зависит во многом от стилистических, художественных и других факторов. Латинский же синтаксис помимо ориентации на чуждые ему во многом правила греческого синтаксиса, характеризуется еще и установкой на ораторскую речь, правила которой определялись риторикой. В особенности это заметно в синтаксисе периода — единице латинского синтаксиса более крупной, чем простое предложение¹, и в сохранении определенного порядка слов в ряде сочетаний и т.д.

В латинском языке для осуществления коммуникативной функции использовались ряды слов, вступающих друг с другом в синтаксические соотношения. Одни из этих слов занимали главенствующее место в предложении и поэтому выделялись своей грамматической формой. Другие только несли признаки вступающих с ними в сочетание слов, т.е. были менее самостоятельными.

Развитый синтаксис латинского языка позволял уже при главных членах предложения иметь целые группы определяющих слов (синтаксические группы подлежащего и сказуемого). Такие группы могли передавать и объектные отношения в группе сказуемого, выражать признак предмета при других членах предложения (атрибутивные группы в составе более сложной синтаксической группировки), могли выдвигаться на самостоятельные позиции в предложении в виде вводных слов и предложений.

Таким образом, в латинском языке достаточно точно и характерно оформлялось подлежащее, сказуемое, дополнение и их связи друг с другом.

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Одним из важнейших явлений в синтаксисе любого языка является порядок слов в предложении. Слово, будучи элементом речи, грамматически определено в предложении по связям с другими словами, от которых оно зависит или которые зависят от него. Е. А. Реферовская предлагает: « ... изучать положение в предложении какого-либо определенного члена предложения, а также установить его отношение к ближайшим связанным с ним сло-

¹ Период образуется, когда придаточное предложение стоит впереди главного или когда одно или несколько придаточных вводится в главное предложение. Если же главное предложение предшествует придаточному, периода, согласно правилам риторики, не образуется.

вам... исследовать роль грамматической природы в определении его места в предложении»¹.

Порядок слов в классической латыни был относительно свободным. Расположение слов диктовалось как требованиями грамматики, так и стилистики и риторики. Однако существовал и ряд ограничений.

Классический вид предложения таков: на первом месте подлежащее и все относящиеся к нему слова, на последнем сказуемое, перед ним — все дополнения сказуемого. Вопросительное предложение начинается с вопросительных слов, союзы или относительные слова вводят придаточные предложения. Однако для выделения какого-то слова в предложении, когда на него падает эмоциональное ударение, можно поставить это слово на первое или последнее место и тем самым сделать более заметным.

«Основными» словами, составляющими в предложении синтаксические единицы — синтагмы являются существительное (в функции подлежащего) и глагол (в функции сказуемого). Если взять одну синтагму «существительное — глагол», то в ней основным будет являться глагол, так как в принципе предложение может обойтись без существительного (например, если его замещает местоимение, которое не всегда должно быть эксплицитно выражено).

В латинском предложении наиболее часто глагол ставится в конце предложения, что обычно связывают с индоевропейскими корнями латинского языка. Конечное положение глагола используется в стилистической функции показателя простоты и безыскусственности стиля, например, у Цезаря. Но и у Цицерона, язык которого стилистически более разнообразен, конечное положение глагола также преобладает. Исследователи подчеркивают, что это правило действительно скорее для придаточного предложения, а не для главного. Глагол в начальном положении в латинском языке несет еще и смысловое ударение.

Новейшие исследования показывают, однако, что в самом латинском языке можно выявить довольно четкую тенденцию перемещения глагола с конца предложения к его началу. Таким образом, конечное положение (глагол в энклизе) является древнейшим для латинского языка.

Немецкий исследователь Л. Ян² говорит о трех возможных разновидностях порядка слов в латыни: 1) об эвфоническом порядке слов, обусловленном гармонией и ритми-

¹ Реферовская Е. А. Истоки анализируемости романских языков. М. — Л., 1966, с. 86. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2007.

² См.: Реферовская Е. А. Там же., с. 90.

ческой речи, 2) о риторическом порядке слов, диктуемом соотношениями о выразительности речи и 3) о грамматическом порядке слов, опирающемся на языковой узуз, согласно которому подлежащее открывало предложение, сказуемое заключало его, а прямое дополнение стояло перед управляющим им глаголом: перед прямым дополнением стояли дополнения в дательном падеже, обстоятельства времени, места, причины и образа действия. Грамматический порядок встречался весьма редко.

СИНТАКСИС ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

Поздние латинские тексты показывают неуклонное, хотя и не очень быстрое передвижение глагола из конечного положения в срединное, которое вскоре закрепляется как в устной, так и письменной романской речи. Е. А. Реферовская для решения вопроса о синтаксической специфике порядка слов в романском предложении выделяет несколько наиболее характерных положений глагола: 1) срединное и начальное положение знаменательного глагола, 2) положение знаменательного глагола по отношению к различным членам предложения, 3) положение глагола-связки, 4) взаимное расположение модального глагола и инфинитива, 5) положение личной формы глагола в придаточных предложениях. При этом отмечается ряд факторов, которые могут определять тот или иной порядок слов в предложении. Первый фактор смыслового, стилистического порядка: необходимость подчеркнуть, выделить элемент высказывания. Второй — также внеязыковой — взаимное притягивание двух элементов высказывания. К чисто языковым факторам относится необходимость четкого обозначения роли слова в предложении: если морфологические функции слова оформляются недостаточно, действует синтаксический фактор — место, занимаемое словом в предложении. Рассматривая положение глагола в различных текстах поздней латыни, Е. А. Реферовская отмечает, что в главном предложении глагол часто занимает конечное положение, что становится своего рода «синтаксическим клише» во всех жанрах памятников. В подавляющем большинстве случаев глагол стоит позади подлежащего, но не примыкает к нему непосредственно. В отсутствии подлежащего глагол оказывается непосредственно следующим за обстоятельством, которым начинается предложение.

Чаще всего на первом месте встречаются глаголы речи, чувственного восприятия и движения, а также *esse* и *habere*.

С глагола же начинается главное предложение, если ему предшествует придаточное. Место глагола-связки *esse* по отношению к связанному с ней причастию не является еще постоянным.

Глагол-связка чаще стоит после причастия прошедшего времени, чем перед ним, намного реже встречается обратный — «романский» порядок (в «*Peregrinatio*»: 314 и 13 случаев).

Обстоятельства цели и места теряют в народной латыни свое обычное положение и следуют за глаголом, к которому семантически относятся. Сближение глагольных форм с обстоятельствами и дополнениями и приближение их к существительному резко меняют старый порядок слов в предложении. Устная речь, встречающаяся в некоторых трудах, например, у «отцов церкви» состоит из простых предложений, тогда как книжный язык, включает сложные предложения с придаточными (а именно в придаточных глагол обязательно ставился в конечное положение).

В придаточных предложениях конечное положение глагола еще преобладает и в этом периоде. Однако возникает форма, в которой вспомогательный глагол предшествует причастию. Следовательно, романские временные и пассивные конструкции происходят от придаточных предложений.

Можно сказать, что романский «прямой» порядок слов — подлежащее + сказуемое + дополнение — встречался и в латинском, также как и латинский «не прямой» — в романском. Романский порядок в классический период регистрировался лишь эпизодически. В письменном языке позднейшего периода он встречается чаще.

ПОРЯДОК СЛОВ «АРХАИЧЕСКОГО» И СТАРОИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Термин «архаический» относится не к определенному периоду развития испанского языка (исходя из принятой периодизации, это часть периода «дописьменного» и начало «староиспанского»), а к стадии, когда испанский романсе уже стал языковой реальностью, и письменная традиция еще только начинала создаваться. Сложилось положение, когда устный язык уже сформировался, а письменный существовал только как надпись, запись, толкование. Нечто похожее произошло через несколько веков с грамматикой испанского языка, когда испанский уже полностью стал письменным, литературным языком.

Когда появилась грамматика на местном языке, королеве Изабелле потребовалось помощь ее ученого исповедника, чтобы оценить преподнесенный ей первый экземпляр произведения Небрихи.

Архаический испанский язык можно практически считать еще языком бесписьменным, что обуславливает и особенности его синтаксического строя. К памятникам этого периода испанского языка относятся дипломы, глоссарии, включая Эмилианские и Силосские и, в определенной степени андалусские «харджа». Архаический синтаксис почти повсюду отвечает латинской норме. Глагол, как правило, стоит в конечном положении, после относящихся к нему дополнения и обстоятельства. Инфинитив следует за глаголом в личной форме: *convienet fere*.

Атоническая форма местоимения чаще стоит за глаголом: *facio nos Deus*, но в отрицательной форме ставится перед глаголом: *non se endrezaran*, равно как и наречие: *aluenge se feran*. Причастие прошедшего времени, как правило, стоит перед вспомогательным глаголом: *feito ue*. Союз присоединяется к глаголу еще внутри фразы: *nos si ficieremus* или *et missas que me facias* (в последнем случае союз *et que* разделен формой *missas*).

Однако несмотря на известное несовершенство текстов, их небольшую протяженность, в них заметны явные черты романского порядка слов, особенно в глоссированной неизвестным монахом молитве Августина в «Эмилианских глоссах». Для синтаксиса молитвы характерно, что глагол даже в придаточных предложениях стоит в середине предложения: *qual dueno get ena honore, e qual dueno tienet ela mandatione etc.* Новый «романский» порядок слов здесь количественно уже преобладает. Дальнейшее развитие синтаксиса староиспанского языка можно рассмотреть на примере «Песни о моем Сиде». Это памятник свидетельствует о становлении кастильского языка, вбирающего в себя и перерабатывающего другие диалекты. Вместе с тем поэтический язык «Песни» еще максимально приближен к особенностям устного языка. Правда, конечное положение глагола в нем связано не только с нормами латинского языка, но и с требованиями поэтического языка, в частности, а с с о н а н с а (совпадения не заударных согласных, но гласных, включая и ударные), так как глагол использовался для рифмы.

Инверсия подлежащего может быть связана и со стилистическими соображениями, как например, в стихе: *pedidas vos ha e rogadas el mio senor Alfons*. Начальное

положение глагола не обязательно связано с требованиями метрики. Есть примеры позднелатинской (и романской) постановки глаголов в начальное положение: *fablo mio Cid*.

Также довольно часто на первое место выносятся конструкция составного предиката с относящимися к ней дополнениями, которая сопровождается обязательной инверсией подлежащего: *ricos son venidos todos los sos vassallos*. Управляемые слова часто предшествуют глаголу: *quinse moros matava de los que alcanzava*. Позднее это явление становится своего рода клише для стилистической архаизации.

Подлежащее в «Песни о моем Сиде» не занимает привычного для него первого места в следующих случаях:

а) с императивом: *oyas, sobrino* при обращении; б) с абсолютным герундием: *dargelas queremos delant estando vos*; в) в вопросительных предложениях: *que esto, mesnadas, o que queredes vos?*; г) с отрицанием: *non les diesse mio Cid*; д) при проклize придаточного: *lo que el rey quisiere, esso fera Campeador*.

Вместо подлежащего главного предложения может быть использовано и подлежащее придаточного: *miran Valencia, commo uaze la çibdad*. Подлежащее отрывается от сказуемого, например: *bien les abastad, yo assi vos lo mando*. Это также стало приемом в дальнейшей архаизирующей стилистике.

Атоническое местоимение ставится после глагола, если управляемое слово непосредственно предшествует глаголу: *assi como entraron al Cid besaronle las manos*, но если между управляемым словом и глаголом стоят какие-то другие элементы фразы, местоимение предшествует глаголу: *aque-las non las puede levar*.

Некоторые исследователи¹ считают невозможным препозитивное положение личных объектных местоимений после точки, запятой, союза *et(e,y)*, но возможным после союза *que*, отрицания *pop (no)*, наречий: *los de dentro no les quieren tornar palabra*.

Инфинитивная форма глагола с частицей *se*, в отличие от современного употребления, отдает *se* управляющему глаголу в личной форме: *violo mio Cid, tornos a maravillar*. Два инфинитива, относящиеся к одному глаголу также не

¹ См.: Литвиненко Е. В. О некоторых особенностях синтаксиса среднеиспанского периода. — В кн.: Вопросы языковой структуры. Киев, 1976.

присоединяют к себе местоимения: *mando los venir e a todos los iuntar*. Даже если инфинитив предшествует глаголу в личной форме, местоимение пишется отдельно от него: *dezir vos quiero*.

Местоимение с конструкциями глагола с герундием присоединялось к глаголу в личной форме: *vanssele aso-giendo gentes de todas partes*.

Встречаются многочисленные интеркаляции личных местоимений между безударным местоимением и глаголом; интеркалироваться могут и другие местоимения, союзы, наречия: *que gelo non ventassen*. Безударные местоимения могут разделять сложные времена глагола в будущем или в кондиционале, если глагол начинает фразу: *pedir vos a (= pedira vos) poco por dexar so aver en salvo*. Однако, если глагол стоит не в начальном положении, интеркаляции не происходит: *con seilo nos daran*.

Когда глаголы *auer* и *ser* выступают в функции вспомогательных, причастие всегда предшествует им: *obrado es con ogo*, также как и глаголам в начальном положении в сложном времени: *passada es la noche, venida la mañana*. Если же сложное время стоит не в начале фразы, или в придаточном предложении, то вспомогательный глагол в придаточном может занимать первое место: *fablo Martin Antolinez, odredes, lo que a dicho*. Глагол *ser* в функции сказуемого подчиняется этим же правилам: *iffantes son e de dias chicas*, однако его место во фразе может быть разным: *de Castiella fin es ya*.

Прилагательное обычно предшествует существительному (в особенности *amos, senos, rícos*, количественные прилагательные, важные для эпического произведения: *seremos rícos omnes*). Двойные прилагательные также стоят впереди существительного: *buenos seños caballos*. Такие же случаи как: *gentes se le alegan grandes; duena es de pro; tres reyes veo de moros* относятся только к поэтическому синтаксису.

Порядок незначательных служебных слов определялся не столько их несамостоятельным положением во фразе, сколько их смысловой характеристикой в составе поэтического высказывания, а также метрическими и другими особенностями стихотворной формы. Данные «Песни о моем Сиде» подтверждаются и прозаическими, деловыми, и художественными текстами.

Наречие стоит после существительных: *por la loma ayuso*; непосредственно после глагола: *essora salien aparte* или перед ним: *a part salidos son*. Наречие может стоять

и отдельно от слова, к которому относится: *ma'les pesa en Xativa*.

Предлог и относящийся к нему глагол могут быть разделены: *por conusco* уг, а союз не обязательно стоит в начале придаточного предложения: *las feridas primeras que las aya yo otorgadas*.

Для сравнения «поэтического» порядка слов «Песни о моем Сиде» с прозаическим можно привести “*Fuero de Aviles*”, записанный приблизительно в то же время, где глагол обычно занимает конечное положение, так как в памятнике отражен латинский порядок слов в юридических документах.

Инфинитив глагола может стоять до и после личной формы: *si lidiar non quiser*. Можно выделить случаи конечного употребления глагола, которые диктуются уже синтаксисом испанского языка. Так, глагол обязательно замыкает фразу, если она начинается относительным прилагательным, местоимением: *hom qui sua sicera vendir et falsa mesura tenir*, или уступительным *si: si non per suo grado pausar, e a forcia pausas defendas*, а также в случае протазиса: *et que, illos passados serant, non extant ata tercio dia*.

Некоторые особенности синтаксиса в текстах прозаического характера связаны с жанровыми особенностями памятника. Так, в фуэрос встречаются многочисленные плеоназмы и гипербатон, т.е. перестановка в обратном порядке членов той или иной смысловой синтагмы или же отделением одного члена синтагмы от другого путем вставки инородного члена или членов предложения. Скорее всего это явление можно отнести к выработке особого «судейского» языка, но, в своем начальном периоде, когда рождающийся «подъязык» юриспруденции зависит от латинской традиции, авторы или переводчики фуэрос стремились составить фразу так, чтобы она была понятна в среде малообразованной, не имеющей традиции нормализованного языка. Отсюда повышенная роль всех средств усиления, включая синтаксические.

Из плеонастических конструкций отметим: 1) использование двойного отрицания: *nengun non demande*, 2) повышенную частотность употребления полисемантического союза *que*, зачастую ненужного *onde non deve/el rey/que lo que gana que lo gana ... por su persona*, 3) почти повсеместную замену имени или личного местоимения формами: *lo, los, las: aquel que lo furto o lo corrompio el scripto*.

Из различных конструкций с гипербатоном можно при-

вести: 1) постановку дополнения перед управляющим глаголом: *deven la fet defender*; 2) постановку местоимения перед наречием *non*: *todo omne que la non quiser guardar; que ge lo non de el sacerdote*; 3) случаи вне классификации: *delantre otros omnes muchos* или *avran esperanza mas de vencer, quando*.

СИНТАКСИС АЛЬФОНСИЙСКОГО ПЕРИОДА

Указ Альфонса X о признании испанского языка (*lingua vernacular* o *vulgar*) языком королевской канцелярии (продолжение языковой политики Альфонса IX и Фердинандо III) имел важные последствия для судьбы национального испанского языка¹, так как уравнивал в сфере официального употребления два языка. Большую роль в становлении и развитии нового языка сыграла Толедская переводческая школа. Такая школа появилась впервые в Европе еще при канцлере Кастилии доне Реймундо (1125 — 1151), в ней восточные и греческие тексты переводились на латинский язык. Вторая переводческая школа, созданная практически заново Альфонсом X, занималась уже переводом классических и восточных текстов на испанский язык. Показательно также, что один из первых заказов Альфонса был следующий: “*Mandamos ayuntar quantos libros pudimos auer de istorias en que alguna cosa contassen de los fechos d’Espanna*”².

О результатах деятельности этой школы свидетельствуют слова известного английского мыслителя и естествоиспытателя XIII в. Роджера Бекона, узнавшего в латинском языке некоторых своих учеников испанские слова, «переделанные в латинские».

Деятельность переводческой школы Альфонса X непосредственно важна и для понимания дальнейшей эволюции и начавшейся нормализации синтаксиса, а, кроме того, в связи с началом влияния арабского синтаксиса в литературе, которое также отразилось в трудах переводчиков этой школы.

¹ Для сравнения отметим, что подобного же рода ордонанс Франциска I в Виллер-Котре, предписывающий употребление французского языка в трибуналах, так же как и во всех официальных актах, общественных или частных, появился только в 1539 г., когда испанский уже признали не только «местным», но и международным языком.

² *Pidal Menéndez G.* Como trabajaron las escuelas alfonsies. — NRFH, 1951, p. 365 — 380; *Almazán V.* Lucan in der “Primera crónica general” und der “General Estoria” Alfons des Weisen. Windsor, 1963.

ВЛИЯНИЕ СИНТАКСИСА АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Начало влияния синтаксиса арабского языка можно связать с несовершенством переводческой техники, а также с несовершенством ранней письменной фиксации испанского языка. Появился «синтаксический буквализм», т.е. дословная передача, своего рода «подстрочник» чужой синтаксической конструкции. Некоторые особенности синтаксиса, которые приписывают арабскому влиянию, вероятно, возникали на основе устной народной речи (ср. разделительное *dijo* в передаче диалога и использование личного местоимения *él*, отсутствующего в латыни).

Арабское влияние устанавливается в обилии относительных конструкций с *que*, например: *como les sueños del que duerme* вместо *como los sueños del durmiente*; *yo andaba noche que hacía luna* вместо *yo andaba en la noche iluminada por la luna*; встречаются и обратные случаи: *el mercader perdido* вместо *que pierde*. Отметим также конструкции с личным местоимением в функции относительного: *e él está en lugar angosto* вместо *él cual está en lugar angosto*.

К арабскому влиянию можно отнести использование ударных форм личного местоимения вместо безударных: *et ayuntanse las aves dél* вместо *ayutánsele*. Дальнейшее развитие этого явления можно видеть в использовании ударных форм для выражения дательного и винительного падежей: *el adobo mucho con él* вместо *adóbolo*, а также в использовании союзов, начинающих высказывание: *et al que yo por mi mesmo pude sanar fizelo*.

В стилистике испанской прозы (*sintaxis figurada*) арабское влияние можно видеть в следующих явлениях:

1. Выражение идеи возвратности, передаваемой не возвратной частицей *se*, но существительным: *pensé en mi corazón e voluntad* вместо *pensé conmigo mismo* или *me pensé*.

2. Выражение идеи неопределенности у подлежащего фразы: а) посредством использования глагольной формы в 3-м лице множественного числа: *faz bien si quieres que te fagan bien* или б) через 2-е лицо единственного числа: *et si ovieres el logar del sol o de la estrella*.

3. Ритмический параллелизм по арабской модели: *e muy corriendo anochescera e non amanescera*; *e quando anoches ciere sera muy cobdiciadero, muy fermoso*.

4. Выражение идеи «исключения из»: *ayunté todas estas riquezas, salvo de ladronía* и др.

Билингвизм большей части населения полуострова об-

легчал проникновение в язык элементов соседних языков, а многочисленные диалекты делали необходимым появление языка посредника, роль которого и начал выполнять диалект Кастилии.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ АЛЬФОНСИЙСКОЙ ЭПОХИ

Для синтаксиса этого периода характерна множественность и разнообразие формообразующих компонентов начинающегося письменного языка, отсутствие нормы.

Появилась тенденция к самостоятельному синтаксическому оформлению текста. Формально эта тенденция проявляется в создании новых средств связи между предложениями, например, новых романских союзов при исчезновении старых, латинских: *para que*, *comoquier que*, *siquier*, *aunque* и др.

Использовались в основном соединительные конструкции с союзом *e* (*y*). Соединительный союз *y* связывает высказывания, в которых уже есть нужный союз. Например, в случае аподозиса: *E porque Ercoles fue muy sesudo*.

Можно отметить также исчезновение латинского периода, средства связи которого оказались сложными для новой письменности. Мартин Алонсо приводит типичный пример нового «периода» из «Всеобщей хроники» Альфонса Мудрого: “*Et devote mi mano de ferir e de aviltar e de rrobar et de furtar e falsar. Et guarde el mi cuerpo de las mujeres, e mi lengua de mentir e de toda rrazon que daño fuese a alguno. Et devote me de facer a los omnes nin de burlar e escarnecer de ninguno, et de cuantas malas costumbres pude*”, где три образующих период предложения начинаются с союза *y*.

Такого рода примеры встречаются и в других памятниках эпохи. Существовала также особая конструкция с двойным союзом *que ... que*. Особенно часто она встречается в переводах.

Указанные синтаксические особенности поддерживались такими явлениями как: а) этимологическая параномасия (употреблением похожих слов): *de pergamino doblado de muchas doblas; están abraçados de estraño abraçamiento*;

б) повторение слова во множественном числе родительного падежа, если нужно подчеркнуть его неопределенность: *algun lugar de los lugares; qual cuento de los cuentos*; в) бессоюзное повторение числительного, если оно использовано в значении «распределительного» (по два, по пять): *et han de tener doce doce tantos de qual precio se abinieron*.

Все эти явления относятся к становлению культуры письменного языка. Известно, что первая глоссированная молитва на испанском языке количественно почти в три раза больше своего латинского оригинала, что объясняется различного рода повторами. Можно предположить, что преимущественно соединительная связь предложений (паратакис) требует и морфологической и лексической поддержки в повторяемых конструкциях. Соединительная связь, преобладавшая в этот период, затрудняла понимание текста. В средневековых текстах много случаев анаколуфа (нарушение связи в предложении).

Обобщающим примером может служить характеристика поэтического языка одного из больших испанских писателей XIII в. Гонсало де Берсео. Воспитанный на творчестве латинских авторов, Берсео был достаточно самостоятелен в выборе тем, хотя предпочитал традиционно-литургические. У него встречается много латинских фраз и выражений, аллюзий на библейские темы, переводов отдельных мест Библии и т.д.¹ Он использовал обычную лексику (особенно глаголы) и вводил сравнительные конструкции для облегчения понимания. У него много повторов, плеоназмов, расширительных тавтологий, приложений, синонимов, что сказывается и на построении фразы “*erudito y popular*”.

«ЛАТИНИЗИРОВАННЫЙ» СИНТАКСИС XIV в.

Границы периода, охваченного процессом латинизации, довольно условны. Лингвистический термин «латинизация» означает устранение элементов разговорно-бытовой речи из литературных текстов. Однако здесь речь идет не о процессе латинизации языка (как, например, «Клюнийская реформа»). После реформы Альфонса X тексты на испанском романсе, появившиеся, вероятно, в большем, чем нам известно по имеющимся памятникам, количестве, были в какой-то мере «незаконными»: их развитие поэтому протекало в русле закономерностей романской бытовой речи.

В связи с тем, что кастильский диалект понемногу приобретает авторитет государственного языка, проявление тех или иных тенденций в нем не выступает так резко, как в «провинциальных» диалектах. Поэтому латинизация синтаксиса гораздо четче проявляется на периферии.

¹ См.: *Lanchetas R.* Gramática y vocabulario de las obras de Gonzalo de Berceo. Madrid, 1900.

Так, в “Tucides romanceado” Х. Фернандеса де Эредиа, написанном на арагонском диалекте, прослеживается тенденция отодвинуть глагол на последнее место в предложении. В случае двух глаголов, один из которых стоит в форме инфинитива, на последнее место ставится глагол в личной форме (если это не глагол-связка). При наличии во фразе глагола и герундия на последнее место ставится, как правило, герундий: *sobre la cual demanda respondiendo...*

Можно привести пример из произведений Хуана Мануэля: “E assi paso el fecho entrellos aquella noche, que nunca ella fablo, mas fazia lo que el mandaba ... dijo él: Con esta saña que ove esta noche, non pude dormir: catad que non me despierte ninguno et tened me bien adobado de comer”.

В поэтических текстах также часто глагол стоит в конце строфы, что делается не только ради рифмы, так как чисто технические задачи были, как правило, чужды испанской поэзии этих веков. Вот пример из “*Rimado del Palacio*” Перо Лопеса де Айялы: “... Amigo, non podemos entrar, ca el reey mando agora a todos d’aquí echar, esperad alla un poco, podredes despues tornar, alla estan otros muchos con quien podedes hablar”. Отнесение глаголов на конец фразы почти всегда связано или с передачей разговора, или с употреблением понятий, относящихся к процессу речи: рассуждению, наблюдению, изучению и т.д.

Можно назвать еще одну особенность, которая, будучи по происхождению латинской, получила самостоятельное развитие в романских языках. Речь идет о форме инфинитива с временным оттенком, появление которой обусловлено управляющим ею предлогом. В латинском языке — это герундий с предлогом, в народно-латинском — его заменяет инфинитив: *aggredior ad dicere*.

Инфинитив с предлогом представлен и во все периоды развития испанского языка. Наиболее старые из таких конструкций: *despues de*, *antes que* или *antes de* с инфинитивом *antes que discipulo ser* и т.п.

Выделяются также конструкции: 1) ‘*al + infinitivo*’: *al tomar te alegras* для выражения одновременности. Как особый случай отметим конструкцию с инфинитивом в роли дополнения. Ср. у Хуана Руиса: *eres muy grant gigante al tiempo del mandar*, которые надо отделить от приведенного выше примера с абсолютной (и описательной) инфинитивной конструкцией (здесь отчетливо видно ее первоначальное строение, еще не грамматизированное); 2) ‘*hasta + infinitivo*’: *fasta que brantar botijas* для выражения

ограничения действия, продолжающегося во времени; 3) ‘a la hora de (que) + Infinitivo’: e a la hora que yo lo sope en como, fis luego apellidar toda la tierra для выражения немедленного следования одного действия за другим; 4) ‘en + infinitivo’ с теми же значениями ближайшего будущего: et porque ... en el trasladar ... = et que en trasladando el libro и другие с различной частотой употребления. Все они свидетельствуют о новом аналитическом способе выражения мысли. Функционально эти конструкции равны фразе, но формально они близки к лексическим выражениям типа el día que, desde el día que, de que (теперь уже только в народном языке) и т.п.

В конечном итоге именно такие конструкции в совокупности с изменениями синтаксиса частей речи и создали современный романский порядок слов.

ЭВОЛЮЦИЯ ИСПАНСКОГО СИНТАКСИСА В XV И XVI вв.

В своем “Diálogo entre el autor y su pluma” Кристоаль де Кастильехо писал, характеризуя свое время и как бы подводя итог всему предыдущему этапу развития испанского языка: «И вот уже Испания распространилась, и язык ее звучит во всех частях света, не только известного, но и незнакомого еще миру, как, например, в Америке. Испанский, как ранее латинский язык, практикуется и изучается настолько широко, что его следует хорошо понимать и, понимая, украшать всеми способами, что впрочем уже делается в течение ряда лет».

В этом высказывании этап развития языка, предшествующий XVI в., противопоставлен новому, как примитивный, «грубый, неискусный, неукрашенный».

Понятия «высокий, возвышенный, ученый» связаны со стилистикой латинского языка или, точнее, с «латинизацией» испанского слова и противопоставлены устному языку. Многие испанские авторы считают, что в языке эпохи появляются два синтаксиса “una popular y otra culta”. Однако это деление не имеет грамматических оснований и связано только со стилистикой, которая действительно становится новым фактором в развитии литературного письменного языка. Когда Мартин Алонсо пишет об авторе Селестины, что: «Он принес в прозу язык простого народа, так же как за сто лет до него протопресвитер Итский сделал это с поэзией»¹, то необходимо понимать его в чисто стилистическом плане. Грамматика языка этого периода была

¹ *Alonso M.* Evolución sintáctica del español. Sintaxis histórica del español desde iberorromano hasta nuestros días. Madrid, 1962.

уже испанской грамматикой. С XVI в. латынь используется для стилизации, архаизации испанского языка.

Синтаксической характеристикой сложившегося языка был романский порядок слов в предложении. Появился испанский период (абзац). Однако можно отметить и некоторые нормализовавшиеся явления, например, в использовании ряда предлогов (*acordarse a ...* вместо *acordarse de* и т.п.), использование причастия настоящего времени вместо прилагательного: *dante, recibiente* и др.

Что касается знаков препинания, то в синтаксическом смысле их можно изучать лишь со времени введения книгопечатания, хотя отдельные знаки использовались уже в XIII — XIV вв. Ранее всех появилась точка, в рукописях XV в. встречается двоеточие, к концу первой четверти XVI в. запятая. Тогда же входит в употребление точка с запятой, но еще не в современной функции (для сокращения слов: *pequ;*); кавычки и восклицательный знак стали употреблять только в XVII в. Знаки препинания облегчили и упростили чтение текста.

Для примера можно сравнить два высказывания, первое из “*Fuero Juzgo*” (XIII в.), второе из “*Celestina*” (конец XV в.); оба документа переведены с латинского. Недостаток знаков препинания в первом из них практически не затрудняет понимания, такова синтаксическая организация фразы: параллелизм в построении, повторы слов с одинаковой этимологией, употребление понятий по контрасту и аналогии и т.д.:

1. “*Ca si la cabeza es sana, avra razon en sí, porque podra sanar todos ios miembros; mas si la cabeza fuere enferma, non podra dar saluda los otros miembros, ca no la a en sí.*”

Знаки препинания здесь расставлены издателем. Можно переписать текст и без них.

Второе высказывание без знаков препинания было бы непонятно:

2. “*Mucha fuerza tiene amor. No solo la tierra mas aun los mares traspasa, segun su poder. Igual mando tiene en todo genero de hombres. Todos las dificultades quiebra. Ansiosa cosa es, temerosa e solicita. Todas las cosas mira en derredor.*”

В тексте имеется только одно подлежащее в первом предложении. Оно повторено имплицитно во всех остальных. Обратим внимание на инверсивный синтаксис, особенно во втором предложении.

Синтаксис «Селестины» в широком плане свидетельствует о становлении нового романского строя предложения.

В нем встречаются эмфатические конструкции, передающие на письме устную речь. Ряд языковых особенностей «Селестины» объясняется тем, что она написана для сцены, и в ней преобладает синтаксис устной речи.

В тексте много конструкций с *que* вопросительным, восклицательным и союзным (*que* “conjuncional”): “¿Qué razón es, loco?” “¿Qué razón ni que niño muerto?” “¡Fresca que estas!” “Los hijos se han de querer, o buenos o malos que sean.”

Есть предложения с *sino que* в значении «за исключением, кроме»: “¿Qué dirán sino que andas royendo los santos?” Подобные конструкции создают возможности для совершенствования стилистики. Можно отметить и многочисленные «латинизмы».

Продолжение латинской традиции проступает в намеренном употреблении вспомогательного глагола *haber* вместо *tener*: *las paredes han orejas*, но романский строй предложения при этом не нарушается. В тексте «Селестины» используются различные глаголы с предлогами, причем предлог уже меняет значение глагола. Он становится не уточняющей, но смысловоразделяющей частицей. Например, употребление глагола *tener* с предлогами *en*, *por*, *de*¹.

В синтаксической конструкции употребляются наречия места *delante de* без предлога: “¿Aun hablas entre dientes delante mi?”, а также инфинитивные конструкции, в которых временная соотнесенность достигается с помощью предлогов: *entre comer vine Elicia con Sempronio*. В синтаксисе «Селестины» можно отметить относительно стабильный порядок слов. Даже отглагольные формы: инфинитив, герундий и причастие настоящего времени стоят в предложении на определенном месте, например: инфинитив с предлогом *en* “¿Has sentido en verme ...?” “todo tremo en oyerte”; герундий с предлогом *en*, открывающий фразу: *en comentando yo a vender*; разрывающий фразу: *no he podido tanto que en tornándome aquella mujer ...* Синтагма строится по твердым правилам: *mirando tu grandeza*; *cosiderando tu estado*, *acatando mi poco merecer*. Выработывается норма следования одной словоформы за другой, определен-

¹ В 4-й главе книги «О синтаксисе» Небриха отмечает, что латинское падежное управление не равнозначно по смыслу испанским предлогам. Приводя пример смыслового различия между *semejante a ...* и *semejante de* он пишет: “Aunque latinos en este nombre hazen diferencia” (речь идет о синтаксических конструкциях имени и управляющего им предлога).

ность их чередования. Так, синтагма, состоящая из предлога с инфинитивом, передающая абсолютный оборот, может стоять в любом месте, но чаще встречается в начале предложения (главного или придаточного).

Одним из признаков становления синтаксиса испанского языка является нормативно обязательная инверсия существительного с постановкой наречий на первое место в предложении: *Bien pensaba yo ...* и т.д. Это явление прослеживается у всех авторов.

Определенная стабилизация и нормализация прослеживается и в других средствах связи — служебных словах, согласовании, примыкании и управлении.

СИНТАКСИС СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Выше речь шла о синтаксисе целого предложения, здесь будут рассмотрены отдельные его части, например, словосочетание, в котором в пределах фразы также существует синтаксическая связь, влияющая определенным образом и на закономерности построения целого предложения. Под словосочетанием, по Р. А. Будагову, понимается связь между двумя или более самостоятельными словами, которые, не образуя предложения, представляют собой некое структурное и смысловое единство¹. Во флективных языках, подобных латинскому, словосочетания обычно состоят из самостоятельных слов, в аналитических — в них входят и служебные слова.

Говоря об автономии латинского языка, Р. А. Будагов приводит такой пример: *Nondum caesa suis, peregrinum ut viseret obrem, montibus in liquidas pinus descenderet undas*, дословно: «еще не срубленная, чужие для того чтобы увидеть края в горах в прозрачные сосна опустила волны»². Даже учитывая различные «поэтические вольности», трудно ориентироваться в этом предложении, так как в нем нарушена связь не между словами, но между привычными сочетаниями слов: *pinus caesa, suis montibus liquidas undas, peregrinum orbe*.

Отличие латинской фразы от испанской заключается в том, что в последней устанавливается зависимость между словами. «Разорванное» единство словосочетаний, свойст-

¹ Материал для этого раздела заимствован у Будагова Р. А. Указ. соч., с. 255 — 280.

² «Сосна, срубленная в горах, еще не опустила в прозрачные волны, чтобы посетить чужие края». Такие примеры в изобилии можно видеть в прозе.

венное латинскому языку, связано с конечной позицией глагола. При романском порядке слов глаголу отводится обычно центральное место. На смену латинским словосочетаниям *locorum asperitas* и *armorum gravitas* приходят испанские *dificultades del lugar*; *el peso de las armas*.

В латыни глагол в конечном положении в сложном предложении придавал особую слитность всему целому, распространяя свое влияние и на придаточные предложения. В испанском языке целостность достигается иными путями, в частности повторениями сказуемого в придаточном предложении.

Например, в сложносочиненном предложении: *Carlos sabe redactar bien, pero su amigo lo hace mejor* — происходит повторение на двух уровнях: а) синонимическом: *sabe redactar: lo hace (= hace la redacción)*; б) словосочетания: *sabe bien: hace mejor*. В сложноподчиненном предложении: *Tengo sueño, porque el día me dejó cansado*. Имеются: а) зависимые параллельные словосочетания: *tengo sueño: dejó cansado*; б) грамматический повтор лица: *tengo (1-е л. ед. ч.): me (1-е л. ед. ч.)*.

В латинском языке позднего периода уже возникают новые тенденции, ведущие к быстрому развитию словосочетаний. К таким тенденциям можно отнести регулярное совместное употребление согласованных и семантически близких слов. Например, *prima luce [(исп.) al despuntar el alba]*, а также целый ряд сочетаний с *alieno*: *alieni mores, alieno tempore, alieno animo* и др., которые обычно обособлялись в предложении.

Эти словосочетания в отличие от романских и испанских создаются из слов, стоящих в косвенных падежах. Образование сочетаний слов в именительном падеже сравнительно редки, поскольку словосочетания с косвенными падежами зависели от структуры всего предложения.

В испанском языке, как указывает Р. А. Будагов, стабильные словосочетания образовались очень рано. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники. В современном испанском языке сохранились старые формы: *estar en casa, oír misa, decir verdad, hacer burla* и др.

Однако в словосочетаниях с предлогами действуют иные связи. Можно привести примеры разрушения латинского словосочетания в испанском языке: *el tonto de mi amo* или *el bueno del argiero*, где на определенную конструкцию накладывается функция передачи эмфазы.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Для определения синтаксических особенностей испанского предложения надо установить функции отдельных частей речи. Например, если причастие настоящего времени используется в функции определения, т.е. как прилагательное (*el hombre recibiente*), то оно будет ставиться рядом с существительным (в препозиции или постпозиции), а если оно употребляется как сказуемое, то его место в предложении чаще всего в синтагме с глаголом. Порядок слов связан также и с функцией предлога.

Инфинитив в классическом латинском предложении мог выполнять различные функции. Он использовался как именная часть сказуемого или как прямое и косвенное дополнение.

В этой функции инфинитив соперничал с формами герундия, герундива и супина, если все указанные формы употреблялись в синтаксических конструкциях с существительными или прилагательными. В таких условиях герундий и герундив утрачивают предлог, а инфинитив, наоборот, приобретает его.

В испанском языке инфинитивные конструкции с приобретенным предлогом распространились очень широко, и это ограничило употребление дополнительных предложений.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРЕДЛОГА

Многие предлоги латинского языка представляют собой застывшие падежные формы имени (*causa*), причастия (*versus*) или наречия (*deque, susque*). Наречия также являются застывшими падежными формами. Тесно примыкая к глаголу, наречия становились префиксами, а в сочетании с именем они превращались в предлоги. Такое развитие форм связано со свободным порядком слов в латинском предложении.

Древние латинские предлоги в большинстве случаев имели пространственное и пространственно-временное значение и лишь впоследствии приобрели более отвлеченную семантику. В латинском языке допускалось сочетание предлогов только с падежами, выражающими пространственно-временные отношения: с акузативом и с аблативом. Причем соединение, например, в латинском аблативе трех самостоятельных падежей, из которых два (отложительный и местный) имели различные пространственные показатели

было бы невозможным, если бы значение падежной формы не подкреплялось предлогом. Таким образом, на предлог переходила функция семантического уточнения. В этом многие авторы видят возможность дальнейшего развития аналитических форм.

Можно сравнить несколько латинских предложений с аблативом с соответствующими им испанскими (примеры из М. Алонсо):

1. *Ortus regia matre* — *Nacido de madre regia* (аблатив происхождения);

2. *Ex domu rapti* — *arreatados de su casa* (аблатив отделения);

3. *Ab urbe condita* — *Desde la fundacion de Roma* (с каких пор);

4. *Ex urbe venit* — *Llego de la capital* (откуда);

5. *A magistro instructus* — *Instruido por el maestro* (аблатив агента);

6. *Facere iter pedibus* — *Caminar a pie*;

7. *Adventu hiemis, tristis* — *Triste por la llegada del invierno*;

8. *Emisti magno* — *lo compraste a gran precio*;

9. *Doctior amico* — *Más docto que el amigo*;

10. *Homo promisso capillo* — *Hombre de pelo cortado*;

11. *Uteris patientia mia* — *Te aprovechas de mi paciencia*;

12. *Rege Carolo III* — *Siendo rey Carlos III* (En el tiempo de);

13. *Una cum amicis venio* - *vengo en compañía de mis amigos*.

В народной латыни для различения (уточнения) многочисленных функций аблатива используются предлоги: *ab* (*de*, *por*), *de* (*de*, *desde*), *ex* (*desde*), *in* (*en*). Иногда аблатив заменяется аккузативом с предлогами *ad* и *per*. Для уточнения функций винительного падежа используется *cum*.

В классической латыни предлог почти не играет синтаксической роли, так как круг его значений узок (пространственно-временной показатель). Так, в восьми из тринадцати приведенных выше предложений, иллюстрирующих почти все характерные случаи употребления латинского аблатива, предлога нет, а в оставшихся пяти используется лишь три предлога *ex*, *ab* и *cum*.

При отсутствии предлога многозначность падежного окончания приводила к затемнению смысла. Синтаксические отношения в предложении выражены в окончании слова, но при многозначности окончания требуется уточ-

нение в виде предлога. Затем предлог влияет и на главное управление в предложении. В позднелатинских текстах много примеров изменения в глагольном управлении.

Сосуществование беспредложных форм дополнения и семантически и функционально равных им форм предложных конструкций поддерживалось письменной классической традицией, а с ее разрушением предложные конструкции получают широкое распространение. Связанная с глаголом, предложная конструкция начинает взаимодействовать и с глагольными приставками, так как латинский глагол еще до появления предложных конструкций уже оформился как сложная синтетическая форма. Плеонастические конструкции типа *intrare in* разгружают семантику приставки *in*, одновременно, обуславливают исчезновение семантически менее общих и менее распространенных предлогов (при выполнении ими одинаковых функций).

В цитированной выше работе Е. А. Реферовской о предложных конструкциях, в частности, прослеживается процесс исчезновения предлогов *ab*, *ex*, функционально равнозначных сохранившемуся предлогу *de*.

Этот процесс идет одновременно с разрушением старой морфологической системы, и сохранившиеся предлоги с более общим значением выполняют функции исчезающих окончаний слов; таким образом к их основной функции слова-уточнителя присоединяется и функция указания на характер семантической связи.

В этих условиях абстрактные предлоги не подходят для новой синтаксической и семантической функции. Появляются новые предлоги, как правило, конкретного значения. Многие из них еще сохраняют семантику существительного, из которого они образовались, но их синтаксическое использование уже иное.

Рассмотрим историю конкретного латино-испанского предлога *de*.

Предлог *de* взят потому, что он наиболее десемантизирован, его считают «пустым». В романских языках у него много синтаксических значений в словосочетаниях и предложениях.

Здесь выделяются два момента. Первый — продолжение исконных тенденций латинского синтаксиса, то есть появление все новых и новых значений *de*, связанных с его приименной функцией и употреблением в разговорной речи. Ср.: «Сфера, благоприятствовавшая во все времена распространению употребления предлога *de*, — живая разговорная речь. Отсюда ... употребление его авторами

позднего периода жизни латинского языка, находящегося почти под бесконтрольным воздействием навыков живой речи, которая в VI — VIII вв. была уже романской».¹ Второй — создание новых, чисто романских синтаксических функций под влиянием романской устной и письменной традиции.

В позднем латинском языке с помощью этого предлога оформлялись, как правило, отношения «принадлежности» и «содержания», то есть его синтаксическая функция в основном ограничивалась «межименными» связями, которые раньше выражались также и падежными формами. Затем он приобрел значение показателя связи между глаголом и его дополнением, став тем самым почти универсальным инструментом как глагольного, так и приименного управления². Значение предлога *de* развивалось от конкретного к абстрактному; его первичное лексическое значение «удаления» потеряло конкретный характер и приобрело значение «удаления вообще». Таким образом он стал замещать функции падежной формы аблатива «отделения» (значения «избирательности», «частичности» и даже «происхождения» передают развитие оттенков значения «отделения» и «удаления»); развитие абстрактного значения предлога *de* дало возможность использовать его как средство передачи отношений между действием и предметом в самом общем виде. В такой функции *de* выступает соперником предлога родительного падежа, особенно в роли объектного генитива при отглагольных существительных.

В “*Cantar de mio Cid*” и “*Fuero de Aviles*”, несмотря на относительную неразвитость синтаксических связей и другие ограничения, обусловленные особенностями языка памятников, можно выделить следующие значения предлога *de*: (В список не вошли составные предлоги *с de*)

1. Значение «удаления»: *si vos aduxier dallà*.
2. Указание на время действия: *de noche, de día*.
3. Указание на происхождение: *Mio Cid es de Bivar*.
4. Для обозначения деятеля в пассивных предложениях: *del rey so ayrado*.
5. Причины: *non pueden catar de verguenza*.
6. Образ действия: *d’amor e de voluntad*.
7. Материала: *cubiertas de guadalmecí*.
8. Значение определительного генитива: *día de cras*.
9. Значение «частичности»: *mil tiendas de las cabdales*.

¹ Реферовская Е. А. Развитие предложных конструкций... с. 92.

² Там же, с. 27,

10. Новые отношения генитива: *de pie e de cavallo mucho era arzeziado*.

Таким образом, уже в этих первых памятниках испанского языка существовала установившаяся система абстрактных значений данного предлога. Одни из этих конструкций были общими чисто романскими образованиями: *día de eras*; другие сохраняли еще латинское значение «частичности»; третьи пока были связаны или со становлением категории романского наречия (*de poche*), или новых разновидностей отношений генитива: (*de caballo mucho ...*).

Примеры из текстов несколько более позднего периода доказывают, что в испанском языке уже установился новый синонимический ряд предлога *de*. Если в латыни его синонимами были *ex*, *ab*, то в этих текстах появляются *aserga de*, *raga*, *a*, *con* и другие производные предлоги.

В глагольном управлении возникает другая группа синонимов *de*, *a*, *en*, которые образуют новую романскую конструкцию с инфинитивом. Их соперничество продолжалось сравнительно долго, до эпохи Возрождения. Предлог *de* продолжает расширять свои функции и в отдельных случаях замещает союз *que*. Например, в случае сравнения прилагательных: *non fue de maior precio de quinientos sueldos*. Неотчетливость в употреблении *de* и *que* сохранилась и в современном испанском языке.

Новой областью применения предлога *de* стали приложения и конструкции различных типов. В латинском языке приложение обычно стояло в именительном падеже, и в родительном (*urbs Roma = urbs Romae*). Этот вид грамматической связи распространяется затем по аналогии и на связь прилагательного с существительным, так как прилагательное в качестве приложения можно рассматривать как частный случай определения. Отсюда в испанском языке появление таких конструкций, как *el bueno de don Juan*. Некоторые из них сохранились после начального периода развития испанского языка.

В «Книге об Александре» много новых конструкций, построенных по аналогии: *con negra de cobdicia*; *por malos de pecados*.

В ней же, как и в других памятниках, есть примеры развития чисто испанского обозначения деятеля в пассивных предложениях: *fue del rey Garcia la yglesia byen lidiada*. Расширяется область употребления родительного «качества»: *sesenta uezes mill de nobles combatientes*.

В альфонсийский период наиболее частотными явлениями были: 1) расширение сферы употребления *de* в

сравнении: *los menores no quieren otro mayor de si*; 2) расширение значения «партитивности»: встречаются не только конструкции типа: *dioles de oro e de plata*, но и: *mezcolla con del agua*, так как в предложении имеется предлог *con*, партитивный предлог не ставится. У Хуана Руиса есть аналогичные примеры на употребление предлога *de*. Особенностью этого памятника является положение *de* перед наречием: *vino de grulla de como del alteza*, возможно, это случайное употребление. С существительными предлог *de* используется также для передачи количественных отношений: *conleras de las arvejas*.

В синтаксисе писателей XIV в. большинство из указанных изменений закрепляется в первую очередь за счет резкого увеличения конструкций с предлогом *de* типа: *antes de, despues de, al tiempo de, a la hora de + infinitivo*; употребления *haber + de, tener + de* и т.п. вместо конструкций с предлогом *a*. Возрастает частотность употребления предлога *de* вместо ряда других предлогов (хотя были и обратные явления: предлог *rog* заменил *de* в обозначениях деятеля в пассивных предложениях, иногда *de* уступает место предлогу *en*). Возрастает семантическая значимость предлога *de* (словари современного испанского языка дают более двух десятков его значений), и растет его синтаксическая значимость.

СИНТАКСИС ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

В целом формы глагола *seer* (*ser < sedere*) развивались аналогично временам и формам латинского вспомогательного глагола *esse*, как в отношении значения, так и управления. Глагол *ser* помимо основного значения в своем испанском варианте во многих характеристиках смешивался с глаголами *estar* и *haber*.

Ряд примеров из текстов XIV в. иллюстрирует употребление глагола *ser* в функции *estar*: *a aquellos que son presentes; mientras que son en su poder; si ... alguna de las partes no fueren en la tierra* и др. *Ser* равно как и *haber* используется как безличный глагол в значении “existir”: *algunas son que se miembran; Non deve dexar a vengallo por no ser alguno quel acuse* [(совр. исп.) *algunos hay; por no haber alguno* и т.д.].

В функции вспомогательного глагола *ser* полностью соответствует латинскому *esse*, в особенности в конструкциях с предлогом *de* и глаголом в инфинитиве. В современном языке в этом случае используется глагол *haber*:

las cosas que son de venir или non son de refrenar (совр. исп.) no han de ser refrenados, что является буквальным переводом латинской конструкции “non coercendi sunt”.

Функции глагола haber (aver, auer) в предложении связаны со смыслом конструкций, в которых он употреблялся. Его основное значение ‘быть необходимым’, ‘быть вынужденным’ к выполнению какого-либо действия: ovo a entregar; avie a aver su buena; oviese a ser suyo, ovier des de seer.

Конструкция haber + de постепенно вытесняет haber + a. Чаще всего с помощью этих конструкций переводится латинское будущее время: vindacabit = lo avrá a dar. Подобное использование предопределило синонимичность aver и deber. Это можно рассматривать и как возвращение к забытой («латентное состояние») семантике глагола debere de + (alio) + habere. Так, в одной фразе встречается avie a aver и параллельное ей повторение devia (devie) aver. В свою очередь, частотность и синонимичность предыдущей конструкции обусловила появление deve a vengar, а изредка dever + de.

В пассивных конструкциях глаголы типа pasar, paser, cesar употребляются с глаголом ser.

Примеры из произведений Гонсало де Берсео свидетельствуют о стройной системе употребления вспомогательных глаголов.

Глагол haber употребляется: 1) в обычном значении обладания: en cabo ayamos el reyno celestial; 2) в значении ‘существовать’: avia en la coluna escalones e gradas; 3) как вспомогательный при образовании прошедших времен: habemos en el prologo mucho detardado; 4) в той же функции, но с переходными глаголами: las fianzas que oviste tomado. В функции вспомогательного глагола с ним соперничают (хотя и не с большой частотой употребляемые) глаголы dar и fazer.

Глагол ser употребляется: 1) обычно в качестве глагола-связки: la sera era buena; 2) для обозначения состояния: cuando era echado el prior; 3) как вспомогательный с непереходными глаголами: luego que fue venido; 4) конструкция ser + a часто соперничает с aver + a для создания современной формы безличного hay que.

Глагол estar в одних случаях соперничает с глаголами ser, encontrarse, в других с глаголами yacer и seder (находиться). Наиболее частотен этот глагол в старых текстах («Песнь о моем Сиде»), в конструкциях с герундием для обозначения идеи длительности.

Эти же явления встречаются и в других памятниках.

В текстах эпохи Альфонса Мудрого нет свидетельств о новых функциональных возможностях вспомогательных глаголов. Встречаются сочетания *haber* с причастиями, где глагол сохраняет свое нормативное значение: *et los habie mucho apremiados*. В таких сочетаниях встречаются и глаголы *tener* и *ser*: *despues que todo esto tovo acabado y eranse ya los otros mucho alongados*.

Новые особенности этих глаголов, сближающие их употребление с нормами современного языка, появляются в «Селестине». Прежде всего это использование *es* (*ser*) вместо *hay*: *Quien es que tenga bienes*. Форма *es* часто используется уже не только как глагол-связка: *¡Alahe! ¡Verdad es!* Также для усиления местоимения *él*: *¡El es ..!* *¿Quien es?* или как глагол-связка, но с дополнениями во множественном числе: *que todo esto es pasos seguros*.

Глагол *ser* обычно используется с прилагательными, существительными, наречиями и причастиями, причем чаще с пассивными и реже с активными: *Mejor es poder ser doliente que ...*

Сфера использования формы *es* этого глагола намного шире по сравнению с современным испанским языком: и с инфинитивами, и с предлогами в оборотах типа: *que no es de ...*

Происходит медленное разграничение сферы значений *ser* и *estar*. *Ser* употребляется для констатации наиболее существенных явлений, соотносимых с полями понятий: существование, жизнь, состояние: *mundo es, passe, ande su gueda*. Глагол *estar* более специфичен и наиболее частотен в обозначении понятий пространства и времени: *todos en esta concordia están*. В соотносительных предложениях: *que allí, hermana, soy conosciada, allí estoy aparrochada*.

Глагол *ser* во фразе может быть синонимичным выражениям: *tratarse de, ser capaz de, ser propio* и даже конструкциям с глаголом *deber, ser a cargo*: *que le soy a hacerse*.

Подобным образом развивается и другая пара *haber* и *tener*. Глагол *tener* приобретает много дополнительных значений: *considerar, mantener* и др.; и все шире используется в выражениях с различными предлогами: *de, por, en: tener por cruel, tener en menos* и т.д.

Глагол *haber*, напротив, теряет большую часть своих значений и регистрируется обычно уже в стабильных сочетаниях, но и в них заменяется на *tener*. Ср. *harele auer a Areusa* и *qual se la tiene Sempronio*.

В первой академической грамматике испанского языка

была сделана попытка регламентации использования вспомогательных глаголов.

Она запрещала использовать глагол *haber* в функции инхоативного и по значению равного *obtener* в противоположении глаголу *tener*, выражающему продолжительность обладания. Запрет основывается на тенденциях синтаксического употребления, которые складываются в памятниках «Песнь о моем Сиде», в произведениях Хорхе Манрике и других писателей и поэтов.

В XVII в. глагол *haber* становится только вспомогательным, его остальные функции сохраняются только для целей стилизации, для передачи архаической речи. В современном языке продолжает существовать его безличная форма *hay que + infinitivo*, *haber de + infinitivo*.

Основной функцией глагола *haber* становится образование сложных временных форм непереходных и возвратных глаголов. Соперничающий с ним в этой функции глагол *ser* постепенно выходит из употребления, хотя еще Вальдес писал: “*pues los moços son idos a comer*”.

Значение глагола *ser*, когда он используется не в функции вспомогательного глагола, не было достаточно дифференцировано от параллельного ему по значению *estar*. *Ser* мог означать ‘положение’: *que es en Sierra Morena; es dicho* вместо *está dicho*. Глагол *ser*, как правило, использовался с перфектами непереходных и возвратных глаголов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на русском языке

- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10.
- Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А.* Введение в романскую филологию. М., 1983.
- Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. М., 1951, т. I — II.
- Бородина М. А.* Проблемы лингвистической географии. М. — Л., 1966.
- Будагов Р. А.* Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М., 1963.
- Будагов Р. А.* Язык, история и современность. М., 1971.
- Будагов Р. А.* К теории синтаксических отношений. — Вопросы языкознания, 1973, № 1.
- Бурсье Э.* Основы романского языкознания. М., 1952. 3-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.
- Васильева-Шведе О. К.* К вопросу о форме на -ante (-ente, -iente) в испанском языке. — Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 232, вып. 35.
- Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В.* Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М., 1972.
- Вольф Е. М.* Местоименные субституты в романских языках и в латыни. — В кн.: Общее и романское языкознание. М., 1972.
- Гомес Х. Х.* Об историческом развитии испанских адвербиальных суффиксов. — В кн.: Романо-германская филология. Л., 1957.
- Гурычева М. С.* Народная латынь. М.: URSS, 2014.
- Зубова Т. Е.* Выражение значения «обладания» в староиспанском языке. — В кн.: Романо-германское языкознание. Минск, 1969, вып. 2.
- Йордан Й.* Романское языкознание. М., 1971.
- Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М., 1958.
- Катагощина И. А., Вольф Е. М.* Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберо-романская подгруппа. М., 1968.
- Козловская В. И.* Древнейшая письменность иберов. — Вопросы древней истории, 1971, № 3.
- Кондратов А. М.* Книга о букве. М., 1975.
- Корлэтяну Н. Г.* Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. М., 1974.
- Короленко И. А.* Словарь этимологических дублетов испанского языка. Л., 1969.
- Корсунский А. Р.* Готская Испания. М., 1969.
- Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. 3. 3-е изд. М.: URSS, 2010.
- Кудрявцев А. Е.* Испания в средние века. М., 1937. 4-е изд. М.: URSS, 2015.
- Лamina К. В.* Из истории испанского Indefinita. — Вестник ЛГУ, 1969, № 20, вып. 4.
- Левинтова Э. И.* Лебриха и Вальдес (из истории литературной нормы испанского языка). — В кн.: Общее и романское языкознание. М., 1972.
- Лухт Л. И.* О специфике иберо-романских языков (на материале морфологии глагола). — В кн.: Первая Всесоюзная конференция по испанской филологии. Л., 1970.

Макаров В. В. Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков. Минск, 1972.

Мишулин А. В. Античная Испания. М., 1959.

Общее и романское языкознание. М., 1972.

Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Пиотровский Р. Г. Формирование артикля в романских языках. М. — Л., 1960. 3-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2013.

Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков. Минск, 1970, ч. I — II.

Реферовская Е. А. Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода. М. — Л., 1964.

Реферовская Е. А. Истоки аналитизма романских языков. Очерки по синтаксису средневековой латыни. М. — Л., 1966. 2-е изд. URSS, 2007.

Репина Т. А. Аналитизм романского имени (склонение существительных на западе и востоке Романии). Л., 1974.

Романские языки. Сборник статей. М., 1965.

Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. М., 1952.

Сергиевский М. В. Славяно-молдавские этюды. М., 1959.

Скрелина Л. М. Некоторые вопросы развития языка. Минск, 1973.

Сравовельский С. И. Грамматика латинского языка. М., 1948.

Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности. М., 1972.

Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

Степанов Г. В. О взаимодействии фонетики и морфологии (на материале испанских диалектов. — Уч. зап. ЛГУ, 1957, № 204, вып. 29.

Степанов Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963. 2-е изд. М.: URSS, 2004.

Тройский И. М. Очерки по истории латинского языка. М. — Л., 1953.

Шенгелия И. Г. Народно-разговорная латынь. Тбилиси, 1962.

Широкова А. В. Латинский язык на Балканах (Опыт фонологического описания). Минск, 1967.

Широкова А. В. Очерк сравнительного описания восточно-романской фонологической системы (на материале надписей). Минск. 1968.

Шишмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании. М. Л., 1941. 4-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2010.

Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972.

Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 1950. 2-е изд. М.: URSS, 2004.

Литература на иностранных языках

Alonso A. Estudios lingüísticos. Temas españoles. Madrid, 1967.

Alonso A. De la pronunciación medieval a la moderna en español, Madrid, 1967 — 1969, t. I — II.

Alonso M. Evolución sintáctica del español. Sintaxis histórica del español desde iberorromano hasta nuestros días. Madrid, 1962.

Alvar M. Variedad y unidad del español. Madrid, 1969.

Badia Margarit A. Gramática histórica catalana. Barcelona, 1951.

Baldinger K. La formación de los dominios lingüísticos de la península Ibérica. Madrid, 1964.

- Boulaño e Isla A.* Manual de historia de la lengua española. México, 1959.
- Carnoy A.* Le latin d'Espagne d'après les inscriptions. Bruxelles, 1906.
- Castro A.* Glosarios latinospañoles de la Edad Media. Madrid, 1936.
- Corominas J.* Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana. Bern, 1954 — 1957, t. I — IV.
- Coseriu E.* El llamado "latín vulgar" y las primeras diferenciaciones romances. Montevideo, 1954.
- Díaz y Díaz M. C.* Antología del latín vulgar. Madrid, 1962.
- Elcock W. D.* Romance languages. L., 1960.
- Enciclopedia lingüística hispánica. Madrid, 1967, t. I — II.
- García de Diego V.* Gramática histórica española. Madrid, 1951.
- García y Bellido A.* La península Ibérica en los comienzos de su historia. Madrid, 1953.
- Giliy Gaya S.* Nociones de gramática histórica española. Barcelona, 1961.
- Griera A.* Gramática histórica catalana. Barcelona, 1965.
- Hanssen F.* Gramática histórica de la lengua española. Madrid, 1913.
- Jungemann F. H.* La teoría del sustrato y los dialectos hispano romances y gascones. Madrid, 1960.
- Křepinsky M.* La naissance des langues romanes et l'existence d'une période de leur évolution commune. Romanica II. Rozparavy ČSAV 1958, r. 68, s. 13.
- Lanchetas R.* Gramática y vocabulario de las obras de Gonzalo de Berceo. Madrid, 1900.
- Lapesa R.* Historia de la lengua española. Madrid, 1950.
- Löfstedt E.* Late Latin. Oslo, 1959.
- Machado J. P.* As origens do português. Ensaio, p. I. Lisboa, 1945.
- Malmberg B.* Linguistique ibérique et ibéro-romane. Problèmes et méthodes. — Studia Linguística, 1961, t. V.
- Malmberg B.* Estudio de fonética histórica. Madrid, 1965.
- Marouzeau J.* La prononciation du latin (histoire, théorie, pratique). P., 1943.
- Menéndez Pidal R.* El idioma español en sus primeros tiempos. Buenos Aires — México, 1945.
- Menéndez Pidal R.* Toponimia prerromana hispana. M., 1952.
- Menéndez Pidal R.* Manual de gramática histórica española. M., 1968.
- Menéndez Pidal R.* Orígenes del español. Estado lingüístico de la península Ibérica hasta el siglo XI. Madrid, 1968.
- Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1930—1935.
- Navarroomás T.* Manual de pronunciación española. La Habana, 1968.
- Oelschläger V.* A medieval Spanish Word list: a preliminary dated vocabulary of first appearances up to Berceo. The Univ. of Wisconsin Press, 1948, t. VII.
- Pariente Herrejón A.* El problema de la forma "eres". — In: Homenaje a Menéndez Pidal. Madrid, 1969. — Revue de la Univ. de Madrid, 1969, v. XVIII, n° 69.
- Pellegrini G. B.* Grammatica storica spagnola. Bari, 1950.

- Pop S.* Encyclopédie de la philologie romane. Langues et dialectes de la Romanía. Louvain, 1956 — 1957.
- Raluy Poudevida A.* Historia de la lengua castellana. México, 1966.
- Rohlf G.* Einführung in die romanische Philologie. München, 1950.
- Rohlf G.* Sermo vulgaris latinus. Tübingen, 1956.
- Rohlf G.* Diferenciación de léxica de las lenguas románicas. M., 1960.
- Rohlf G.* Romanische Sprachgeographie. München, 1971.
- Silva Neto S. da.* Historia da lingua portuguêsa. Rio de Janeiro, 1952.
- Silva Neto S. da.* Historia do latim vulgar. Rio de Janeiro, 1957.
- Sorrento L.* Sintassi romanza. Ricerche e prospettive. Varese — Milano, 1950.
- Tagliavini C.* Le origini del le lingue neolatine. Introduzione alla filologia romanza. Bologna, 1964.
- Tovar A.* The ancient languages of Spain and Portugal. N. Y., 1961.
- Tovar A.* Lo que sabemos de la lucha de las lenguas en la península Ibérica. Madrid, 1968.
- Traina A.* L'alfabeto e la pronunzia del latino. Bologna, 1957.
- Väänän V.* Introduction au latin vulgaire. P., 1967.
- Vidos B. E.* Manuale de linguistica romanza. Firenze, 1959.
- Wartburg W. von.* La fragmentación lingüística de la Romanía. Madrid, 1952.
- Weinreich U.* Languages in contact, N. Y., 1957.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора ко второму изданию.....	3
Предисловие.....	3
Введение.....	4
<i>Глава 1</i>	
Языковые памятники племен Пиренейского полуострова и особенности латинского языка в Испании.....	11
Испанский язык и романские языки.....	11
Древнейшие языки и племена Пиренейского полуострова	13
Римское завоевание и романизация.....	23
Латинский язык — основа романских языков.....	26
<i>Глава 2</i>	
От первых испанских романсе до испанского языка эпохи Возрождения	37
Становление испанского романсе.....	37
Вестготское завоевание и влияние германского адстрата	39
Арабское завоевание и арабский суперстрат	45
Основные периоды в истории испанского языка	52
Кастильский диалект среди других исторических диалектов Пиренейского полуострова.....	58
Орфографические особенности испанских романсе.....	61
Литературные памятники испанского языка.....	65
Влияние соседних романских языков на испанский язык	69
Литературный язык.....	73
<i>Глава 3</i>	
Изменения фонетического уровня.....	76
Ударение.....	77
Общие проблемы вокализма.....	78
Ударные гласные.....	84
Безударные гласные.....	86
Конечные гласные.....	87
Общие проблемы консонантизма.....	88
Групповые согласные.....	95
<i>Глава 4</i>	
Изменения морфологического уровня.	
Проблемы изменения в морфологии.....	101
Существительные.....	103
Прилагательные.....	107
Местоимения.....	110
Артикль.....	119
Числительные.....	123
Глагол.....	126
Неизменяемые части речи.....	136
<i>Глава 5</i>	
Изменения синтаксического уровня. Общие положения	142
Латинское предложение.....	144
Порядок слов архаического и староиспанского языка.....	148
Синтаксис альфонсийского периода.....	153
«Латинизированный» синтаксис XIV в.....	156
Эволюция испанского синтаксиса в XV и XVI вв.....	158
Синтаксис словосочетания.....	161
Функциональный синтаксис отдельных частей речи.....	163
Синтаксические функции предлога.....	163
Синтаксис вспомогательных глаголов.....	168
Список использованной литературы.....	172

Вадим Павлович ГРИГОРЬЕВ

1932–2014

Профессор, известный филолог-романист. Автор многих трудов по испанскому и другим романским языкам и литературам. Выпустил ряд учебников и учебных пособий по испанскому языку. Участник многих конференций, как в России, так и за рубежом. Его многочисленные ученики работают преподавателями как в университетах России, так и в зарубежных вузах.

Наше издательство предлагает следующие книги:

